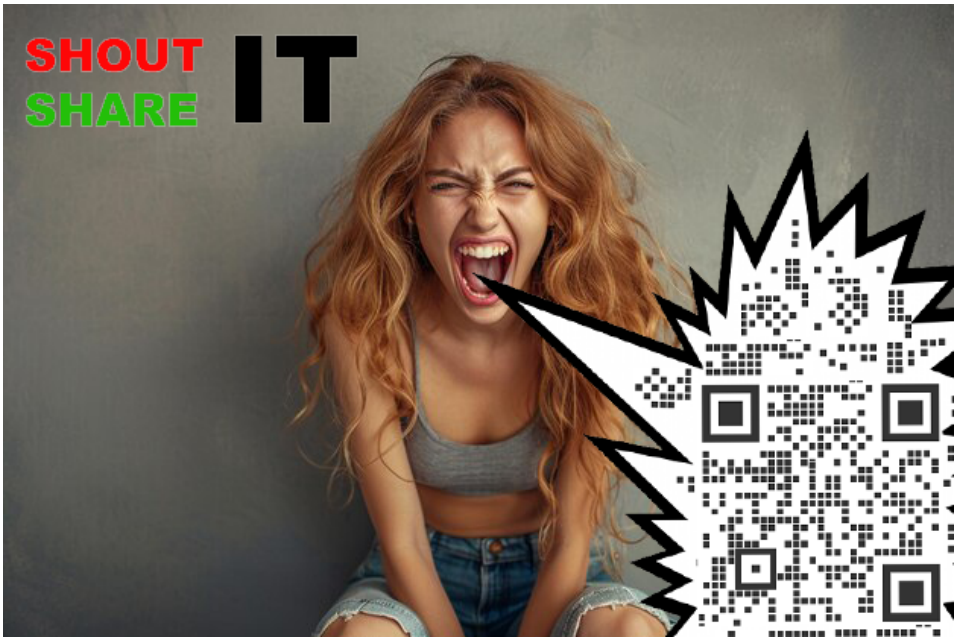
Базирование Военно-морского флота СССР

Виктор Иванович Манойлин


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга генерала В. И. Манойлина — это его воспоминания о жизни во времена Советского Союза и после его распада, о службе в советском Военно-морском флоте и о работе в одной из крупнейших нефтяных компаний постсоветской России. В период «холодной войны» 1946–1991 гг., на котором автор акцентирует свое внимание, он служил и работал в структурах Военно-морского флота, принимая участие в организации его базирования. Автор ставит своей целью информировать читателя о малоизвестных и вовсе неизвестных страницах истории советского Военно-морского флота, делая это в легкой повествовательной манере.

- Обращение к читателю
- Сальск
- Война
- Высшее Инженерно-Техническое Командное Училище Военно-Морского Флота
- Кронштадтская военно-морская крепость
- Тихоокеанский флот — Стрелок
- Тихоокеанский флот — Камчатка
- Тихоокеанский флот — Владивосток
- Ленинград
- Санкт-Петербург
- Послесловие

Обращение к читателю

Спешу сообщить, что я не писатель, а прежде всего читатель, и, как и большинство людей, определяю, стоит ли внимания какая-либо книга уже после прочтения первых двух-трех страниц. Поэтому постараюсь сразу сообщить те сведения, которые помогут взявшему в руки эту книгу решить, читать ли ее дальше или нет.

Эта книга — мои воспоминания о жизни во времена Советского Союза и после его распада, о службе в советском Военно-морском флоте и о работе в одной из крупнейших нефтяных компаний постсоветской России.

И в советские времена — в звании от инженер-лейтенанта до инженер-генерал-майора ВМФ, и в современной России — в должности руководителя одного из структурных подразделений нефтяной компании — я занимался одним и тем же: участвовал в создании и поддержании морского могущества нашего государства.

Можно предположить, что заинтересовать читателя воспоминаниями не «раскрученного» средствами массовой информации человека будет более сложно, чем мемуарами известных политиков, деятелей искусства и шоу-бизнеса.

Надеюсь на справедливость утверждения журналиста А. Тарханова в газете «Коммерсант»: «Воспоминания никому не известных людей неинтересны современникам, но они со временем только набирают вкус. Скандальные воспоминания знаменитостей живут только один сезон».

Начав писать, я совершенно четко представлял себе скептическое отношение читателей к авторам мемуаров, которое можно передать следующими словами финского писателя Марти Ларни: «Для подобной стряпни (мемуаров) не требуется особенно ценных продуктов. Авторы названных сочинений раскрывают кладовые своей памяти прежде всего потому, что это модно; к тому же иные из них считают непоправимым бедствием свой уход со сцены и то, что грядущие поколения ничего не будут знать о столь незаменимых личностях».

Осмелился я написать эту книгу в надежде на то, что ее содержание будет ближе утверждению А. Тарханова, чем М. Ларни.

Название книги, как это и должно быть, говорит о ее содержании. Период «холодной войны» начался в 1946 году, после окончания Второй мировой войны, и закончился в 1991 году после распада Советского Союза. Все это время я служил и

работал в структурах Военно-морского флота, принимая участие в организации его базирования.

Если воспользоваться «терминологией» Санкт-Петербургского клуба моряков-подводников, то вместе с моряками этого клуба я считаю себя и всех моих коллег, занимавшихся обеспечением боевой службы и боевого дежурства сил Военно-морского, флота, ветеранами «холодной войны» на море.

Мне довелось служить и работать на разных флотах и в разных местах, а потом быть одним из руководителей, которые отвечали в целом за всю систему базирования Военно-морского флота, поэтому мне есть чем заинтересовать читателя (естественно, ни в коем случае не переходя границ дозволенной информации).

Открытая литература по базированию отечественного ВМФ встречается редко, одна из последних новинок — «Военные строители Черноморского флота». Хорошая, интересная книга, историческая ценность которой не вызывает сомнений. В ней много того, о чем раньше не писали.

Моя книга продолжит тенденцию информировать читателя о малоизвестных или неизвестных страницах истории советского ВМФ.

Но этим не ограничивается ее содержание — в ней будут и воспоминания о моей жизни и о моем отношении к той действительности, в которой я жил и живу. Это будет описание одной судьбы, а именно моей, в потоке истории, временные рамки которого ограничены датой моего рождения и датой издания этой книги.

* * *

Родился я в 1929 году. Этот год Сталин назвал «годом великого перелома» — назвал потому, что была завершена сплошная коллективизация сельского хозяйства, на основании чего делался вывод о ликвидации последней экономической базы возврата к капитализму.

Тогда же завершились все политические и экономические мероприятия, позволяющие заявить, что созданный семь лет назад, в 1922 году, Советский Союз превратился в единое, монолитное государство и что исключены все возможности его распада.

Работа над рукописью началась в декабре 2001 года, когда в России, которая стала самым крупным осколком разломанного и распавшегося в 1991 году Советского Союза, завершилась полная ликвидация последних экономических образований социализма.

Мои воспоминания охватывают период от «великого перелома» в сторону социализма до «полного разлома» этого

социализма и развала первого в мире социалистического государства на пятнадцать капиталистических частей.

Книга вполне могла бы называться «От великого перелома до полного разлома», но я выбрал то название, под которым она выходит в свет.

Автор никогда не вел дневников и при написании этих воспоминаний не пользовался архивами, перенося на бумагу только то, что помнил, надеясь, что уж если сам не забыл, то это может быть интересным и читателю.

Книга не является историческим очерком с указанием дат, строгой последовательностью повествования, анализом явлений и событий — в ней просто описание событий, эпизодов, людей прошедшего и нынешнего времени, изложенное с максимально возможной объективностью.

Я совершенно четко понимаю, что объективность личных воспоминаний — понятие не однозначное, а скорее, спорное. Как бы автор не заявлял о своей исключительной объективности, все равно мемуарист, по утверждению литературоведа И. Подольской, «записывает не то, что вспомнилось, но из того, что вспомнилось, выбирает то, что соотносится с его концепцией жизни и той конкретной личностью, о которой он пишет».

То, что выбрано для этой книги, представляется читателю в концепции, сформулированной Уильямом Сомерсетом Моэмом для своих мемуаров: «Я трактую предметы только так, как я их воспринимаю. Я не стремлюсь никого убеждать».

С начала перестройки и по сей день издано столько воспоминаний, разоблачений, разъяснений, уточнений, архивных открытий, что появление еще одних может быть отнесено к категории «а это уже перебор».

Я старался, чтобы перебора не было.

Попытаюсь довести до читателя только те события и случаи, которые, несмотря на их кажущуюся в некоторых случаях незначительность, были бы характерны только для того конкретного момента времени, о котором идет речь.

Осталось ответить на два вопроса, которые всегда возникают у читателя к автору мемуаров: первый — для чего, второй — для кого он пишет.

Отвечая на первый вопрос, приведу слова Уильяма Сомерсета Моэма: «Я пишу эту книгу, чтобы вытряхнуть из головы некоторые мысли, которые уж очень прочно в ней застряли и смущают мой покой» и сибиряка Н. А. Белоголового, написавшего в свое время воспоминания о декабристах: «Чувствую, что эти воспоминания могут показаться мелкими и скудными, но тем не менее пишу их в надежде, что они могут со временем

пригодиться как достоверный материал».

Эпоха от 1917 года до наших дней настолько значима в мировой истории человечества, что интерес к ней не имеет предела. Все, кто имеет отношение к истории, философии, политологии, искусству, экономике и другим видам творческой деятельности, так или иначе уже вовлечены и будут вовлекаться в процесс изучения и осмысления этой эпохи.

На второй вопрос автору ответить легче: для читателя без разделения его на возраст, пол, социальное положение, национальность, вероисповедание, гражданство, и прочее, прочее. Раньше, в советские времена, был такой термин — «широкий круг читателей». Так вот, я старался, чтобы читательский адрес был именно таким, зная, что никто не станет читать книгу, которая не интересна и не нужна.

Автору остается только ждать своих читателей и надеяться, что среди них окажутся военнослужащие и ветераны Военно-морского флота, с которым я был связан 50 лет своей жизни.

Сальск

Детство мое прошло в городе Сальске Ростовской области, расположенном в центре Сальских степей.

Сальск — крупная узловая железнодорожная станция на пересечении магистральной железной дороги Волгоград-Краснодар — Новороссийск и дороги Сальск-Ростов-на-Дону. Во время моего детства все это было Сталинградской железной дорогой.

На всех географических картах Сальск территориально относится к Северному Кавказу.

Через Сальские степи шли скифы, татаро-монголы, русские войска — на завоевание берегов Азовского и Черного морей, на покорение Кавказа; запорожские казаки — чтобы стать казаками кубанскими. В Сальских степях осели калмыки, а потом и донские казаки.

Там происходили драматические события Гражданской войны. По ним волнами, сменяя друг друга, прокатывались отряды белых, красных, зеленых и вообще непонятно каких, все кругом воевали друг с другом и все старались задержаться в этом богатом и сытном крае.

Магистральные дороги Сальских степей — это дороги жестоких битв за власть Советов и против нее.

Сальские степи — это степи знаменитой конницы Буденного.

После окончания Гражданской войны в Сальском районе были созданы три структуры, которые стали известны не только в нашей стране, но и за рубежом: совхоз «Гигант», конный завод имени Буденного и коммуна «Сеятель».

Совхоз «Гигант» был крупнейшим предприятием по производству зерна не только в СССР, но и в мире. Здесь впервые в нашей стране сельское хозяйство велось как заводское, его работники были не крестьянами, а рабочими и жили не в сельских мазанках, а в домах городского типа. Его роль и значение для страны были так велики, что по личному указанию Сталина за достигнутые успехи в сборе урожая московская футбольная команда «Динамо» после своего послевоенного турне по Англии была направлена в «Гигант» для встречи на футбольном поле с совхозной командой. Из Ростова и Сальска на эту встречу отправили специальные поезда с футбольными болельщиками. Мне посчастливилось побывать на этом матче.

Поле ровное, трибун никаких, народу много. Передние ряды болельщиков — полулежа, за ними — на коленках, за ними — стоя, за ними — на лошадях, последние — на верблюдах.

В воротах «Динамо» — легендарный Хомич в своей знаменитой кепке. Через несколько минут после начала игры счет стал 1:0 в пользу «Гиганта». Ликованию ростовских и сальских болельщиков не было предела. Встреча закончилась со счетом 10:1 в пользу «Динамо», но это никак не повлияло на гордость сальчан, потому что первый мяч знаменитому Хомичу забил сальский футболист.

На конном заводе имени Буденного была выведена знаменитая буденновская порода лошадей — специальная войсковая лошадь, которая и поныне высоко ценится специалистами за красоту, выносливость и высокие скаковые качества.

Коммуна «Сеятель» — попытка построить коммунизм в одном отдельно взятом хозяйстве. В 1920-е годы в советской России остались немцы, венгры, поляки, чехи, словаки, румыны и люди других национальностей, принимавшие участие в Гражданской войне на стороне красных. Возврат на родину для них был равнозначен дороге в тюрьму или на виселицу. Они воевали за коммунизм и приняли решение приступить к его строительству в России. Советское правительство выделило им громадный кусок земли под Сальском и помогло первоначальными кредитами.

Эти люди сотворили чудеса. Во-первых, они горели идеей. Во-вторых, они были западными или, как сейчас говорят, цивилизованными людьми. Они создали коммуну со следующими основными принципами: работают все вместе, руководство всех уровней выборное, дисциплина твердая; каждая семья живет отдельно, своего хозяйства и кухни не ведет, питание — в общей столовой, дети — в яслях, садах или школах.

Построили отличный жилой городок с каменными домами, уютными квартирами с водопроводом и канализацией, столовые, школы, клуб и т. п. В городке улицы и тротуары — асфальтированные, кругом палисадники и т. д.

Производственная база поражала воображение — все каменное, все добротное, везде электричество, везде механизмы. В коровниках захотевшие пить коровы нажимали носом кнопку в раковине — и вода текла.

Я попал туда на экскурсию, когда учился в четвертом классе. В это время дети моего возраста увлекались военной техникой, космонавтикой и произведениями Жюля Верна. Полет на Марс тогда считался вполне возможным делом, но когда я увидел корову, самостоятельно пьющую воду, был просто шокирован.

В голой степи были разбиты плодовые сады, размеры которых измерялись километрами. Все деревья — одинакового роста, все подстрижено, между рядами трактором все пропахано, никаких

сорняков. Так же красиво содержались и зерновые поля. Поражала абсолютная чистота везде и абсолютное отсутствие заборов. Было непонятно, как можно жить без заборов, запоров и замков. Вот висят крупные прекрасные яблоки — подходи и рви, вот чудесный виноград, вот спелые арбузы. Почему все это не охраняется? Нам объяснили: свои не рвут — сознательные, чужие не появляются, поскольку коммуна расположена далеко от всех, а «на всякий случай» на дальних подступах дежурят конные патрули.

Опыт с построением коммунизма в отдельно взятом хозяйстве закончился плачевно. Во-первых, потому что в коммуне было очень много бывших иностранцев, и в 1936–1937 годах там с особым энтузиазмом искали шпионов, вредителей и других врагов народа. Во-вторых, начали отменять ранее выданные льготы и ограничивать права, а в-третьих, в связи с ростом хозяйства пришло много новых людей, убеждения и отношение к работе которых существенно отличались от тех, которые были свойственны его «отцам-основателям».

С началом войны коммуну преобразовали в колхоз — со всеми вытекающими последствиями.

Во времена моего детства Сальск был городом многонациональным.

В сальском русском языке было много украинских слов, говор был мягкий, хохляцкий. Никто никогда не разбирался, кто русский, а кто хохол — и мои сверстники, и я считали, что это одно и то же.

Близость к Кавказу и Калмыкии обусловила проживание в Сачьске калмыков, армян, лаков, татов, грузин и людей других национальностей. Но в нашей детской среде никогда никакого разделения по национальным признакам не было. Было другое — «с нашей улицы» или «не с нашей улицы» или из «такой-то школы».

По тем временам Сальск считался вполне приличным районным центром: крупный железнодорожный узел, большой каменный вокзал, центральная и несколько боковых улиц — мощеные, в центре каменные двухэтажные дома, хороший каменный кинотеатр, прекрасный городской парк, отличная городская библиотека, Дом пионеров, школы в хороших зданиях и т. п. Было несколько заводов и множество различных артелей. Все это в центре на небольшом участке, остальное же — одноэтажные саманные хаты, преимущественно с кровлями из камыша.

Главная достопримечательность — улицы. В сухую погоду пыль толщиной не менее десяти сантиметров. Пройдет машина,

поднимет пыль — ничего вокруг не видно. В дождь — грязь неимоверная, с ноги сапог снимает. Самое приятное время — дня два после дождя. Протопчут дорожки, они мягкие, ходить по ним одно удовольствие — ни пыли, ни грязи.

Мои родители — школьные учителя. Отец — Иван Кузьмич, донской казак, учитель математики, окончил Томский учительский институт. Мать — Антонина Владимировна, кубанская казачка, с золотой медалью окончила гимназию в Ставрополе, что дало ей право на преподавание в школе. В советское время она училась в учительском институте и преподавала русский язык и литературу.

Старший брат Владимир до седьмого класса учился в школе, расположенной недалеко от нашего дома. На летних каникулах довольно большая группа его школьных товарищей играла в Гражданскую войну. Естественно, в такой войне должны быть белые и красные.

На этот раз для придания игре большей живости решили, что будут с одной стороны красные, с другой — махновцы. Махно — это значит конница, это набеги, грабежи, засады и все прочие элементы «бандитской героики», столь привлекательные для подвижных игр подростков. Как положено, тянули жребий, кому на какой стороне играть. Брату досталась команда Махно, а в этой команде он и его двое товарищей добровольно, а не по жребию, вызвались играть самого Махно и двух его ближайших соратников.

Об этом стало известно руководству школы, которое решило исключить всех троих из школы — в советской школе не могут учиться дети, играющие роль Махно. Приказ решили подписать, когда кончатся летние каникулы, чтобы все было прилюдно, показательно и с большим воспитательным эффектом, чтобы никто и никогда и мыслить не смел добровольно принимать во время игры личину врага Советов.

Узнав об этом, мой брат и его товарищи тем же летом подали заявление и были приняты в железнодорожную школу. А это — уже другое ведомство. Это не Сальское районо, а Сталинградская железная дорога.

Показательное увольнение из школы не состоялось, брат закончил десять классов железнодорожной школы, потом Ростовский институт инженеров железнодорожного транспорта и всю свою жизнь работал только на железной дороге.

Мы жили в собственном вполне приличном доме: стены саманные, кровля металлическая, три комнаты, кухня и большая веранда. Главное — большой участок. В те времена базар в Сальске был великолепный, цены столь низкие, что моим

родителям их учительской зарплаты вполне хватало, чтобы не заниматься своим огородом. Поэтому участок зарос великолепной полевой травой, было много деревьев, в том числе чудесной белой акации.

В те времена летом регулярно проходили учительские конференции, на которые съезжались учителя всех школ района. Товарищи и друзья моих родителей, участники конференции, обязательно собирались у нас на траве под деревьями. Приезжали давние знакомые из далеких сел, подруги по гимназии, коллеги по прежней работе в калмыцких степях. Собиралось человек по пятнадцать-двадцать. Варились пара ведер раков и уха, зелень, сыр, хлеб потрясающей пышности и вино — все с базара, наисвежайшее и, главное, дешевое. Никаких холодильников не было. Раки — живые, сливочное масло — только что сбитое, завернутое в капустный лист, рыба для ухи должна бить хвостом, хлеб — только что испеченный и т. п.

Как они умели говорить! Никаких патефонов, никаких гармошек и танцев. Эти люди умели интеллектуально общаться — они вспоминали, говорили о своих учениках, коллегах, о методах преподавания, о новых книгах. Говорили часами, все вместе, говорили, разбившись на пары и т. п. Они были интересны друг другу, умели радоваться общению и не знали, что такое скука.

По нашей улице между двумя госучреждениями было четыре частных участка с домами, среди которых — и наш. В конце тридцатых годов провели инвентаризацию земельных участков. Все четыре участка оказались площадью выше нормы, и у всех четырех хозяев изъяли землю в торцах участков. Эти изъятые земли назвали отрезками. На всех четырех отрезках росли фруктовые сады. Отдать их для застройки другим людям было невозможно, так как к ним не имелось никакого подъезда, и они стали ничейной землей. Через участки госучреждений, вход на которые был практически свободным, на отрезки с фруктовыми садами сейчас же стали заходить все кому не лень. Попытки хозяев защитить свои бывшие фруктовые сады от разграбления и поломок дали нулевой результат. Через пару лет сады погибли, а отрезки стали местом сборищ для всех окрестных хулиганов. Только в конце пятидесятых сумели организовать туда проезды и отдать землю под застройку.

Двадцать лет пустовала земля только потому, что если бы она не пустовала, то у четырех хозяев участков ее было бы больше, чем «положено». Пусть лучше сад погибнет, пусть земля ничего не дает, пусть на ней хулиганье хозяйничает и делает набеги на соседние участки, чем у одних будет земли чуть больше, чем у

других. Пусть лучше пропадет, чем у кого-то будет больше, чем у всех. Равенство превыше всего...

В 1936 году я пошел учиться в первый класс начальной школы, которая называлась опорной или — среди детворы — «опоркой».

Звание опорной ей официально присвоил районный отдел народного образования, и оно означало, что все начальные школы района должны были в своей работе опираться на передовой опыт преподавания в этой школе.

Когда мой сын пошел в первый класс, я, естественно, поинтересовался постановкой обучения и не нашел большой разницы с той методикой, по которой учили нас в «опорной» школе.

Родители и старший брат рассказывали, что мне повезло, потому что последний на себе испытал некоторые новаторские послереволюционные приемы обучения. Для воспитания коллективизма ученики разбивались на бригады, и отметка за успеваемость ставилась всей бригаде по результатам ответа одного ученика. Письменная контрольная работа тоже писалась одна на бригаду.

Еще старший брат испытал на себе и комплексный метод обучения, суть которого сводилась к тому, что отдельных дисциплин (русский язык, арифметика, рисование и т. п.) не было, а было так называемое предметное обучение.

Например, сегодня изучалась корова. На первом уроке изучалась корова как таковая, т. е. что у нее есть рога, из которых можно делать гребешки для волос, вымя, из которого можно выдоить молоко, шкура, из которой после ее обработки можно сшить сапоги. Параллельно изучалось, что можно сделать из молока. Далее рассказывали, как содержать корову, как устроена маслобойня, как дубить кожу и т. п. На втором уроке корова изучалась как слово русского языка: корова — имя существительное, а коровье — уже прилагательное, правописание, склонение и т. п. На третьем уроке несчастное животное изучалось с точки зрения арифметики: у каждой коровы два рога, в стаде десять коров, сколько рогов из этого стада можно сдать на завод для выработки гребешков?

При мне всем этим уже переболели, учили нормально и добротно.

В школе было всего четыре класса. В нашем первом классе было 42 человека. Здание школы очень удобное, классы светлые, большая рекреация, хорошая мастерская для уроков труда, библиотека, комната кружковой работы. При школе — прекрасный сад и участок для игр, все это огорожено добротным

забором. Чистота, порядок и дисциплина в школе были образцовыми. Квалификация учителей высокая.

В школе не было никаких издевательств старших над младшими. Идеи коллективизма учителя нам прививали очень настойчиво, но не навязчиво. Это у них получалось хорошо, и мы с большим удовольствием принимали участие в многочисленных мероприятиях. Сейчас вспоминаю, что мы все время были при деле, т. е. под надзором и при влиянии учителей.

В 1937 году, когда я был во втором классе, готовились к встрече 20-й годовщины Октябрьской революции. В школе планировалось торжественное собрание, мне было поручено на нем выступить от второго класса. Естественно, я должен был подготовить выступление на две страницы и предварительно показать учителю. С текстом никаких проблем не было — было откуда переписать. Выступление надо было обязательно закончить словами: «Да здравствует товарищ Сталин — великий вождь и учитель».

В то время я много слушал радиопередач, с тех далеких времен радио и сейчас мне роднее телевизора. В этих передачах часто упоминалось имя Молотова — тогда он был председателем Совнаркома, т. е. главой правительства. В моем детском мозгу сложилось четкое представление: самый главный и самый великий, конечно, товарищ Сталин, а Молотов — его самый-самый первый помощник. Поэтому «Да здравствует» надо провозгласить обоим. Обоим-то обоим, но первого надо как-то особо выделить. И свое выступление я закончил не совсем так, как было в рукописном тексте, а именно: «Да здравствует стальной товарищ Сталин и железный товарищ Молотов!»

Услышав необычную концовку выступления, учительница потребовала объяснений. Я рассказал, что на уроке труда мы посещали кузницу, где нам объяснили, что сталь и железо — это не одно и то же, что сталь — это выше, и для того, чтобы железо стало сталью, его надо специальным образом закалить. Это объяснение учительницу вполне удовлетворило.

В 1938 году я перешел учиться во вновь открытую неполно-среднюю школу № 1, где стала работать учителем русского языка и литературы и моя мама.

Открытие этой новой школы стало большим событием для нашего маленького города. Во-первых, кирпичное здание школы было двухэтажным, а в городе двухэтажных зданий к тому времени насчитывалось не более десятка. Во-вторых, оно специально проектировалось как здание образцовой советской школы. В-третьих, его укомплектовали наиболее квалифицированными учителями.

Старые учителя еще помнили, что такое директор гимназии, по царским временам — что-то вроде гражданского генерала. Стать директором гимназии — вершина учительской карьеры. Поэтому не только их, но и весь учительский коллектив района интересовало, кто же станет директором еще не виданной в районе школы. Им стал рабочий по фамилии Харахаш, шахтер из Донбасса, награжденный орденом за ударную работу в шахте, затем заочно окончивший учительский институт. Член партии, ни одного дня не работавший в школе. Учителя были в шоке и тут же окрестили Харахаша «красным директором».

Одним из первых его мероприятий стала организация экскурсии всего учительского коллектива в коммуну «Сеятель», где, напомню, в отдельно взятом хозяйстве старались построить коммунизм. Увиденное произвело на учителей большое впечатление, и они одобрили нового директора за его нестандартный способ войти в учительский коллектив. Красный директор так повел дело, что через год учителя не только его терпели, но стали уважать за то, что он сосредоточился на хозяйственной работе, дисциплине учащихся и не вмешивался в учебный процесс.

Когда были первые выборы в Верховный Совет СССР, наша соседка бабушка Макарьевна, делясь со мной своими впечатлениями об избирательном участке, упомянула, что в комнате висят два портрета — Ленина и Троцкого. Я, малолетний мальчишка, тут же поправил бабушку, что второй портрет не Троцкого, а товарища Сталина. Я был искренне удивлен, что бабушка не знает таких простых вещей — Троцкого давно нет, он же злейший враг трудового народа. Не знать товарища Сталина по портрету казалось мне совершенно невероятным.

Этот эпизод я вспомнил, когда началась борьба с культом личности Сталина и появилась новая литература о революции и Гражданской войне. Тогда стало известно, что именно Троцкий руководил Красной Армией все годы Гражданской войны, а Сталин был только на ее отдельных участках. Естественно, что Ленина, как руководителя государства, и Троцкого, как руководителя Вооруженных сил этого государства, знали все — не знать о них, не слышать было просто невозможно.

Годы террора нашей семьи не коснулись, но в детской памяти остались совершенно четко. О Ежове заговорили сразу и везде, как только его назначили народным комиссаром внутренних дел. Сразу стали в ходу «ежовые рукавицы» и «ежовые козырьки». На «ежовые козырьки» мы пошли смотреть, как только они появились в нашем городе.

Двухэтажное кирпичное здание милиции находилось на

главной улице города. В подвальном этаже этого здания, окошки которого на уровне тротуара выходили на улицу, располагались камеры для арестантов. Проходя мимо, можно было видеть арестанта, выглядывавшего в это окошко. «Ежовый козырек» представлял собой деревянный щит, закрывавший окно таким образом, что от него оставался просвет только вверх — арестант не мог видеть улицу, а самого арестанта нельзя было увидеть с улицы.

В районе ежегодно проходили трехдневные слеты отличников — их собирали из всех школ района, набиралось человек двести. Приезжих размещали в общежитии, сальские жили дома. Всем выдавали талоны на завтрак, обед и ужин. Кормили хорошо и вкусно. Я жил дома, но с удовольствием пользовался своими талонами. Программа слетов была насыщенной, интересной и разнообразной. Кроме обязательного обмена опытом — спектакли, игры, кино, соревнования и т. п.

Один из слетов открывал заведующий районо Донич В своем приветствии участникам слета он призвал отличников повышать бдительность и выявлять затаившихся врагов народа. А через три дня слет закрывал уже другой заведующий РАЙОНО, который объявил о том, что Донич арестован как враг народа и всем нам и учителям надо повышать бдительность и впредь дело поставить так, чтобы никакие доничи не могли проникнуть в наши ряды.

В то время в стране ввели новые воинские звания, и пяти военачальникам — Ворошилову, Буденному, Тухачевскому, Блюхеру и Егорову — было присвоено звание Маршал Советского Союза. Их фотографии поместили в учебнике истории для 4-го класса.

В один из дней учительница дает команду, чтобы на следующий день все принесли в школу учебники истории и ножницы. На первом же уроке она просит открыть учебники истории на той странице, где помещен портрет Егорова, вырезать его ножницами и отдать ей. Все вырезанные листки учительница положила в конверт и унесла. Через пару дней мы открывали учебник истории на странице, где был портрет Блюхера, а к концу недели — где портрет Тухачевского. Этих трех маршалов объявили врагами народа.

К столетию гибели А. С. Пушкина были выпущены школьные тетради, на обложках которых поместили рисунки на темы сказок Пушкина. Эти тетради поступали централизованно партиями и сразу же одновременно раздавались всем ученикам, причем в каждой партии был рисунок только из одной сказки — например, кот ученый. И вот учительница дает команду принести тетради с определенным рисунком и ножницы, и мы так же, как и в случае с

маршалами, вырезаем картинку и отдаем учительнице. Нам — никаких объяснений. Спрашиваю у матери, и та при условии, что я никогда и никому не скажу, показывает мне на этой картинке кусочек цепи, на котором при большом желании можно рассмотреть что-то похожее на фашистскую свастику. Так как тетрадей с рисунками к сказкам Пушкина было много, мы резали их целый месяц... Естественно, что никто из учеников даже и не подумал задавать дурацкие вопросы, зачем мы оскорбляем память Пушкина и портим тетради.

Так «бдительные товарищи» предотвратили развращение детей фашистской идеологией и уничтожили ее символы, а одновременно — и отлично и с любовью выполненные рисунки.

Все было, был и террор, но было и время великих свершений, которыми мы жили и которыми гордились тогда и гордимся теперь.

Наши летчики летали выше всех, дальше всех и быстрее всех. Обратите внимание, сколько у нас сейчас мужчин, которые носят имя Валерий. Все они родились после 1936 года, когда Валерий Чкалов совершал свои замечательные перелеты. Был и знаменитый перелет Гризодубовой, Осипенко и Расковой через всю страну к Тихому океану.

В конце полета Полине Осипенко пришлось прыгать с парашютом в тайгу, ее искали несколько дней, и вся страна ждала известий о ее судьбе, а мы, дети, особенно. В газете мы читали, что она прыгнула с бортпайком, в который входила пара плиток шоколада, и что шоколад такой высококалорийный продукт, что беспокоиться о том, что отважная летчица погибнет от голода, нет причин.

О шоколаде мы читали и в книгах, слышали рассказы о нем наших родителей, которые до революции не только видели, но и ели его...

В магазинах нашего города было пустовато, особенно по части сахара и конфет, но на прилавке нашего главного продовольственного магазина сиротливо лежали очень дорогие шоколадные конфеты, килограмм которых стоил почти столько же, сколько была государственная пенсия по старости. Из-за высокой стоимости желающих покупать шоколадные конфеты не было, а мы время от времени ходили просто посмотреть на шоколад.

В то время случился пожар в единственном в городе кинотеатре. Мой старший брат, случайно оказавшийся рядом, принял какое-то участие в его тушении, за что тут же получил от дирекции кинотеатра денежное вознаграждение, достаточное для покупки целого килограмма шоколадных конфет, что он, недолго

думая, и сделал. Это было событие. Собрались всей семьей, родители — вспомнить прошлое, дети — попробовать в первый раз. Нас ждало горькое разочарование: из-за просроченных сроков годности, а может быть, и качества, шоколад оказался малопригодным для еды.

Хороший шоколад мне довелось попробовать уже в офицерском звании, лет двадцать спустя...

Насколько бедны были магазины, настолько богат и разнообразен был базар. В Сальске никто не говорил «рынок» — только «базар». Там всегда было все свежее и сравнительно дешево.

Например, осенью 1940 года мой отец пошел на базар купить продуктов на день, а вернулся с подводой, полной зерна. Плата была смехотворно низкой, а продавец так просил купить, что отец привез это зерно домой. Мы ссыпали зерно в большой ларь. Когда в 1941 году началась война, оно нам очень пригодилось.

Родители пережили Гражданскую войну, поэтому в доме всегда был большой запас соли, спичек и мыла. Я пережил Великую Отечественную и послевоенное время, когда было туго с т. н. предметами народного потребления, поэтому генетически от родителей и от собственного опыта соль, спички и мыло имею дома всегда в избытке.

В детском санатории в Геленджике, где мне довелось побывать в 1939 году, питание было четырехразовым, а главная задача воспитателей — заставить нас все съесть. Всего было много, ежедневно давали черную икру. Ведь тогда осетровые еще не были уничтожены, икры добывали много, а надежных способов длительного хранения не придумали, поэтому она и не была дефицитом вблизи тех мест, где водились осетровые породы рыб. Естественно, так было только один раз в году, когда рыба шла на нерест.

Тогда на наших полях появился колорадский жук, размножение которого грозило уничтожить урожай. Было объявлено, что это — работа вредителей (не насекомых, естественно, а политических) и что они его специально завезли из-за границы. Наши ученые предложили радикальный способ борьбы с колорадским жуком — вывести теленомусов и выпустить их на поля.

Эти маленькие мушки откладывают свои яйца в яйца колорадского жука. Маленький теленомус рождается раньше и съедает яйцо колорадского жука. Теленомусов требовалось много, и школы привлекли к размножению этих насекомых. Теленомусов надо было выпустить в поле ранней весной, чтобы они отложили свои яйца и не дали возможности колорадским жукам

вылупиться. В нашей школе оборудовали лабораторию для выведения теленомусов, что было довольно хлопотливым делом, основной особенностью которого являлась необходимость поддержания постоянной температуры в пробирках.

Организовали круглосуточные дежурства учеников. Мы относились к делу очень ответственно, гордились порученным заданием и выполняли его вполне прилично. Выращенные нами и другими школами теленомусы свое дело сделали, и угроза нашествия колорадского жука была предотвращена.

По моим воспоминаниям о довоенном детстве могу утверждать, что Советская власть хотела и умела заботиться о детях: детские сады, школы, пионерские лагеря, детские санатории, профилактории, детские дома — вся эта огромная система работала четко. Никто не оставался без внимания.

В это же время были образованы ремесленные и фабрично-заводские училища. Там носили форму, что также способствовало их быстрому укомплектованию. Существовала целая сеть военных спецшкол для детей: артиллерийских, военно-морских, авиационных.

Все лучшее — детям. Это был не только лозунг. Слова песни «Молодым везде у нас дорога» для нашего тогдашнего восприятия были не программой, а свершившимся фактом. В нашей школе и именно в нашем классе учились дети руководителей района: сын первого секретаря райкома партии и дочь председателя районного исполнительного комитета. Обе эти семьи жили в государственных квартирах.

Я бывал в квартире первого секретаря райкома: две комнаты и кухня, казенная, можно сказать, казарменная мебель. Семья — три человека. Своего — только носильные вещи. Отец — в вечных разъездах по району, мать — библиотекарь в районной библиотеке.

Сталин не давал руководящим работникам работать на одном месте более двух-трех лет. Такой ротацией он добивался того, чтобы «новая метла чище мела» и чтобы партаппарат «не сращивался с местными условиями».

Сын первого секретаря тоже бывал у нас и по-хорошему завидовал, что мой отец каждый день дома, что есть сад, что у меня отдельная комната, что у меня постоянные товарищи.

Поэтому могу утверждать, что уровень жизни партийного руководителя районного звена не очень отличался от уровня жизни учителя школы.

Председателем райисполкома у нас избрали конюха одного из колхозов по фамилии Шестерке. Во время Гражданской войны он воевал в Первой Конной, был награжден за храбрость орденом

Боевого Красного знамени, после войны остался в своем селе. Когда началась коллективизация, вступил в колхоз. Ордена в Гражданскую войну давали очень редко — значит, человек был исключительной храбрости.

Районная интеллигенция была в недоумении, как он с его низкой грамотностью будет управлять таким крупным районом. Первые его явления народу были малоутешительны — он просто ничего не умел, да и не знал, чего от него хотят, что он должен говорить и что должен делать. Шестерко свыкся со своей долей, никуда не рвался, даже в председатели колхоза, имел большую семью. Но, как тогда говорили, партия сказала «надо» — значит, будет сделано.

В районе всего один учитель был награжден орденом за успехи на поприще образования — его и прикрепили к председателю райисполкома. Ученик оказался толковым, и через полгода он уже вполне сносно выступал и более-менее грамотно писал. По работе у Шестерко тоже стало получаться, и он работал на этой должности до войны, всю войну и часть послевоенного времени.

Его дочка была озорной девочкой, крупной от природы, в потасовках мальчикам не уступала, в науках не блистала, папой не прикрывалась. Учителя ставили ей двойки, приглашали отца на беседу — тот приходил. В общем, учителям не было никаких забот о том, как вести себя с сыном первого секретаря райкома партии и дочкой председателя райисполкома.

В нашей семье в довоенное время о религии никогда разговоров не было. Родители были учителями, что само по себе уже исключало любую форму проявления религиозности. В нашей школе учителя специально антирелигиозной пропагандой не занимались, просто упор делали на науку, которая все может объяснить и всего может добиться. Но общая обстановка, особенно детские газеты и журналы, пионерская организация были такими, что я вырос не просто безбожником, а, как тогда говорили, «воинствующим безбожником», т. е. участвовал в антирелигиозных мероприятиях, главными из которых были демонстративная работа по подметанию улицы во время пасхальных дней, когда верующим работать нельзя, отказ есть куличи и крашеные яйца в Пасху и т. п.

Когда началась война, мать достала спрятанные иконы, а всякая деятельность «воинствующих безбожников» была прекращена.

Родители никогда не говорили, а я никогда не спрашивал, крещен ли я или нет, но старший брат уже после смерти родителей рассказал, что бабушка крестила меня в православной

церкви.

В моем сальском детстве не было ни телевидения, ни магнитофона, ни, само собой, Интернета, не было моря печатной продукции. Были газеты «Ленинские внучата» и «Пионерская правда», журнал «Вокруг света», было кино раз в неделю и репродуктор на стене, да еще были регулярные политбеседы. Но, тем не менее, информацией я был насыщен до предела, причем настолько добротно, что и сейчас многое помню до мелочей.

Борьба с троцкистами и шпионами, великие стройки — Беломорканал, канал Москва — Волга, Магнитогорск, Сталинградский тракторный, Комсомольск и др., пятилетка в три года, пятилетка в четыре года, стахановское движение, машинотракторные станции и колхозы, спасение потерпевших крушение на «Челюскине», дрейф Папанина на льдине, перелеты Чкалова и других летчиков, первые Герои Советского Союза, война в Испании, бои с японцами у озера Хасан, освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии, финская война, начало Второй мировой, пакт с Гитлером, вхождение прибалтийских государств в состав Союза и многое-многое другое.

Самое главное, что все эти далеко не детские события без всякого принуждения со стороны взрослых вызывали у нас желание как можно больше о них знать, как можно активнее в них участвовать.

Никто нас не водил культпоходом на «Чапаева» — мы сами по несколько раз бегали смотреть, надеясь, что он доплывет до другого берега Урала. Никого из нас не заставляли читать роман Николая Островского «Как закалялась сталь» — мы сами выстраивались в очередь в библиотеку и читали его ночами, чтобы быстрее передать товарищу.

Параллельно с тем миром, в котором совершались героические перелеты и строились гиганты социалистической индустрии, существовал и активно влиял на наше детское сознание и поведение другой мир — мир улицы.

Детство наше было далеко не рафинированное, и были мы далеко не пай-мальчиками. Уличные законы — не продавай, не выдавай, получай за измену, бей сексотов — в нашей среде были действующими законами.

Уличный лексикон был нашим вторым языком, которым мы владели вполне прилично. Слова «секс» не было в уличном лексиконе, но вместо него в ходу было другое, по смыслу полностью идентичное.

Это было мое детство. Когда сейчас некоторые «телетёти» или «теледяди» вопят о том, как им нас жалко, поскольку у нас

было такое жуткое детство, у меня одна реакция: «Не твое — не трогай», ну и, конечно, парочка терминов из уличного лексикона тех времен.

Когда толстощекий Олег Филимонов из одесского «Джентльмен-шоу» рассказывает очередной грязный и глупый анекдот про Чапаева, светлого идеального героя моего детства, джентльменом его назвать никак не могу — даже в шутку.

Если перевести на казенный язык все то, что в каких-то образах, понятиях, мыслях наполняло мою детскую голову, и попробовать все это систематизировать, получится примерно следующее:

— социализм, а затем и коммунизм — единственный образ жизни, к которому надо стремиться;

— мировая социалистическая революция неизбежна, надо все делать, чтобы она произошла как можно скорее;

— буржуазия ни за что не успокоится и начнет войну с СССР, война будет скоро, надо готовиться;

— Сталин приведет нас к победе.

Война

В девять утра 22 июня 1941 года я стоял в строю одного из отрядов черноморского пионерского лагеря, ожидая команды пионервожатого Пети: «Шагом марш».

Вдруг Петю позвали в административное здание, откуда он не выходил минут тридцать, а мы терялись в догадках. Петя вышел, сказал: «Война» и побежал к машине, на которую уже садились мужчины пионерлагеря, подлежащие мобилизации.

Все расстроилось мгновенно. Я уже потом прочитал, что вся страна узнала о начале войны в двенадцать дня из выступления по радио Молотова. У нас в лагере радио не было, но о войне мы узнали раньше.

На второй день пионерлагерь перестал функционировать. Пионеров перевезли в Новороссийск, откуда отец забрал меня в Сальск.

Наш город расположен далеко от западной границы, поэтому всех тех ужасов, которые были в первые часы и дни войны, мы не испытали.

Официальная информация в первые дни была чрезвычайно скудной на факты и обильной на призывы. Но уже в первые недели прибывали поезда с ранеными, эвакуированными, суматоха царила буквально во всех структурах, и было видно, что разбить врага «малой кровью, мощным ударом» не получится. После выступления Сталина 3 июля всем стало ясно, какое горе обрушилось на нашу страну.

Наша детская дурацкая радость, что теперь-то уже мы сможем отличиться в боях и показать, на что способны, быстренько испарилась.

В первый месяц войны я ждал сообщений, что вот-вот врага остановят и наши перейдут в наступление. А потом и до конца войны уже не ждал, а только верил, что враг все-таки будет разбит и победа будет за нами. Эта вера не оставляла даже тогда, когда верить было чрезвычайно трудно, когда вера в победу переходила в надежду...

Война стремительно наступала на наш далекий тыловой город. Сперва он до предела был заполнен ранеными бойцами Красной Армии. Под госпитали заняли все крупные школы, банк и другие административные здания. Прибывали эшелоны с эвакуированными предприятиями и населением западных областей, потом стали прибывать эвакуированные предприятия и население уже нашего областного города. В конце 1941 года немцы взяли Ростов, и наш город стал областным центром.

Город был переполнен войсками, и его бомбили днем и ночью. До линии фронта — сто километров. Длинные ночи, короткие дни, светомаскировка, перебои с электричеством, морозы, топлива нет, продовольствие только, по карточкам.

И вот в это время, в такой обстановке, когда, казалось, все рухнуло, школьные занятия не прекращались. Вот как это происходило. Уходим после конца занятий из здания школы нормально, приходим на другой день к этому же зданию — ночью пришел эшелон с ранеными, и школу заняли под госпиталь. Дежурные учителя у входа объявляют: таким-то классам — в такую-то школу и в такую смену, а таким-то — туда-то. Идем туда, учимся там во вторую или в третью смену. Через неделю и там занято под госпиталь, новое перераспределение. В это время какой-то госпиталь свернулся — возвращаемся в освобожденное здание и т. д.

Конечно, примерно половина учеников, как тогда говорили, отсеялась, но оставшаяся часть и я в том числе продолжали учиться. Где мы только не учились. Если не было помещений под классные комнаты, назначался сбор в каком-то месте. Учителя давали домашние задания и проводили консультации. Если нужно, вместо занятий ходили на расчистку завалов после бомбежки, помогали, как могли, в госпиталях, на погрузочных работах и т. д. Но все это — школой, все это — классами.

Учебный 1941–1942 год сальские учителя провели по полной программе, несмотря ни на что.

Немцев выбили из Ростова, но летом 1942 года они снова взяли город и перешли в наступление по двум главным направлениям: на Сталинград и на Кавказ. В середине лета было принято решение об эвакуации предприятий и населения из Сальска.

Мои родители решили, что отец останется беречь дом, а мать вместе со мной будет эвакуироваться. Старший брат находился на учебе в Тбилиси. Мать получила эвакуационный лист и место в телеге, прицепленной к гусеничному трактору. На телеге еще ехала еврейская семья с двумя малолетними детьми, учительница нашей школы и женщина с двенадцатилетним сыном. Телега была громадных размеров и загружена госимуществом, топливом для трактора и нашими вещами. У нас тоже было несколько мешков с самыми ценными вещами.

Наш трактор с телегой включился в поток, который двигался через калмыцкие степи на Элисту, имея конечной целью Сталинград. У потока не было ни начала, ни конца — только ширина. По этой ширине двигались автомобили, тракторы, конные повозки, повозки на быках, повозки на верблюдах, люди

пешком с ручными тележками, люди пешком с рюкзаками, люди пешком просто так, люди верхом на лошадях, люди на велосипедах, стада коров, овец...

Шли организованные военные части, одиночные бойцы, следовали колонны с артиллерией, госпитальные машины и повозки. Все это — под палящим солнцем, в клубах пыли, все это хотело воды, воды и еще раз воды. И над всем этим время от времени — немецкие самолеты, при появлении которых все разбегались по широкой степи, а они спокойно, как на полигоне, расстреливали или бомбили приглянувшиеся им цели.

В этот момент наш трактор остановили военные, которые объявили, что трактор с телегой реквизируется для военных целей. Они оказались людьми порядочными — вместо реквизированного дали нам подводу с двумя лошадьми. Мы перегрузили свои домашние узлы на телегу, дети сели туда же, взрослые пошли рядом.

В какой-то момент военных в колонне стало не видно. Пошли разговоры, что командование сумело организовать отступавшие части и одиночек в группировку, способную оказывать сопротивление наступавшим немцам. Через некоторое время по колонне распространился слух, что двигаться дальше без военных в глубь калмыцких степей опасно — там бесчинствуют банды, грабя и убивая беженцев. Часть беженцев повернула в сторону Кавказа, на Ставрополь. С ними отправилась и наша подвода.

Немцы нас настигли, когда наша подвода в колонне беженцев ехала по улице села Московское, находящегося недалеко от Ставрополя. Раздались выстрелы и крики: «Немцы, немцы!». Подводы остановились, люди бросились от них прочь.

Побежали и мы в сторону гор. Спрятались в какой-то канаве, осмотрелись. Оказалось, что весь экипаж нашей подводы лежит под одним кустом. Появился страх — что с нами будет? Боялись: раз мы эвакуированные, значит, не хотим жить при немцах, значит, мы их враги, значит, нас надо сразу расстрелять или направить в концентрационный лагерь.

Лежим час, лежим два. Выстрелы прекратились. Надо что-то делать. Выглянули — вроде народ по улице ходит, немецкие машины все едут в одну сторону, а именно к Ставрополю, никто из них по людям не стреляет. Решили эвакуационные листы порвать и выходить из укрытия, а если будет допрос, говорить, что мы не эвакуированные, а просто ехали в гости в Ставрополь, тем более, что у всех там были какие-то знакомые.

Вышли, подошли к нашей подводе. Лошадей нет, подвода пустая, все наши вещи растащены — то ли немцами, то ли местными жителями. У женщин нервный срыв: от немцев уйти не

успели, все добро, нажитое годами, разграблено, лошадей нет, возвращаться домой не на чем, и неизвестно, что с нами в ближайшие часы сделают немцы.

У матери был большой кожаный дореволюционный портфель, с которым она не расставалась никогда, с ним же она и спрыгнула с подводы, с ним бежала в горы. В портфеле — документы, деньги, какие-то ценности и, конечно, туалетное мыло, которое было очень большой ценностью. Портфель тяжелый, мать от пережитых волнений еле стоит на ногах, хочется пить.

Подходим к ближайшему дому, просим воды, садимся на скамейку, туда же ставим портфель. Хозяин садится к нам на скамейку — рядом с портфелем. Пьем воду, встаем, оборачиваемся — нет ни хозяина, ни портфеля. Мать идет в дом и просит отдать портфель, хозяин говорит, что никакого портфеля у него нет, а если она будет «возникать», то он позовет немцев и сдаст нас как эвакуированных коммунистов.

Пропажа документов принесла нам впоследствии много хлопот, и каждый раз мы еще и еще раз проклинали этого подлеца.

Весь наш «экипаж» стоял около подводы, чтобы и ее кто-нибудь не утащил. Единственный взрослый мужчина в нашем «экипаже», пожилой глава еврейской семьи, отправился на поиски, которые окончились успехом — он привел двух лошадей с необходимой упряжью. Быстро запрягли и поехали в Сальск.

Проблем с питанием не было, так как вдоль дороги простирались временно бесхозные колхозные поля, сады, молочные фермы, птицефабрики, пчелиные ульи. Через несколько дней немцы все это взяли под свой контроль и жестоко карали за любую попытку попользоваться бывшим колхозным имуществом.

Вблизи Сальска нашу подводу остановили перед немецким контрольно-пропускным пунктом. Рядом с ним большой кусок голой степи был огорожен колючей проволокой, за которой находилось довольно большое количество пленных красноармейцев, евреев и цыган.

Началась проверка документов. Еврейскую семью тут же сняли с подводы и погнали за колючую проволоку, прихватив и меня. Мать бросилась ко мне и стала вырывать у немца. Подошел русский полицейский, стал требовать документы. Документов нет. Мать что-то кричала. В конце концов мне дали пинком под зад.

Домой мы с матерью вернулись с пустыми руками, обнялись с отцом. Зашли в дом, а там пустые кровати — немцы забрали для госпиталя матрацы, одеяла, перины, подушки и простыни. Столько всего насмотрелись, столько всего наслушались, так

была радостна встреча с отцом, что. этот грабеж нас уже не тронул. Главное чувство — все живы, все вместе, а все остальное — ерунда.

Был период, когда город оставили советские власти и части Красной Армии, а немцы еще не вошли. Тогда все, что не успели вывезти, было растащено населением. Когда пришли немцы, они вывесили приказ, чтобы население вернуло все, что было растащено из государственного имущества, а в первую очередь — предметы военного обмундирования. Немцы грозили, что лиц, носящих военное обмундирование, будут задерживать и привлекать к строгой ответственности. Естественно, что никто из жителей Сальска ничего немцам не сдал.

После летнего прорыва под Ростовом немцы захватили в плен много красноармейцев, которых сперва держали во временных лагерях. До того как пленных зарегистрируют и каждому присвоят номер, точное количество военнопленных известно не было. Этим пользовалась немецкая охрана, которая за известное вознаграждение отпускала некоторых незарегистрированных пленных на волю.

Нашей соседке сообщили, что ее сын Петр находится в таком временном лагере под Ростовом. Она немедленно бросилась туда с салом и какими-то ценностями, выкупила сына и привезла его в Сальск. После освобождения города Петра снова призвали в армию, он воевал до конца войны, вернулся с победой, женился, завел детей и стал ударником коммунистического труда на заводе.

Оккупация проходила так. Первые два-три дня немецкие солдаты грабили по дворам съестное — яйца, молоко, сметану, овощи, фрукты, телят, поросят и т. п. Потом это было прекращено, и они покупали продукты на базаре или по дворам. Были выпущены специальные немецкие марки, которые имели хождение только на оккупированной территории.

Немцы реквизировали по дворам все, что может гореть: разбирали на дрова заборы, сараи, пилили фруктовые и декоративные деревья. Официально это называлось конфискацией топлива для нужд германской армии.

В продолжение всей оккупации немцы расселяли солдат и офицеров на постой в частные дома. На время постоя на двери дома мелом писалось по-немецки, кто здесь расселен. Уходя, немцы обязательно стирали эту надпись, чтобы следующий квартирьер знал, что дом свободен для постоя. Расселяли так, чтобы каждый немец имел кровать с простыней и одеялом. Где будут спать хозяева, немцев не интересовало. Ни один из поселявшихся в нашем доме немцев не отбирал у нас ничего

съестного, но в то же время ни один из них и ничего не давал, хотя они постоянно пили чай с сахаром, ели консервы, жевали галеты и т. п.

На постой в наш дом попадали немцы, которые не проявляли грубости к хозяевам дома. Никакой доброты и приветливости, естественно, тоже.

Немцы смотрели на русских как на недоразвитых, вроде животных, которых совершенно незачем стесняться. На пустыре, около улицы, ведущей к базару, где всегда шло много народа, была размещена какая-то немецкая войсковая часть. Около дороги немцы выкопали канаву, над ней уложили на опорах строганое бревно, на которое садились, чтобы справить большую нужду. Никакого забора не было. На столбе, сверкая голыми задницами и испуская газы, сидели три-четыре немца, курили, смеялись, а мимо них проходили русские женщины. И на постое в частных домах чувства приличия у немцев не наблюдалось.

В городе немцы создали русскую администрацию и русскую полицию.

На нашей улице жил фотограф по фамилии Красночуб. До войны, при встрече с моими родителями он всегда первый здоровался, всегда только на вы. Когда он стал начальником полиции, к моему отцу, который был гораздо старше его, обращался только на ты. Как-то он заставил своего соседа заколоть ему свинью, крича при этом на весь двор, чтобы соседи слышали: «Вот коммуниста или жида для меня убить ничего не стоит, а кабанчика жалко».

В городе немцы организовали биржу труда, во главе которой поставили русского, по профессии учителя, давнего коллегу моего отца. На бирже были записаны все мужчины города старше 14-ти лет. Они обязаны были ежедневно являться для регистрации. На биржу немецкое командование давало заявки на рабочую силу. Людей направляли на работу по ремонту дорог, расчистку аэродрома, погрузку-разгрузку и т. п. Рабочий день длился восемь-десять часов. Работа не оплачивалась, питания работающим не давали, а пропустивших ежедневную регистрацию наказывали плетьми.

Когда немцев окружили под Сталинградом, Сальск стал одним из главных пунктов, откуда окруженным на самолетах доставляли питание и оружие. В те дни полиция особенно свирепствовала, сгоняя людей на работы по аэродрому. Отец был болен и просил начальника биржи на несколько дней освободить его от работы, на что получил хамский и грубый отказ. Он вынужден был ходить на принудительные работы, болезнь осложнилась, что и привело впоследствии к преждевременной

кончине.

В городе арестовали коммунистов, комсомольцев и ответственных советских работников, которые не успели эвакуироваться или не смогли спрятаться. Большинство расстреляли.

Жителям города по карточкам около двух месяцев продавали нищенскую пайку хлеба, но потом и это прекратилось. Изворачивались, как могли. Главный центр города — базар. Там менялось все и на все. Деньги были такие: рейхсмарки, оккупационные марки и советские дензнаки.

Электричества и радио не было, дров и угля тоже. Было все то, что и в сотнях других городов во время войны и оккупации и что уже многократно описано.

В городе открыли школу, в которую собрались учителя и ученики примерно с десятка школ, которые до войны были в Сальске. В эту школу пошел учиться и я. Учитель немецкого языка сказал, что он будет рекомендовать меня директору школы для зачтения на немецком языке приветствия немецкому командованию, представитель которого будет на открытии школы. На следующий день в школу я не пошел...

На уровне моей осведомленности о настроениях населения могу свидетельствовать о резко отрицательном отношении к «новому порядку» и о ненависти к немцам, оккупировавшим значительную часть нашей страны. «Смерть немецким оккупантам» — это был не пропагандистский лозунг коммунистов, а сконцентрированное выражение мыслей, чаяний и действий миллионов советских людей, в том числе и мое.

В городе оказалось очень мало людей, пожелавших сотрудничать с немцами. Собственные наблюдения четырнадцатилетнего мальчишки в период войны, когда все чувства обострены, когда столько пришлось увидеть, пережить и услышать, когда мальчишки все видят, все слышат, везде пролезают и постоянно общаются между собой, — это вполне серьезное свидетельство.

Основное содержание моих мыслей, мыслей моих родителей и всех, с кем приходилось мне общаться, одно: «Как там наши на фронте? Хоть бы скорей пришли наши».

В мальчишеской среде мы вели вполне серьезные разговоры, в том числе и о предвоенных фильмах, книгах и песнях типа «Если завтра война», знаменитых полководцах героях Гражданской войны Ворошилове и Буденном, о том, что немцев разбить не так просто.

Теперь, в оккупации, языки были развязаны. Взрослые говорили между собой, мы слушали, что-то в памяти оседало,

детский мозг работал, а потом вдруг и получалось то, что называется прозрением. Но Ленин, Сталин, Советская власть и ВКП(б) никогда и ни при каких обстоятельствах в нашей тогдашней мальчишеской среде не подвергались никакому сомнению.

Конечно, в нашем городе, как и на всей оккупированной территории, было организованное сопротивление, но его проявления я помню только по слухам: то стога сена, заготовленные для немцев, сгорели, то запылал вагон с собранными для немцев валенками и полушубками, то стадо овец, перегонявшееся на прокорм немецкой военной части, разбежалось по степи, то где-то что-то взорвалось... Мы, мальчишки, обсуждали эти слухи и думали, что готовы принять участие в борьбе, если старшие дадут нам какие-то поручения.

В назначенной немцами русской администрации был человек по фамилии Якуба, ставший довольно известным своей строгостью в надзоре за выполнением немецких приказов. Когда город освободили от немцев, Якуба продолжал ходить свободно, и мы вместе со взрослыми удивлялись, почему его не арестует НКВД. А через некоторое время в газете было помещено сообщение о награждении товарища Якубы орденом Ленина за организацию подполья и его результативную деятельность.

Во время оккупации мне не попалась ни одна листовка с информацией о положении на фронте, сброшенная советскими самолетами или распространяемая подпольем, не доводилось и слушать радиопередачи.

Кое-что получали с базара и читая издаваемую немцами русскоязычную газету, но основную информацию давала обстановка в городе.

Когда в первые дни оккупации через город шли немецкие войска на Сталинград и Кавказ, было ясно, что дело очень худо. Дней десять подряд и днем и ночью беспрерывным потоком шла бронетехника, артиллерия, машины, мотоциклетные, велосипедные и конные части — трудно было перейти дорогу. Все добротное, четко организованное. И ни одного нашего самолета в воздухе, никаких налетов на вражеские колонны — никакой опасности для врага. Едут как на курорт. Вот тут меня одолели и страх и сомнение: да как же такую силу победить? Когда все эти войска прошли и в городе стало тихо, невольно одолевали мысли о самом плохом.

И вдруг в город стали прибывать немецкие раненые. Сперва — вроде немного, а потом все крупные здания заняли под госпитали. Горожане, которых немцы привлекали на работы в госпиталях, рассказывали, что из зала городского кинотеатра

вынесли кресла, застелили пол соломой и там, каждый на своем одеяле, всплошную лежат раненые немцы. Потом стали рыть могилы — одна на полсотни скончавшихся от ран. Никаких гробов — завернут в одеяло, на котором лежал, и в могилу. На одну могилу — один крест. Город был буквально переполнен ранеными немцами.

На душе стало веселее — значит, есть еще у наших кому воевать. Значит, в немецкой газете брехню пишут, что Красная Армия уничтожена — если она уничтожена, кто же столько немцев наколотил?

А потом еще веселее — начались налеты советской авиации на железнодорожный узел. Потом немецкая газета стала писать, что румыны воюют плохо, только мешают, поэтому немцы их с фронта выгоняют и будут воевать сами. Румыны возвращаются в свою страну и будут проходить через Сальск, поэтому заприте двери, не пускайте их в дома — они прирожденные воры, все украдут, еще и хозяев прибьют.

Это хорошее известие. Это значит, что Румыния перестала верить в победу немцев. Значит, есть у нас кому и чем воевать. Значит, прочь сомнения — победа будет за нами!

Когда немцев окружили под Сталинградом, газета об этом не писала, но на базаре все знали, поскольку с Сальского аэродрома доставляли окруженным войскам продовольствие и боеприпасы. Затем немецкая газета стала писать, что Советы применяют варварское оружие — «Катюшу», которая сплошной огненной лавой сжигает все, в том числе и жилые дома. Это уже очень хорошо — газета проговорилась, что советские войска так близко, что по Сальску могут быть огневые налеты.

И совсем хорошо стало тогда, когда газета сообщила, что весь людской резерв Советов, способный воевать, истреблен в боях под Сталинградом, что Красной Армии как таковой больше нет, и что Сталин нанял армию у монгол, которых столько миллионов, что и не сосчитать. Немцы их бьют-бьют, а они все лезут и лезут, идут сплошным валом, и темпа стрельбы немецких пулеметов и пушек недостает, чтобы их перебить. Вот поэтому немцы вынуждены временно отступать. Хотя оружие у монгол только одно — русская винтовка прошлого века. Поэтому населению советовали быстренько эвакуироваться в немецкий тыл.

В Сальске тогда стояли небывало крепкие морозы и лежали глубокие снега. У немцев не было зимнего обмундирования, рассчитанного на такие морозы, поэтому внешний вид и одежда солдат были карикатурными — они кутались во все, что только можно. Особенно смешно выглядели тяжелые соломенные боты, которые они надевали на сапоги. У многих на головах поверх

пилоток были женские платки.

Когда начались бои за город, немцы стали готовиться к уходу и методично взрывать и поджигать здания, склады, запасы. К вечеру все стихло, и немцев в городе стало не видно. Только я утром вышел на улицу, как из-за угла выбежал солдат со старой русской винтовкой в руках, в серой красноармейской шинели и монгольским типом лица. Увидев меня, он спросил:

— Куда немца побежала?

Меня как током ударило — неужели немецкая газета не брехала, и у нас одни монголы воюют? Через минуту все встало на свои места. Подошедшие за ним солдаты были, во-первых, все славяне, во-вторых, все в новых белых овечьих полушубках, меховых шапках-ушанках, валенках, в-третьих, все с автоматами.

Пока не подошли тыловые части нашей армии, я больше не видел ни одного бойца с винтовкой — все были только с автоматами. Вид и экипировка наших солдат разительно контрастировали с немцами. Мы смотрели на них и гордились ими.

У меня в жизни были и раньше причины радоваться, но ту радость, которую я испытал, когда в город вошли наши, ни с чем не сравнить.

Большинство горожан устремились на центральную площадь. Когда я прибежал туда, она уже была заполнена. На трибуне стоял председатель Сальского райисполкома Шестерко, у трибуны — два пожилых сальских милиционера, хорошо известных каждому мальчишке. Лица собравшихся — радостные, светлые. Прошел короткий митинг. На улицах население угощало солдат чем Бог послал, солдаты делились сахаром и махоркой. Слезы, радость, поцелуи, объятия.

Советская власть в освобожденном городе развернула энергичную и результативную работу: в считанные дни население получило продовольственные карточки, открылась амбулатория, заработало радио, в дома подали электричество, начали приводить в рабочее состояние промышленные предприятия, стали функционировать все органы государственной власти.

На третий день освобождения по всему городу были расклеены объявления, приглашавшие учеников в школу. Я пошел в железнодорожную школу, которую ранее окончил мой старший брат. Это было в конце января 1943 года. Половина учебного года уже прошла, но весь год пропадать не должен. Мы учились в седьмом классе до 30 мая, потом всем классом во главе с классным руководителем поехали на работу в колхоз, где работали до 30 августа. Каникул никаких не было. Вернулись в школу, до 1 ноября закончили обучение по программе седьмого

класса, а дальше мы уже были учениками восьмого класса.

В середине 1943 года я вступил в комсомол. Обстановка на фронте была крайне напряженная — немцы стояли не очень далеко от Ростова, который они уже дважды брали. В Сальске только что произошло перезахоронение комсомольцев, расстрелянных немцами. Никто меня не агитировал вступать в комсомол, никаких преимуществ членство в ВЛКСМ обычному семикласснику не давало. Мой старший брат не был комсомольцем, и это никак не сказалось, когда он до войны поступал на учебу в институт.

Комсомольская организация школы была небольшой — всего девять человек, а в нашем классе — я один. Поступил в комсомол не ради выгоды, а по убеждениям. Какие могли быть выгоды, когда не исключалась вероятность, что немцы снова войдут в наш город, когда даже в нашей школе комсомольцы были больше других загружены внеклассной работой, в том числе ремонтом школы. Я с гордостью прикрепил к рубашке комсомольский значок со словом КИМ — Коммунистический интернационал молодежи.

Вскоре после моего вступления в комсомол было объявлено о роспуске Коммунистического интернационала (Коминтерна) и КИМа. Я был этим удивлен, не понимая, как можно отказаться от мирового коммунистического движения, от подготовки и проведения мировой революции. Окружавшие меня ученики и взрослые отнеслись к этому совершенно равнодушно, и когда я пытался с ними говорить на эту тему, недоумевали, зачем я этим вопросом забиваю себе голову.

В Красной Армии ввели погоны, командиров стали называть офицерами, а красноармейцев — солдатами. Парадные погоны у офицеров сделали «золотыми». Для меня, выросшего на книгах и фильмах о Гражданской войне, революции и на ненависти к «золотопогонникам», это было неожиданностью. За что же боролись, если снова будут «золотопогонники», если будет не Дом Красной Армии, а Дом офицеров и солдатский клуб — каждый отдельно. Ведь Чапаев говорил: «В строю я командир. А когда я чай пью, приходи, садись рядом — пей со мной чай». Между тем мои сверстники, родители и знакомые взрослые восприняли введение погон как нормальное явление.

После освобождения города от немцев всякая антирелигиозная работа и пропаганда куда-то пропала, и больше я с ней не встречался.

Во время войны нас неоднократно во главе с классным руководителем направляли на работы в колхоз или на железную дорогу. Как-то немецкая бомба попала в вагонное депо, и наш

класс направили на работу по его восстановлению. До сих пор приятно вспомнить. Во-первых, нас в тот же день оформили на работу и выдали хлебные карточки как рабочим. Во-вторых, поставили на котловое довольствие и в обед кормили супом и кашей до отвала, а в-третьих, до чего же интересно было работать на громадной кровле, приколачивая к фермам новые, пахнущие сосной доски! Когда работали в колхозе, там кормили, а еще начисляли трудодни, на которые потом выдавали пшено, кукурузу, зерно и т. п., что было весьма кстати — дома у нас земельный участок был большой, вскопали, посадили, убрали, получилось прилично.

Школа — железнодорожная, а на железной дороге ОРС (отдел рабочего снабжения) давал всем школьникам на большой перемене кусок хлеба, щедро посыпанный сверху сахарным песком. Нет нужды говорить, как ценен был этот кусок во время войны.

После освобождения города продовольственное положение нашей семьи можно характеризовать так: голод не мучил, но поесть еще в любое время дня и ночи были готовы.

Когда нам, мальчишкам, исполнилось по 16 лет, паспорта нам не выдавали, а дали справки, которые мы должны были менять каждые три месяца. Мы уже считались допризывниками и все были на учете в военкомате.

Во время летних каникул в 1944 году нас, человек сорок школьников-допризывников из Сальска, вызвали в военкомат, вручили винтовки с просверленным в патроннике отверстием, передали под команду сержанта и приказали отправляться на лагерные сборы где-то за Ростовом. Сержант нас построил, привел на вокзал и приказал садиться на ростовский поезд, объявив, что сбор будет в Ростове на вокзале у главного подъезда. Билетов никаких. Сержант объяснил, что кого не будет в установленное время в установленном месте, того ждет наказание по законам военного времени. Мы бросились к вагонам, проводники нас не пустили, полезли на крыши, уцепились руками за какие-то трубы и поехали. Хоть дело было и летом, но поезд шел ночью — продрогли прилично.

В лагере жили в землянках, по десять человек в каждой, спали на сене, никаких матрацев, подушек и одеял. Бессонницей не страдал никто. Дисциплина была жесточайшая, порядок и чистота — аналогично. Кормили мало и плохо. Целый месяц без выходных дней ходили строем, стреляли, бросали гранаты, бегали в атаку, держали оборону, форсировали речку и т. п. Офицеры и сержанты — все фронтовики, но уже нестроевые, кто без глаза, кто без руки, кто хромал, но все отлично знали, что

надо на фронте, и учили только тому, как зря не погибнуть и постараться выполнить боевую задачу.

Беспощадно учили ползать по-пластунски, быстро окапываться, маскироваться, бесшумно двигаться, быстрым перебежкам и т. п. Теоретически к этому лагерю мы были подготовлены, так как в школе учили воинские уставы, изучали винтовку, гранату и пулемет, поэтому в лагере у нас никаких классных занятий не было — только стрелковый полигон и полевые учения.

После окончания лагерных сборов офицеры говорили нам, что они своего добились — нас можно включать в маршевые роты и отправлять на фронт.

Вернулись домой худющие, голодные, в чирьях и других болячках, но с полным пониманием того, что будет с нами, когда нас призовут в армию.

Учителя в нашей школе были отличные. Директором школы была Ф. Е. Политике, которую ученики за строгость и требовательность звали «генеральшей». Директор не давала спуску на войну и разруху и везде требовала порядка. Весь город был в грязи, и в нашу школу не допускали до тех пор, пока обувь не будет вымыта и вычищена до состояния домашних тапочек. Внутри школа была добротно выкрашена, все стекла на месте, всегда вымыты. Школьная мебель старая, но вся починена и хорошо покрашена. От учеников требовали опрятности, какой бы старости и изношенности не была их одежда.

Обучение шло по полной программе, без пропусков и упрощений, спрос за знания был строгим и постоянным.

Не забывали во время войны и о нашем воспитании. К каждому мальчику, начиная с седьмого класса, была «прикреплена» девочка, умеющая танцевать вальс, танго и фокстрот. В школе был большой рекреационный зал, где в большую перемену играла музыка, под которую девчата учили мальчишек танцевать. Была в школе и вполне приличная художественная самодеятельность, пианино, другие музыкальные инструменты. С регулярностью раз в месяц устраивались вечера с концертом и танцами.

Учитель литературы И. Г. Элпидинский из всех поступавших в школу газет и журналов делал подборки стихов и прозы, по которым знакомил нас с новыми поэтами и писателями. Мы уже в школе знали те имена, которые потом стали знаменитыми.

Учитель математики А. Е. Хухлаев дал такую подготовку своим ученикам, что они в столичных вузах чувствовали себя вполне уверенно.

Школа работала в три смены. Я всю войну учился в третьей,

последний урок заканчивался в одиннадцать часов вечера. Приятного было мало осенью по вязкой грязи, стаскивающей с ног галоши, возвращаться домой в полной темноте (из-за светомаскировки).

Железная дорога следила за тем, чтобы дети железнодорожников, живущих вдали от школы, были обязательно охвачены образованием. В это сложнейшее время, когда день и ночь шли составы на фронт, когда дорогу бомбили, когда напряжение сил у руководства дороги доходило до крайнего предела, все равно не забывали о детях, и в школу приходила телефонограмма — проверить дома путевых обходчиков и выявить детей, не охваченных обучением. Школа посылала старшеклассников по шпалам в направлениях на Ростов, на Сталинград, на Краснодар, которые и осуществляли эту проверку.

Наша школа находилась неподалеку от железнодорожного вокзала, окна классов выходили прямо на железнодорожные пути; идя в школу, мы проходили через привокзальный рынок, работавший чуть ли не круглосуточно, и поэтому становились невольными свидетелями всего наиболее характерного для того времени.

Вокзал — традиционное место для беспризорников. Мы были свидетелями, как тогдашние власти быстро и эффективно выявляли их и отправляли в соответствующие учреждения. Могу утверждать, что в ту страшную войну я видел беспризорников в городе реже и меньше, чем сейчас.

Весть о победе пришла в Сальск рано утром. Я побежал на центральную площадь, где уже собрался почти весь город, на трибуне стоял председатель райсовета Шестерко, где был митинг и все кричали «Ура!» и радовались: «Наконец-то!» Солдаты стреляли в воздух, женщины плакали, незнакомые обнимались, начальство говорило речи, духовой оркестр играл марши.

Рассказывать, что я чувствовал тогда, не стану, потому что не смогу обойтись без банальных фраз и заезженных слов, которыми не хочется осквернять то радостное и светлое, что было у меня в душе.

Вроде настала мирная жизнь, через станцию вовсю шли эшелоны с демобилизованными. Но из окон класса мы видели и другие эшелоны с техникой и войсками, которые теперь следовали не на Запад, а на Восток. Повсюду разговоры, что кого-то пока не демобилизуют, что он все еще служит, хотя давно пора домой.

Война с Японией не стала чем-то совершенно неожиданным. В нашей скорой победе — теперь уже над Японией — сомнений не возникало.

С капитуляцией Японии началась в полном смысле наша послевоенная жизнь. Желание быстрее сделать так, чтобы можно было по-человечески жить, стало столь же сильным, как желание завершить войну с победой.

Главными моими заботами стало окончание средней школы и принятие решения, что делать дальше.

В школе у меня вполне прилично обстояло дело с физикой и математикой, старший брат был инженером, техника мне нравилась, поэтому я хотел продолжить учебу в инженерном вузе. Ленинград и военно-морской флот влекли меня еще в довоенные времена, поэтому желание стать военно-морским инженером сформировалось четко.

Еще до выпускных экзаменов подал заявление о приеме в Ленинградское высшее инженерно-техническое училище ВМФ, откуда вскоре и получил вызов.

Десятилетку я окончил, как и моя мама гимназию, с золотой медалью. Разница в одном: мама во время голода начала тридцатых годов сдала свою золотую медаль в «торгсин» (торговля с иностранцами) и получила взамен продукты, а моя медаль золотой была только по названию...

Высшее Инженерно-Техническое Командное Училище Военно-Морского Флота

В Ленинград для поступления в ВИТКУ ВМФ я приехал в конце июня 1946 года. ГЪрод поразил необыкновенной по тому времени чистотой и ухоженностью улиц. Везде, где только можно, росли цветы. Поврежденные войной дома стояли огороженные или с хорошо забитыми окнами. Ворота во дворы и двери в подъезды домов были закрыты. Дворники попадались на глаза часто. На улице было малолюдно, транспорта мало, собак совсем не было видно.

В училище меня зачислили в роту кандидатов.

Кандидаты были трех категорий: гражданские, солдаты и офицеры. В основном все были родом из провинции, москвичей и ленинградцев — единицы.

Успешно сдавшие экзамены, а также окончившие десятилетку только на «отлично», в том числе и я, проходили мандатную комиссию, председателем которой был начальник политотдела училища, а одним из членов — сотрудник госбезопасности.

Увидев в анкете, что мой отец был донским казаком, начальник политотдела спросил меня:

— Не разгонял ли твой отец плетьми рабочие демонстрации и не был ли он на стороне белых во время Гражданской войны?

Я ответил, что мой отец родом с Верхнего Дона, из тех мест, где Подтелков организовал отряды красных казаков, а на стороне белых в основном были нижние казаки. Ответ удовлетворил мандатную комиссию.

Среди кандидатов был сержант Наседкин, фронтовик. Он не прошел мандатную комиссию и не был принят в училище потому, что его мать, как он говорил, была родной сестрой Сергея Есенина. Не приняли и лейтенанта Воронова, потому что в начале войны, будучи в лейтенантском звании, он ударил за какое-то хамство своего командира. Его разжаловали в рядовые, направили в штрафной батальон, где он отличился и был восстановлен в офицерском звании.

Из зачисленных в училище чуть больше половины составляла гражданская молодежь, остальные — фронтовики, офицеры, солдаты и сержанты.

Присягу мы — те, кто пришел с «гражданки», — принимали в Краснознаменном зале Военно-морского училища имени Фрунзе

на Васильевском острове одновременно с первокурсниками всех военно-морских учебных заведений, дислоцированных в Ленинграде. Рядом со мной стояли первокурсники военно-морского отделения Ленинградской консерватории, на котором обучались будущие дирижеры флотских оркестров.

Эта маленькая деталь говорит о многом. Вроде война кончилась, зачем специально военных, да не просто военных, а военно-морских дирижеров готовить? Тогда я на это просто не обратил внимания, а вспоминая сейчас, понимаю, что уже тогда началась подготовка к созданию большого военно-морского флота, которому и оркестров потребуется много.

Дисциплина в училище была строжайшая, доходившая на первом курсе до дури. Некоторые из зачисленных в училище фронтовиков начали служить еще в начале войны, а сейчас оказались в роли молодых бойцов-первогодков, которых гоняли одинаково вместе с теми, кто только что принял присягу. Их самолюбие не выдержало этого унижения, они написали рапорта и были уволены в запас.

На втором курсе с дисциплиной все встало на свои места, казуистическая дурь отошла к новым первокурсникам, а у нас осталось только то, что необходимо для нормальной военной службы.

В училище в те времена не было и признаков того, что сейчас в армии и на флоте зовется «дедовщиной». Никаких намеков на издевательство младших со стороны старших, но служебные отношения были строго по уставу. Все держалось на младших командирах, которых также назначали из курсантов. Командир нашей роты инженер-лейтенант А. А. Рымкевич, ставший впоследствии профессором и доктором технических наук, появлялся в роте не более двух-трех раз в месяц, «давал разгон», которого хватало еще на месяц. Чистота, заправка коек, обмундирование — все было на самом высоком уровне. Винтовки, станковый пулемет, ящики с патронами стояли прямо в спальном помещении без всяких запоров. Кладовая, где хранились обмундирование и личные вещи курсантов, тоже не запиралась. За все время моего обучения не было ни одного случая кражи. Позднее, в 1970-х годах, ротные офицеры дневали и ночевали в ротах, оружие и патроны хранились в специальных комнатах с железными дверьми, с решетками на окнах, а все кладовые и ящики запирались — кражи курсантских вещей не были редкостью. А во время «перестройки» в этом же училище были случаи кражи курсантами оружия с целью продажи его бандитским группировкам.

Во время моей учебы в училище была создана такая

обстановка, мы так привыкли друг к другу и к нашим порядкам, что возвращение из отпуска в строй и в казарму совершенно не тяготило.

Самовольных отлучек (уход без разрешения командования из расположения училища) у нас практически не было — по крайней мере, за все время моего обучения никто не попадался.

Училище регулярно организовывало совместно с ленинградскими институтами вечера отдыха курсантов и студентов (точнее, студенток).

В училище была отличная самодеятельность, талантливые музыканты, певцы, вечера отдыха проходили увлекательно и весело.

В училище регулярно проходили встречи с известными артистами, поэтами и деятелями культуры.

У нас в гостях были А. Тарасова, В. Меркурьев, Е. Флакс и др. Через клуб училища мы приобретали билеты в театры города. С репертуаром Кировского театра, Театра муз-комедии, Пушкинского и Театра комедии мне удалось ознакомиться практически полностью.

Естественно, что девушки, как и во все времена у студентов и военных, были «предметом» особого внимания. В тогдашней нашей среде грязных разговоров о женщинах не было, а наше отношение к девушкам в то время можно определить забытым ныне словом «романтическое».

В те времена шла борьба с «буржуазной идеологией и тлетворным влиянием Запада», которая проводилась и на вечерах. Танго тогда официально переименовали в медленный танец, фокстрот — в быстрый. За весь вечер официально разрешалось танцевать только одно танго и один фокстрот, остальное — вальс, краковяк, полька, мазурка, паде-паденер и еще какие-то, названия которых забылись. Нам же, как и девчатам, хотелось танцевать только то, что не рекомендовалось, поэтому указание наших «идеологов» нарушалось при всяком удобном случае.

После окончания занятий в 22 часа у нас по распорядку была вечерняя прогулка — строем ходили по улицам около Таврического сада и пели песни. Песни были очень хорошие, и пели их от всей души и с радостью. Запевалы были великолепные. Это были песни моря, песни войны и долга, песни дружбы и любви, но среди них и такие: «Зашел я в чудный кабачок, кабачок, вино там стоит пятачок, пятачок...» или «В Кейптаунском порту стояла на борту «Джанета», поправляя такелаж». Никто из командиров и политработников никогда не корректировал наш репертуар и не навязывал какой-либо «официоз».

Как-то вечером какой-то армейский полковник остановил строй и строго выговорил старшине роты за то, что поем песни английских и американских моряков, сказав, что мы космополиты и не выполняем решение партии по идеологии. После этого мы на всякий случай разучили песню: «Москва — Пекин. Сталин и Мао слушают нас» и орали ее при необходимости, но все старые песни продолжали петь до окончания училища, а потом исполняли их на юбилейных встречах выпускников.

По части идеологии тогда в стране боролись не только с «тлетворным влиянием Запада», но и с «низкопоклонством перед Западом». Главная цель борьбы с «низкопоклонством» — воспитать чувство национальной гордости и вселить уверенность в том, что мы и сами все можем, мы — не глупее. Цель, безусловно, благородная и нужная, но достижение ее было организовано по-дурацки. Началось с того, что стали переименовывать все названия с иностранного на русские, в том числе и в технике.

Техническая терминология, по сути дела, — интернациональная, а тут начался какой-то дурдом: тротуар стал плитной дорожкой, бульдозер — тракторной лопатой, эскалатор — ленточной лестницей, калоши — мокроступами, байпас — трубным обводом и т. д. и т. п.

Была проделана большая и полезная работа, в результате которой стали известны многие имена русских ученых и изобретателей, открытия которых по времени были раньше открытий, сделанных иностранцами, а вошли в историю под именами этих иностранцев. Но тут же началась и дурь. Начальник нашего училища генерал-майор Бугров Ф. Я. в свое время защитил кандидатскую диссертацию по теме «Инженерное оборудование позиций морской железнодорожной артиллерии». В своей диссертации он писал, что впервые железнодорожная артиллерия была применена во время гражданской войны в Соединенных Штатах Америки. В нашем училище нашелся какой-то капитан I ранга, планируемый к увольнению в запас (то ли за бесперспективность, то ли по возрасту), который на партактиве училища в своем выступлении подверг резкой критике начальника училища «за низкопоклонство перед Западом».

Он раскопал в Публичной библиотеке газетную заметку о том, что некий поручик N перевозил на железнодорожной платформе пушку из Москвы в Санкт-Петербург. На остановке поезда где-то в районе Твери он выстрелил из орудия, и этот выстрел был сделан на год раньше применения железнодорожной артиллерии в Америке, на основании чего капитан I ранга обвинил Ф. Я. Бугрова, который в диссертации писал о

первородстве железнодорожной артиллерии в США, в этом самом «низкопоклонстве» и в предании забвению заслуг русских артиллеристов.

Бугрову ничего не оставалось делать, как каяться, признаваться в грехах и написать дополнение к своей диссертации о том, что первыми с поезда стреляли русские. Естественно, что теперь капитана I ранга увольнять было нельзя, и он еще какое-то время «болтался» на кафедре.

Потом в училище ходили слухи, что в конце концов Бугров нашел в архивах приказ о наказании поручика N за учиненные им в пьяном виде безобразия на железнодорожной станции, в том числе и стрельбу из пушки, стоявшей на железнодорожной платформе. Но дело было сделано и пересмотру не подлежало.

Русская железнодорожная артиллерия появилась раньше американской.

Еще тогда боролись с космополитами, которых в училище и в глаза никто не видел. Бороться с ними было легко, их фамилии появлялись в официальной прессе, поэтому на семинарах или собраниях клеймили тех, про кого прочитали в газете. «Высшим пилотажем» было бы найти хотя бы одного космополита и у нас в училище, но я не помню, что это кому-либо удалось. На всякий случай объявили, что космополит — это тот, который носит узкие брюки и туфли на толстой подошве.

И, конечно, боролись с Ахматовой и Зощенко, чье тлетворное влияние могло испортить наши молодые души.

Я уже писал, что состав наших курсантов был из провинциальных мест, жили мы в казармах, отгороженные от жизни города, встречались в основном со студентами, жившими в общежитиях, т. е. тоже провинциалами. Наш день был так уплотнен, что если на музыку, песни и танцы еще кое-как время и выкраивали, то вот художественную литературу читали крайне мало. С тем кругом ленинградцев, которые знали, любили и почитали писателей и поэтов, не включенных в официальную программу по литературе средней школы, у нас контактов практически не было.

В то время почти никто из нас Ахматову не читал, поэтому бороться с ней было проще. Зощенко читали и любили, поэтому жалели, что он попал в эту идеологию как кур в ощип.

А еще мы боролись с академиком Марром, который что-то там напутал в вопросах языкознания, а товарищ Сталин его поправил.

Доставалось от нас и полковнику Иванову, который обратился с письмом к товарищу Сталину, а товарищ Сталин дал развернутый критический ответ на его письмо. Во время нашей

учебы в училище было и знаменитое «ленинградское дело», и борьба с генетиками.

Вспоминая сейчас эту идеологическую и политическую борьбу, помню и свое тогдашнее отношение к ней. Видимо, похожее отношение было и у моих товарищей.

Я верил в правильность и необходимость всех действий партии и не подвергал сомнению их целесообразность, но методы, которыми эти мероприятия проводились, и люди, которые их осуществляли, вызывали у меня сомнения: «Поручи дураку богу молиться — он и лоб расшибет».

Мне было непонятно, зачем во всех парторганизациях страны проводить партийные собрания по поводу письма Сталина академику Марру и принимать решения, что Сталин прав, а Марр «не того». Миллионы людей говорили о том, чего они совершенно не понимали. Наверняка во всей стране всего только несколько десятков человек могли квалифицированно разбираться в вопросах языкознания. Мне было непонятно, почему вместе с русскими народными песнями нельзя слушать и джазовую музыку, почему нельзя танцевать танго, а надо танцевать краковяк.

По всем этим вопросам политической и идеологической борьбы отмечаю самую главную, по моему мнению, особенность.

Все мы, особенно наши старшие товарищи-фронтовики, отлично знали «правила игры» — не болтай лишнего, не возникай, не умничай, делай как все.

У нас была четкая программа жизни — мы хотим стать инженерами, мы хотим потом заниматься инженерными делами. Если мы не будем соблюдать «правила игры», нам не дадут возможности стать инженерами. Поэтому по вопросам политической и идеологической борьбы мы говорили только на собраниях и семинарах и только то, что надо было говорить. Не помню, чтобы по этим вопросам говорил с кем-нибудь, в том числе и с самыми близкими мне людьми, вне официальной обстановки: закончилось собрание или семинар — кончились и разговоры.

Это не значит, что внутренне мы были против. Это значит, что мы считали — это не наше дело, наше дело инженерное, а политикой и идеологией пусть занимаются замполиты.

Комсомольские организации у нас были ротные и классные. Комсомольские собрания регулярно проводились и в роте, и в классе.

На ротных собраниях почти всегда присутствовал командир роты, и проходили они, как правило, строго официально, т. е. нудно и бесцветно, оживляясь в редких случаях при обсуждении

конкретных вопросов жизни роты.

На классных собраниях все было гораздо проще, живее и интереснее. По поводу официоза кто-то что-то промямлит, а в протоколах будет записано как надо: «одобряем или проклинаем и т. п.». Покончив быстренько с официозом, переходили к нашим делам, которые в протокол не заносились. Наши дела — это и взаимоотношения в коллективе, и осуждение кого-то за что-то, и планы, как мы будем праздник проводить, и споры, что будем покупать для общего пользования. Наши классные собрания — это школа товарищества, школа коллективизма и школа жизни.

Партийная организация роты у нас была небольшая, в ней состояли только те, кто пришел *в* училище уже партийными, и двое курсантов (один из них — я), вступивших в партию на пятом курсе.

В середине восьмидесятых годов при окончании военных училищ практически все офицеры выпускались членами партии. Все знали, что продвижение по службе беспартийному офицеру будет затруднено.

Во время учебы никто меня не агитировал вступать в партию, наоборот — предупреждали, что членство в партии, кроме военных оков, добавляет еще и партийные. Мне приводили примеры, когда члена партии от благоустроенной жизни в городе направляли, как тогда говорили, «на каторгу» — в колхоз, поднимать сельское хозяйство. Не подчинившегося исключали из партии, а исключенному уже нигде хода нет.

Я в партию вступал так же, как и в комсомол, сознательно и не имея карьеристских целей, а отлично зная, что с партийного больше спрос.

Слово «сознательно», когда я говорю о вступлении в партию, имеет более емкий смысл, чем это же слово применительно к вступлению в комсомол. Ко времени вступления в партию я прошел весь курс наук по программе высшего учебного заведения, которые так или иначе имеют отношение к слову «сознательно», а именно: основы марксизма-ленинизма, марксистско-ленинскую философию, политическую экономию и др. К осознанному и осмысленному решению стать членом партии нужно добавить и слепую веру в партию и социализм, которая была у меня воспитана всем строем и образом жизни. Это как вера в Бога. Когда человек с раннего детства живет в религиозной обстановке, он начинает и сам верить в Бога. Спроси его, почему он верит — наверняка ничего толкового не услышишь, кроме следующего: «Потому что Бог есть. Потому что без Бога нельзя».

К началу пятидесятых годов культ личности Сталина достиг своего предела. Приведу несколько примеров.

Однажды мне попал в руки учебник для медицинских вузов, в котором речь шла о глистах. Из любопытства просмотрел предисловие, в котором черным по белому было написано, что советская наука о глистах — передовая, а буржуазная блуждает в потемках. Успех советской науки о глистах объясняется тем, что она базируется на трудах товарища Сталина...

Когда Сталин баллотировался на выборах в Верховный Совет СССР по Кировскому району Ленинграда, по этому поводу там намечался митинг, куда направлялись делегации из всех районов города. От нашего училища делегацию сформировали просто — построили все училище, и мы строем пошли от Таврического сада к Нарвским воротам. Это мероприятие проходило во время экзаменационной сессии. На подготовку к экзамену полагалось два дня, один из которых я уже простоял в карауле. На следующий день планировался митинг в поддержку Сталина, и я обратился с просьбой к командиру роты остаться в училище для подготовки к экзамену. Он, естественно, не разрешил, объяснив, что это прерогатива заместителя начальника факультета по политчасти. Я обратился к замполиту. До сих пор помню его испуганное лицо. Испуг был вызван тем, что кто-то может узнать, что его курсант не хочет идти на митинг, посвященный товарищу Сталину. Конечно, на митинг я пошел, а потом ночь просидел над книжками и экзамен сдал.

Командиром одной из рот у нас был Герой Советского Союза майор Емельянов-Барченко. В училище он прибыл с Северного флота, где во время войны командовал разведовательно-диверсионным отрядом. Это был замечательный отряд и замечательный командир — действия отряда, храбрость и дерзость командира и его бойцов до сих пор пример для подражания на нашем флоте.

Приведу такой эпизод. Одна из бухт, в которую командование фронта и флота планировало высадить крупный морской десант, была надежно прикрыта с моря береговыми артиллерийскими батареями. Это были специальные фортификационные сооружения из бетона и стали, укрытые в гранитных скалах и способные выдержать удары корабельных пушек и бомбежку нашей авиации. Кроме того, они были оборудованы инженерными системами и огневыми средствами, позволявшими держать круговую оборону при нападении на них с суши. По всем военным законам бухта была неприступна для морского десанта — корабли, войдя в бухту, были бы расстреляны береговой артиллерией. Отряд Барченко незаметно пересек линию фронта, темной ночью ликвидировал охрану батарей, ворвался в казематы, уничтожив личный состав и захватив батареи. Корабли

Северного флота вошли без потерь в бухту и высадили десант.

Так вот, во время выборов Барченко остался ночевать в училище, чтобы с раннего утра проконтролировать, как голосует его рота. Голосование начиналось в шесть утра, к восьми часам в училище уже проголосовали, и Барченко собирался уходить на свой избирательный участок по месту жительства. К нему подошел один из офицеров политотдела и что-то сказал. Барченко выслушал и быстро пошел на улицу, сел в легковой автомобиль начальника училища и уехал. Офицеры и курсанты были в недоумении — что случилось? Никто раньше не видел, чтобы командиру роты, хоть он и Герой Советского Союза, начальник училища давал свою машину.

Оказалось, что Барченко жил в том районе, где голосовали за Сталина. К восьми утра там остались единицы, кто еще не успел проголосовать, среди них и Барченко. Из соответствующих служб начальнику училища сообщили, что его подчиненный еще не принял участие в голосовании.

Причины волнения Барченко и необыкновенной щедрости начальника училища стали понятны: он был единственным в училище командиром роты, который не являлся выпускником нашего училища, и его методы командования ротой отличались от остальных. Выпускники училища командовали ротами так, как командовали ими, когда они сами учились. Они были молоды, сами только что были курсантами, умели подчиняться и заставить подчиняться других. Это были отличные командиры, которые нас многому научили и которым мы многим обязаны. Но они командовали только по уставу, а Барченко командовал, как сейчас говорят, еще и «по понятиям».

К курсантам он относился как отец к детям. Например, старшина роты производит увольнение и кого-то из курсантов не увольняет по каким-то причинам: то брюки не так выглажены, то тельняшки не первой свежести. После того как старшина роты сам уйдет в увольнение, ротный Барченко разрешал увольнение и ранее оставленным после устранения замечания старшины роты. В училище ранее такого никогда не было — считалось, что это разлагает дисциплину. А получилось наоборот. Курсанты искренне полюбили Барченко и старались не нарушать порядок. Не потому, что боялись наказания, а потому, что не хотели доставить неприятность своему ротному.

Выборы в то время проходили так. Городские власти давали училищу перечень домов и квартир, куда училище должно было выделить агитаторов. Каждому агитатору из курсантов выделялось несколько квартир, в основном коммунальных. В среднем на курсанта приходилось человек тридцать избирателей.

Агитатор должен был агитировать за кандидатов и обеспечить явку на избирательный участок. До выборов он обходил своих подведомственных и каждому рассказывал, за кого голосовать, когда и как. В своем журнале агитатор делал соответствующие отметки. Если агитатор выявлял тех, кто намеревался не ходить на голосование, он должен был немедленно об этом доложить. Во время выборов агитатор старался как можно скорее притащить своих избирателей на участок, будучи в этом прямо заинтересованным, потому что только после того, как все его подопечные проголосуют, он мог идти в увольнение. Курсанты применяли все средства, мыслимые и немыслимые, чтобы убедить поскорее проголосовать. Если кто-то по каким-то причинам не смог прийти на избирательный участок, к нему домой немедленно направлялся член участковой избирательной комиссии с урной для голосования.

В училище перед голосованием проводили специальное собрание, на котором сообщали следующее.

Выборы — дело сугубо добровольное, начало выборов — в шесть утра. Распорядок дня не изменяется, официально подъем в 8.00, но если кто хочет проголосовать раньше, ему не возбраняется и раньше встать. Окончание выборов — в 12 часов ночи, можно приходить в любое время. Если кандидат не нравится — можете его вычеркивать. Увольнение по распорядку дня, т. е. после обеда.

В день выборов с пяти утра во дворе спального корпуса начинает играть марши духовой оркестр — спать дольше не было никакой возможности. Все вставали и, делать нечего, шли на избирательный участок. В 8.00 в совершенно пустой роте дневальный, выполняя распорядок дня, кричал: «Рота, подъем!» и свистел в дудку, как это положено, чтобы разбудить роту, которой уже давно в помещении нет. В увольнение отпускали только тех, кто уже проголосовал, поэтому все старались закончить с этим делом побыстрее.

Обычно командование училища уже к восьми часам утра докладывало, что голосование закончено со стопроцентной явкой избирателей.

В первые годы обучения по революционным праздникам, которыми считались 1 Мая и 7 Ноября, всем курсантам во время обеда давали по сто грамм водки. Приходил командир роты, брал свои сто грамм и призывал нас выпить за товарища Сталина и соответствующий праздник. Позднее это прекратилось, но к выпивке курсантов командование относилось вполне терпимо. Если выполнять три основных требования: не пить в училище, не опаздывать по пьянке из увольнения и не попадать в пьяном виде

в скандальные ситуации, то к слегка выпившим относились снисходительно. Если же нарушалось одно из трех основных требований, наказывали очень строго, вплоть до отчисления из училища.

Начальник нашего факультета полковник Егоров, человек уже в возрасте, седовласый, полноватый, всегда безупречно выбритый и в идеально вычищенной и отутюженной форме, перед праздником строил факультет и говорил речь. В двух словах поздравив нас с наступающим праздником, он переходил к главной части речи:

— Уговаривать вас не пить в праздник не буду — это абсолютно бесполезное дело. Расскажу, как надо пить. Пить надо что-либо одно: или белое или красное. Особо обращаю на это внимание тех, кто пойдет к девушке домой в гости. Ее папа будет наливать белое, мама — красное. Принимайте сразу решение, с кем будете сотрудничать. Как только услышите приглашение за стол, сразу садитесь, и пока все усаживаются, возьмите кусок хлеба, намажьте толстым слоем сливочного масла и съешьте. Ерунда, что неприлично в гостях много есть, неприлично в гостях быть пьяным.

В то время ежегодно было два военных парада — на 1 Мая и на 7 Ноября. В Москву из Ленинграда на парад ездил морской сводный полк из четырех батальонов. Первый — училище имени Фрунзе, второй — училище имени Дзержинского, третий — политическое училище, четвертый — ВИТКУ. В Москве на парадах я был дважды — в ноябре 1947 и в мае 1948 года. От столичных парадов осталось в памяти следующее.

Перед парадом нас переодевали в новую форму довоенного пошива, которую выдавали краснофлотцам. Качество этой формы было гораздо выше той, в которой мы ходили в училище. Перед парадом нас будили рано и кормили щами, кашей, котлетами.

К параду нас готовил полковник В. Н. Воронов, руководивший в нашем училище общевойсковой подготовкой. Гонял он нас беспощадно, но ходил полк великолепно. За три дня до парада прибыл командир сводного морского полка контр-адмирал М. Крупский, по Красной площади он прошел как командир полка. На трибуне мавзолея стоял Сталин. Полк прошел так красиво, что когда мы вернулись *в* казармы, нам объявили благодарность, а контр-адмирал Крупский был награжден орденом.

Мы были поражены — подготовил-то полк Воронов. Случилось так, что я стал свидетелем, как группа курсантов сдуру подошла к Воронову с намерением его утешить. Он дал нам великолепный урок того, как надо себя вести. Курсанты еще

только начали говорить, как он сразу понял, о чем пойдет речь, и, прервав говорящих, сказал, что ордена не выпрашивают, а ими награждают, что Крупский — командир полка, а он, Воронов, заместитель, что если бы полк прошел плохо, то наказали бы Крупского, а не Воронова. Командир отвечает за все перед вышестоящим командованием, а заместитель — перед своим командиром.

В 1947 году прошел последний парад, в котором еще участвовала конница, всадники были с пиками. А в следующем году во время парада над Красной площадью впервые пролетели реактивные истребители.

Это были последние парады, когда командующий и принимающий парад были верхом на лошадях. Принимал парад маршал Советского Союза Н. А. Булганин, выглядевший на портретах чрезвычайно привлекательно. А на самом деле это был толстый человек с животом, лежавшим на шее лошади, а все лицо в каких-то оспинках.

Перед майским парадом 1948 года его генеральная репетиция проходила на Центральном аэродроме. Стояла холодная погода, и командование прислало в морской парадный полк комплекты зимнего теплого нижнего белья, которое мы и надели под парадную форму. Мы стояли на репетиции в теплом белье, тельняшках, суконных брюках и шерстяных форменках и не мерзли. Толстая одежда делала нас, в общем-то, костлявых и тощих, мощными мужиками. В армейских полках солдаты были одеты в хлопчатобумажные гимнастерки и в летнее белье, и они, естественно, зябли и ежились. Булганин отметил молодцеватый вид морского полка и попенял армейским начальникам, что их солдаты не выглядят браво.

На Красную площадь нас приводили и выстраивали задолго до начала парада. Одним из элементов подготовки к прохождению была проверка патронов, вернее, отсутствие патронов. Винтовки по команде брали на плечо, открывали затворы. На патронташах отстегивали крышки. Проверяющие ходили и проверяли, нет ли патрона в канале ствола и в магазине винтовки и не припрятаны ли эти патроны в патронташах.

Мое место в строю при прохождении было близко к той стороне, где мавзолей, поэтому стоявшего на трибуне Сталина я рассмотрел довольно хорошо. Пожилой человек с уставшим лицом, похож на те свои портреты, где поменьше глянца.

Так как наше училище было училищем Военно-морского флота, то в нашем бытовом и служебном разговоре было много слов флотского лексикона. Спальное помещение называлось кубриком, кладовая личных вещей — баталеркой, каптенармус

(хозяйственник) — баталером, табуретка — банкой, пол — палубой, лестница — трапом, уборная — гальюном и т. д. Дежурный у нас носил не красную нарукавную повязку, как во всех других видах Вооруженных сил, а «рцы» — узкую синюю нарукавную повязку, посредине которой идет белая полоса. «Рцы» — это название флага, который поднимается на корабле назначенным дежурным по корабельному соединению.

В наших кубриках стояли двухъярусные металлические койки, на которых мы и спали все время обучения.

Во время нашего обучения происходил процесс возрождения некоторых традиций дореволюционного морского кадетского корпуса.

Например, все курсанты высших военно-морских учебных заведений ходили с палашами, при выпуске вручался офицерский морской кортик.

Сперва мы обрадовались введению палашей и гордились тем, что имеем право их носить. Дальше начались осложнения: пришли в театр, или на каток, или просто в гости — куда девать палаш. Сидеть с ним крайне неудобно, сдавать на вешалку нельзя — именное оружие.

Я носил палаш до производства в офицеры, позднее их отменили.

Время нашей учебы в училище — это время засекречивания всех военных учреждений.

Наименование нашего училища — ВИТКУ ВМФ, которое даже во время войны было открытым, оставляли только для документов, на которых стоял гриф «секретно». Для всего остального мира наше училище стало «Войсковая часть, номер такой-то». С этой секретностью был и смех и грех.

Это засекречивание было очень похоже на то, как страус прячет голову в песок и думает, что спрятался.

По городу ходили строем с развернутым знаменем, на котором написано открытое наименование училища.

Курсанты ходили с курсантскими нашивками на рукавах, но на ленточках бескозырок вместо наименования училища было написано: «Военно-морской флот».

Чтобы нас принимали за матросов, которые носили такие же ленточки, надо было бы отменить и курсовки на рукавах, но это забыли сделать.

Городские советские и партийные власти, вузы города и прочие, и прочие, и прочие — все обращались только по открытому наименованию. Но к любому курсанту, который применял бы открытое наименование училища, можно было серьезно придраться и даже отдать под суд за разглашение

военной тайны. Нас чуть ли не ежедневно предупреждали о том, что мы за пределами училища должны называть себя не курсантами, а матросами Военно-морского флота, как было написано на ленточках наших бескозырок. Во всех наших открытых служебных документах писался только номер воинской части. Например, «Методическое указание для расчета балок на упругом основании для курсантов 5 курса» утверждал начальник кафедры строительной механики воинской части номер такой-то, профессор, доктор технических наук NN. Такой документ не был секретным, им обменивались с родственными вузами, некоторые курсанты брали его себе в расчете на то, что, может быть, пригодится в инженерной деятельности. Идиоту и то ясно, что эта воинская часть не стрелковый полк и не бригада морской пехоты, а высшее учебное военное заведение инженерного профиля.

В те времена было два министерства: первое — Военное, второе — Военно-морское. Наше училище было во втором министерстве. В Москве и Ленинграде начальниками гарнизонов и комендантами были должностные лица из Военного министерства, а гауптвахты для содержания арестованных, наказанных за нарушение воинской дисциплины, для каждого министерства были свои.

За время обучения мне довелось отбывать наказание на гауптвахте как в Москве, так и в Ленинграде.

В Москве, во время своего отпуска, я на улице Горького пытался сфотографировать здание Моссовета. Только я навел фотоаппарат на это здание, как ко мне подошел милиционер и потребовал предъявить документ, на что я ему ответил, что он не имеет права проверять документы у военнослужащих. Началась наша словесная перепалка, кончившаяся тем, что к первому милиционеру подошел на помощь второй и они, профессионально взяв меня под руки, отвели в отделение милиции в Столешниковом переулке. Там я повел себя как дурак, не показывал документы дежурному офицеру милиции, требуя военного патруля, которому и намеревался показать документы. Дежурный офицер милиции был сама вежливость, он согласился с моим требованием вызвать военный патруль и попросил подождать. Через час ожидания в специфической компании, характерной для задержанных в милицейском отделении, я стал просить дежурного офицера милиции посмотреть мои документы, но тот ответил, что дело уже пошло. В комендатуру Москвы из отделения милиции была послана телефонограмма, теперь меня могут передать туда только под расписку.

Еще через пару часов приехал крытый грузовичок, вышел солдат с винтовкой, расписался за меня в какой-то книге и отвез

на гарнизонную гауптвахту: Там отобрали у меня документы и все, что было в карманах, а также брючный ремень и шнурки из ботинок, и отвели в камеру, где уже было человек двенадцать.

Оказалось, что это не дисциплинарная камера, а следственная. В ней сидели те военнослужащие, по отношению к которым уже возбуждено уголовное дело и проводилось следствие для подготовки к передаче его в военный трибунал. Там были дезертиры, угонщики автомобилей и другие правонарушители, в том числе два солдата, укравшие киоск со спиртными напитками.

Один из этих солдат был шофером грузового автомобиля, второй — крановщиком автомобильного крана. В ночное время они погрузили краном этот киоск на автомобиль, привезли его в свою воинскую часть как подарок своим сослуживцам к Новому году.

Вот эти два солдата и стали моими шефами, объяснив, кто в камере и по какой статье. Выслушав, за что меня взяли, они заохали и сказали, что мое дело хуже всех, у меня будет политическая 58 статья. Так я впервые в жизни услышал номер этой статьи Уголовного кодекса и узнал, что у этой статьи очень много подпунктов, в том числе шпионаж.

Мои шефы объяснили, что мне будут «шить шпионаж», так как я пытался фотографировать правительственное здание.

Из этой камеры никого ни на прогулки, ни на работы не выводили, только на допросы. К концу первых суток задержания я пытался стучать в дверь и требовать, чтобы меня куда-то вызвали и выслушали. Пришел начальник караула и сказал: «Будешь стучать — в морду получишь». Мои шефы сказали мне: «Не возникай», и я стал ждать.

Через трое суток меня повели на допрос к следователю. Я уже раньше упоминал, что все мои документы, а именно: отпускной билет, служебная книжка и т. д. были выписаны на воинскую часть номер такой-то. В этих документах не было указано, какого министерства эта воинская часть — Военного или Военно-морского.

Следователь, старший лейтенант в армейской форме, увидев меня в морской форме и не разрешив сесть на табуретку около его стола, спросил, какого я министерства. Я ответил, что Военно-морского. Следователь тут же стал звонить кому-то, что ему подсунули дерьмовое дело из другого министерства да еще по 58 статье, а работы у него и так невпроворот и что надо этого задержанного отфутболить морякам, пусть сами занимаются. Получив какой-то ответ, следователь звонком вызвал конвойного и приказал отвести меня в камеру.

Меня отконвоировали в Военно-морское министерство, где следователь, уже в морской форме, выслушал меня и распорядился проявить пленку из моего фотоаппарата. Часа через четыре меня снова привели к этому следователю. На пленке ничего шпионского не нашли, документы были в порядке, телефонный звонок в училище подтвердил, что такой курсант в списках есть, поэтому следователь отдал мне документы, разрешил дальше продолжать отпуск и посоветовал впредь не быть дураком и предъявлять при необходимости документы милиции.

В Ленинграде я сидел пять суток на морской гауптвахте за неотдание воинской чести майору, который оказался дежурным помощником военного коменданта гарнизона.

Так как я был курсантом высшего военно-морского училища, то отбывать наказание меня поместили в камеру для сверхсрочников, где уже находилось пять мичманов. Мичманы были старше меня, прошли войну, были люди семейные и отбывали наказание за разного рода служебные упущения. Меня сразу стали звать «Витек», приняли как равного в свои ряды, и я был им благодарен за это.

За дни отсидки я наслушался от них жизненных и служебных историй, суммарное значение которых равносильно циклу лекций по психологии и проблемам выживаемости.

По правилам гауптвахты сверхсрочники пользовались некоторыми преимуществами, одно из которых было то, что двери камеры сверхсрочников не запирались и мы могли самостоятельно ходить в гальюн, не вызывая выводного. Для того, чтобы понять и оценить это преимущество, надо посидеть на гауптвахте. Другим преимуществом было то, что сверхсрочников выводили на работу только с их согласия. Так как сидеть целый день в камере было тоскливо, то наша камера всегда изъявляла желание участвовать в общественно-полезных работах. Наши мичманы выбрали две общественно-полезные работы: первая — работа по установке декораций в театре Ленинского комсомола, второе — участие в ремонте крейсера «Аврора».

На работу в театр нашу камеру в полном составе привозила театральная машина. Никаких выводных из караула гарнизона не было, нас брали под ответственность театра. Поставив декорации для первого действия, мы располагались за кулисами и смотрели спектакль. В антракте убирали старые декорации и ставили новые. Затем из-за кулис продолжали смотреть спектакль. Поставив декорации в последнем антракте, все мичманы разбегались по своим квартирам или каким-то другим делам, оставляя меня досматривать спектакль и быть на подхвате при

необходимости.

Досмотрев спектакль, я городским транспортом добирался самостоятельно до гауптвахты. Вообще-то театр должен был на своей машине отвозить нас обратно, но мичманы, к радости шофера машины, просили его не беспокоиться.

Приехав к зданию гауптвахты, я тоскливо ходил по аллее, ожидая, когда же мои мичманы соберутся, чтобы всем вместе зайти, как будто мы организованно на машине только что вернулись с работы. Так хотелось побыстрее попасть в свою теплую камеру на такой уютный деревянный топчан без матраца и подушки, но наказ мичманов был строгий: «Ты, Витек, не будь салагой, без нас на губу ни-ни-ни».

Крейсер «Аврора» в то время стоял на Неве у Горного института, а гауптвахта располагалась на улице Римского-Корсакова. Шли на работу с выводным, вооруженным винтовкой. Пешая неспешная прогулка по одному из самых красивых районов Ленинграда — не очень строгое наказание. На «Авроре» предстояло очищать корпус от старой краски. Мне досталась средняя труба, к вершине которой меня поднимали на беседке. Беседкой называется кусок доски, прикрепленный к тросу таким образом, чтобы на нем можно было сидеть.

На первом курсе наше курсантское денежное содержание было 50 рублей, на втором — 100 рублей, на третьем и дальше — 150 рублей. До 1947 года на эти деньги в коммерческих ларьках и на рынке, кроме зубного порошка и мыла, почти ничего нельзя было купить. Для населения были продовольственные и промтоварные карточки, где все продавалось по ценам, установленным еще до войны.

В 1947 году была проведена денежная реформа, суть которой заключалась в том, что деньги старого образца были изъяты, а пущены в оборот деньги нового образца. Цены на товары были оставлены прежние, еще довоенные. Реформа была проведена образцово. Случилось чудо. Сегодня в городе ничего нет, а завтра в магазинах всего полно.

Теперь на наши курсантские деньги мы могли себе кое-что и позволить, в том числе и покупку ручных часов.

После 1947 года и до смерти Сталина в 1953 году ежегодно в апреле происходило очередное снижение цен на какую-либо группу товаров, о чем население широко оповещалось по радио и в газетах.

Наше училище было образовано в 1939 году с целью подготовки специалистов по организации базирования Военно-морского флота.

В 1937 году был создан Народный комиссариат Рабоче-

крестьянского Военно-Морского Флота. Уже в 1940 году флот должен был получить много кораблей различных классов, в том числе линейные корабли, крейсера и подводные лодки. На флоте создавалась морская авиация. Флоту необходимо было в короткий срок расширить и модернизировать существующие и построить новые военно-морские базы, систему береговой обороны, аэродромную сеть морской авиации. Флоту стали нужны многочисленные высококвалифицированные кадры военных инженеров, способных решить эту задачу.

Новое училище создавалось на базе Ленинградского института инженеров промышленного строительства, который был образован в 1930 году с целью подготовки для тяжелой промышленности инженеров-строителей, конструкторов и архитекторов.

Ученые и преподаватели этого института участвовали в проектировании и строительстве всех крупнейших строек первых пятилеток и подготовили кадры, ставшие потом основным костяком руководящего состава строек тяжелой и оборонной промышленности страны.

Многие ученые и преподаватели вели свою инженерную карьеру еще с дореволюционных времен. Они уже в то время были крупными авторитетами в своем деле.

Второй составной частью вновь образованного училища стал морской факультет Военно-инженерной академии, старейшего высшего военного учебного заведения России, в стенах которого работали и учились выдающиеся военные инженеры нашей страны.

Часть преподавателей этого факультета, пришедшая для дальнейшей работы в новое училище, начинала свою военно-инженерную деятельность еще до Первой мировой войны и имела в царской армии высокие воинские звания. Чтобы дать общую характеристику уровня профессорско-преподавательского состава, приведу такую арифметику: академиков Академии наук СССР — 2, членов-корреспондентов Академии наук СССР — 2, членов-корреспондентов Академии строительства и архитектуры — 2, генерал-лейтенантов — 2, генерал-майоров — 4, контр-адмирал — 1. Добавить к этой арифметике можно еще и то, что практически все начальники кафедр были профессора и доктора технических наук.

Штатная категория командира дивизии — генерал-майор, корпуса — генерал-лейтенант. Эти сведения я привел исключительно с целью показать, как правительство ценило уровень знаний ученых, присваивая им такие высокие воинские звания.

По своей дальнейшей службе я был знаком со всеми училищами Военно-морского флота, Инженерных войск и многими училищами других видов Вооруженных сил.

Среди известных мне военных училищ не было ни одного, которое смогло сравниться с нашим по количеству преподавателей с такими высокими учеными и военными званиями.

Этим я вовсе не хочу сказать, что в этих других училищах преподаватели были хуже или что там готовили более слабых специалистов.

Этим я хочу сказать только одно, а именно, как Советское правительство и руководство Военно-морским флотом понимало, что никакого флота, никакого морского могущества государства не будет, если не будет обеспечено базирование. Лучшие кадры были направлены для подготовки специалистов по базированию.

При большом количестве академиков, профессоров и генералов курсантов в училище было сравнительно мало.

В училище было три факультета: первый — берегового строительства, второй — электромеханический, третий — химический. Основной учебной единицей был класс численностью 15–20 человек.

В 1946 году на первом факультете было три курсантских и один офицерский класс, на втором факультете — два курсантских и на третьем — один курсантский.

Лекции читались не более чем для двух классов, академики Академии наук СССР читали лекции аудитории, в которой было не более 30 человек. Преподаватели знали своих учеников в лицо, был возможен обмен вопросами-ответами в процессе лекции.

Полная укомплектованность кафедр и малая численность курсантов позволяла преподавателям применять индивидуальный подход в обучении.

Чтобы организовать базирование флота, прежде всего надо знать, а что же это такое флот, т. е. знать корабли, авиацию, оружие, береговую артиллерию, судоремонт и многое другое. Надо знать, как все это действует, и знать, что нужно этому флоту, чтобы он действовал.

Этим занималась кафедра военно-морского дела.

Начальником кафедры был капитан 1 ранга Заболоцкий С.В., бывший офицер императорского военного флота. Я не помню ни одного начальника кафедры тех времен, который был бы ординарным человеком и не имел бы своей, только ему присущей манеры поведения. Каждый из них был яркой личностью, у каждого из них было свое лицо.

У Заболоцкого на первом месте была любовь к военному

флоту и гордость за профессию флотского офицера, которые он старался нам привить. Заболоцкий учил нас не только гордиться званием флотского офицера, но и уметь быть в этом звании на войне, службе и на отдыхе.

Вот это последнее «уметь быть в офицерском звании» на отдыхе иногда вызывало у него грусть, что нам может и не понадобиться часть того умения, которая была совершенно необходима офицеру императорского флота. На одном из занятий он сказал примерно следующее: «Когда я служил младшим артиллерийским офицером на легком крейсере «Диана», то при его стоянке на рейде Кронштадта офицеры получали краткосрочный отпуск в Петербург. В Петербурге возьмешь лихача на дутых шинах — и по Невскому. Тут надо большое умение: и адмиралу во время честь отдать, и даму знакомую на тротуаре не пропустить. Потом с дамой — в ресторан, а там — целая наука, как войти, как сесть, что заказать, как за дамой ухаживать и как красиво уйти. Вам эта наука может и не понадобиться, в молодых годах будете в гарнизонных столовых обедать, а потом дома, что жена приготовит. Если и попадете в ресторан, то там сейчас прежнего шарма нет, да и в офицерской службе шарма не предвидится, будут только долг и обязанность. Естественно, что служение отечеству и добросовестное исполнение офицерских обязанностей — высшая радость для офицера, но немного шарма службе не помешало бы».

В самой первой лекции Заболоцкого была такая фраза: «Современный боевой корабль представляет собой сложное инженерное сооружение». Работая в дальнейшем долгие годы на флоте и регулярно бывая на кораблях разных классов, я много раз невольно вспоминал эту фразу.

Кроме теоретического курса у курсантов была чрезвычайно полезная ознакомительная морская практика в Кронштадте. Нас разместили на корабле «Петропавловск». Это был бывший линкор «Марат», один из самых лучших кораблей советского флота.

В начале войны немецкая авиационная бомба пробила палубу и достигла погреба с артиллерийскими зарядами. Был мощный взрыв, носовая часть корабля вместе с артиллерийской башней затонули, потом ее отрезали. Корабль остался на плаву, машины и винты на месте, он мог ходить, имел кормовую артиллерийскую башню, он еще участвовал в войне с оставшимися орудиями. После войны стал учебным кораблем с новым именем «Петропавловск».

В кубриках мы спали на подвесных брезентовых койках с пробковыми матрацами, участвовали в корабельных приборках, а главное, знакомились с устройством корабля и правилами

корабельной жизни.

Умение правильно вести себя на военном корабле, знания, что можно делать, а чего нельзя, мне очень пригодились в дальнейшей службе, так как на кораблях приходилось бывать часто и нередко приходилось видеть насмешливые взгляды корабельных матросов и офицеров на армейских офицеров, в интересах службы прибывающих на военный корабль, но незнакомыми с правилами поведения на нем и флотским лексиконом.

В течение двух месяцев курсанты знакомились с кораблями, артиллерийскими фортами, организацией службы, разнообразной и сложной береговой инфраструктурой (причалы, доки, заводы и т. п.) и совершали небольшой переход на учебном парусном корабле.

Одной из основных кафедр в училище была кафедра баз флота во главе с профессором Е. К. Карягиным, автором уникального учебника «Базы флота». Такой кафедры и такого учебника, как и самой учебной дисциплины, не было и сейчас нет ни в одном учебном заведении (кроме ВИТКУ) нашей страны. Во времена моей учебы среди курсантов ходил слух, что книга «Базы флота» лежит на рабочем столе самого Николая Герасимовича Кузнецова, бывшего тогда военно-морским министром.

Учебник «Базы флота» давал полное представление о том, что же такое система базирования флота, в которую входят пункты базирования кораблей, командные пункты, судоремонтные предприятия, склады оружия, горючего, продовольствия, казарменные и жилые городки, госпитали, маяки, позиции железнодорожной морской артиллерии, береговой бронебашенной артиллерии, аэродромы морской авиации, радиоцентры, системы радиотехнического наблюдения, склады резерва в глубине страны, система дорог между объектами базирования и много-много другого, подробное перечисление только названий объектов системы базирования заняло бы несколько страниц.

Далее в учебнике давалось понятие, что такое живучесть и устойчивость системы базирования.

Нас учили, как рассредоточением, дублированием, маскировкой и защитным строительством можно добиться повышения живучести и устойчивости системы базирования.

Нас учили, что система базирования флота создается совместной поэтапной работой различных структур Военно-морского флота, а именно Главного командования ВМФ, Главного штаба ВМФ и штабами флотов, Главного инженерного управления ВМФ и инженерными управлениями флотов,

проектными организациями, научно-исследовательскими учреждениями, Главвоенморстроем и строительными организациями флотов, а также управлениями и службами Военно-морского флота, в том числе финансовыми. После окончания строительства объекты системы базирования эксплуатируются специальными организациями ВМФ.

Нас учили так, чтобы мы были готовы работать в любой организации, поэтапно участвующей в сложном процессе создания и эксплуатации системы базирования флота.

Кафедра высшей математики — ключевая для любого инженерного вуза. В ВИТКУ начальником этой кафедры был инженер-подполковник, профессор, доктор физико-математических наук Л. В. Канторович, ставший впоследствии академиком Академии наук СССР, лауреатом Сталинской, лауреатом Ленинской и лауреатом Нобелевской премий.

Еще в кандидатах мы наслушались легенд о Канторовиче. В 24 года он стал профессором, доктором наук и получил кафедру. С началом войны его мобилизовали, военной подготовки он не имел, поэтому стал рядовым. Начальник училища добился, что его в качестве матроса направили служить в училище, где его зачислили в кадровую команду. Это было небольшое подразделение, старшиной которого был мичман. В команде были матросы оркестра, ротные баталеры и хозяйственная обслуга. Как и все матросы, Канторович жил в кубрике на двухъярусной железной койке, имел винтовку, противогаз и т. п.

Старшина кадровой команды гонял его наравне с другими матросами на строевых и прочих занятиях.

Вместо хозяйственных работ матроса Канторовича направляли читать лекции по высшей математике.

Через некоторое время матросу Канторовичу присвоили звание майора административной службы, но старшине кадровой команды он по-прежнему воинскую честь отдавал первым. К концу войны воинское звание Канторовича было инженер-подполковник.

Старшекурсники рассказывали, что в начале лекции Канторович обязательно спрашивает, имеются ли вопросы по предыдущей лекции, даже если читает ее в начале курса и никакой предыдущей лекции просто не было.

Наслушавшись таких легенд, мы с особым интересом ждали первую лекцию Канторовича. Тогда в наших учебных классах была должность старшины класса, на которую назначался один из курсантов. В его обязанности входило информировать курсантов о расписании занятий, получение учебников, бумаги, ручек, карандашей и т. п., следить за наличием полотенца для

преподавателя, чтобы вытирать руки после мела и тряпки, а также вытирать с доски мел. В то время старшиной нашего класса был Женя Васильев, балтийский матрос, четыре года участвовавший в боевом тралении, вся грудь в наградах, в том числе очень почетные медаль Ушакова и медаль Нахимова, чистюля и аккуратист. Желая как можно лучше встретить Канторовича, наш Женя правдами и неправдами достал новое полотенце и новую тряпку, повесил их на специальные крючки около доски и спокойно ждал Канторовича.

Канторович вошел быстро, немедленно спросил: «Есть ли вопросы по предыдущей лекции?», не услышав вопросов, повернулся к доске и стал читать лекцию, одновременно выписывая мелом формулы на доске. Исписав всю доску, Канторович взял чистое новое полотенце, стер им мел с доски, бросил полотенце на пол, взял меловую тряпку и вытер ею руки. Исписал еще один раз доску, повернулся к аудитории и, вытирая тряпкой руки, спросил, есть ли вопросы. Вопросов не было, зазвенел звонок, Канторович бросил на пол теперь уже тряпку и быстро вышел.

Все курсанты, ошеломленные темпом лекции и тем, что ничего из рассказанного не поняли, молчали. Даже не молчали, а оцепенели. Как же дальше учиться будем, если в первой же лекции ничего не поняли.

И вот в этой тишине раздалась реплика Жени Васильева: «Тоже мне профессор. Полотенце от тряпки отличить не может».

С хохотом на реплику пришла уверенность — одолеем эту высшую математику.

Вечером во время самостоятельной подготовки я прочитал записанную лекцию Канторовича и с радостью установил, что она оказалась мне понятной. Поделился с товарищами. У них было то же самое. Просто у нас еще не было так развито математическое мышление, чтобы с ходу понимать то новое, о чем впервые говорилось на лекции.

Вспоминая Канторовича, могу сказать, что лекции он читал превосходно. Записывать их и готовиться к экзаменам по этим записям было удобно. Слово «легко» тут не подходит, все-таки высшая математика.

Во всем, что касается преподавания, Канторович был очень организованный человек, всегда все успевал и ничего не пропускал.

Во время экзаменов Канторович был либерален и терпелив.

Учебный процесс в училище был отлично организованным и напряженным до предела. В неделе шесть рабочих дней и один выходной. Ежедневно подъем в 7 часов утра, зарядка, завтрак и

до обеда шесть часов лекций, после обеда час отдыха (спали в кроватях), затем самостоятельные занятия до 22 часов (с перерывом на ужин), прогулка, с 23 до 24 — в кубрике час личного времени, в 24 часа — отбой.

Лекции читались четко, курсанты старались их как можно тщательнее конспектировать, так как подготовиться по учебникам к экзаменам было практически невозможно.

Самостоятельные занятия проводились в классных комнатах, где у каждого курсанта было свое постоянное рабочее место, и где он хранил все свои учебные принадлежности.

Режим самостоятельных занятий: 50 минут работы, 10 минут перерыв. Все по звонку. Во время самостоятельных занятий никаких хождений по коридору, в классах — тишина.

Курсовых работ было много, за их своевременной сдачей организован жесткий контроль. Не сдал вовремя — нет увольнения в выходной день.

В училище был свой инженерный полигон, где курсанты первого и второго курсов в летний период проходили общевойсковую подготовку, изучали минно-подрывное дело, работали со строительными машинами и механизмами, производили геодезические съемки, ходили на шлюпках и занимались многими видами военно-прикладного спорта.

Чрезвычайно важным элементом обучения была ежегодная производственная практика на флотах курсантов старших курсов. Практика курсантов нашего училища резко отличалась от практики курсантов других военных училищ. Курсантов нашего училища назначали на штатные должности, и они работали самостоятельно, а не были дублерами штатных работников.

В 1949 году я шесть месяцев работал мастером строительного участка на производственной практике в Севастополе, в 1950 году три месяца на той же должности в Калининграде, а в 1951 году четыре месяца на должности инженера-проектировщика Военморпроекта-26 в Ленинграде.

В некоторых решениях Сталина можно увидеть стремление следовать примерам русской истории.

Например, во время войны Сталин руководство обороной Севастополя поручил командующему Черноморским флотом, адмиралу Октябрьскому, хотя армейские части, обороняющие город, по численности значительно превосходили флотские.

Так же было и при императоре Николае I, когда во главе обороны Севастополя были адмиралы Нахимов и Корнилов.

После войны Сталиным было принято решение: флот город защищал, флот будет город восстанавливать, для чего создали специальное строительное управление

«Севастопольвоенморстрой», количество работающих в нем исчислялось десятками тысяч людей. Кандидатура на должность начальника «Севастопольвоенморстроя» должна была быть одобрена Сталиным. Командование Военно-морским флотом приняло решение рекомендовать на эту должность генерал-майора А. П. Колерова.

В конце шестидесятых годов мне довелось услышать рассказ самого А. П. Колерова о том, как происходило назначение.

Колерову, который в то время служил на Тихоокеанском флоте, приказали немедленно вылететь самолетом в Москву на заседание Политбюро, где будет решаться его назначение на должность начальника «Севастопольвоен-морстроя». Все время перелета Колеров обдумывал варианты своего ответа на предполагаемый вопрос Сталина, справится ли он с этой должностью. Первый вариант ответа был: «Справлюсь, товарищ Сталин». Но тут же Колеров пытался спрогнозировать реакцию Сталина на такой ответ: «Нельзя его назначать, слишком самоуверенный, еще с обстановкой не ознакомился, а уже заявляет, что справится». Второй вариант ответа у Колерова такой: «Постараюсь, товарищ Стачин», на что был и вариант прогнозируемой реакции: «Ну что его назначать, когда не уверен. Он, видите ли, будет только стараться». И так долгие-долгие часы перелета в мозгу у Колерова то «Справлюсь», то «Постараюсь справиться». Прилетели, доставили в приемную, попросили подождать. Через некоторое время пригласили зайти. Зашел. Остановился у порога. За столом несколько человек, на председательском месте Молотов, читающий какие-то бумаги. Министр Военно-морского флота Н. Г. Кузнецов говорит Молотову: «Это Колеров на «Севастопольвоенморстрой». Молотов поднял глаза от бумаг, посмотрел на Колерова, кивнул, и снова стал смотреть бумаги Н. Г. Кузнецов махнул рукой А. П. Колерову, чтобы тот выходил. Назначение состоялось.

В «Севастопольвоенморстрое» не хватало инженерных кадров, поэтому Н. Г. Кузнецов принял решение направить в феврале 1949 года на шесть месяцев около 300 курсантов старших курсов ВИТКУ ВМФ для работы на военных инженерных должностях в строительном управлении.

Мы морально были готовы к выполнению такой задачи. Нас воспитывали на примере наших старших товарищей, участвовавших в 1941 году в обороне Ленинграда. Тогда сотни тысяч ленинградцев работали на строительстве оборонительных рубежей вокруг Ленинграда. Рабочие руки были, военных инженеров для руководства такими специальными работами катастрофически не хватало. Военный совет фронта принял

решение направить преподавателей и курсантов нашего училища на руководство строительством оборонительных сооружений. На каждого курсанта приходилось по 500 человек работающих, преподаватели были начальниками и главными инженерами оборонительных районов.

Училище в 1941 году с честью выполнило поставленную командованием фронта задачу.

В 1942 и 1943 годах училище так же активно участвовало в инженерных работах на флотах и фронтах

22 февраля 1944 года был подписан следующий Указ Президиума Верховного Совета СССР: «За образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество наградить орденом Красного Знамени: 1-й Гвардейский минно-торпедный авиационный полк, 251-й Новороссийский отдельный артиллерийский дивизион, Высшее инженерно-техническое училище Военно-морского флота и 1-й дивизион катерных тральщиков».

Мы гордились тем, что наше чисто инженерное училище награждено боевым орденом, да еще одним указом с прославленными боевыми частями морской авиации, артиллерии и траления.

В Севастополе прямо с вокзала одну из групп курсантов, в том числе и меня, направили на Северную сторону в распоряжение начальника 116-го УНР инженера-подполковника Васильева Ю. Е. Там нас быстренько распределили по участкам. Я попал к старшему лейтенанту Костко, который назначил меня руководить строительством автобазы. Костко дал мне комплект чертежей, на генеральном плане показал репер, выделил солдата, знающего то место, где находился репер, и поставил задачу за день произвести разбивку сооружений на местности, а на следующий день приступить к строительным работам.

Из инженерных приборов мне был выдан складной деревянный метр, уровень и моток шнура.

Разбивку я произвел, и на следующий день ко мне на работу прибыл взвод солдат строительного батальона в количестве 50 человек под командованием старшего лейтенанта.

Солдаты уже выслужили установленный срок службы, но ввиду нехватки рабочей силы, увольнение их в запас задерживалось, что отрицательно сказывалось на их настроении. По существующим тогда правилам, работа солдат нормировалась общесоюзными едиными нормами и расценками. Солдатам платили только те деньги, которые полагались за работы, выполненные сверх 100% дневной нормы. Таким образом,

солдату не платили денег и тогда, когда он выполнит дневную норму лишь на 10%, и тогда, когда выполнит на все 100%. Нормы были очень жесткие: для того, чтобы выполнить 150%, а получить деньги всего за 50%, требовались большое мастерство, сила и здоровье.

Если взвод не выполнял норму на 100%, то командиру взвода грозили неприятности по службе.

Командиры взводов не имели реальных рычагов для повышения производительности труда.

Как командир взвода может наказать солдата, не выполнившего норму? Объявить выговор, так солдату плевать на это. Посадить на гауптвахту, так это будет вроде отдыха солдату. Отдать под суд, так всех не посадишь. Не пустить в увольнение, так они и гак сидят в степи, идти все равно некуда. Не пустить в отпуск домой, так никого все равно не пускают. Единственно реальная угроза — задержка с увольнением из армии в запас.

Такая практика была, кто хорошо работает — отпускать первыми. Но это действовало только в период, когда сроки увольнения уже объявлены.

Оставалось одно — воспитательная работа. Тут все вроде ясно — разъясняй, мобилизуй, призывай, объясняй.

Воспитательной работы было много. Но толку от нее было мало.

Мое тогдашнее отношение к работе было сформировано школой, училищем, книгами, кинофильмами и газетами, пионерской, комсомольской и партийной организациями. Коротко и применяя казенные фразы, его можно выразить так: каждый советский человек должен работать изо всех сил на пользу нашей социалистической родины, эта работа должна приносить ему радость, работа должна быть главнее всего в жизни. Шкурничество, желание получить побольше денег за работу — это очень плохо. У нас же социализм, мы работаем не на капиталиста, а на себя, какие тут могут быть разговоры о выгоде.

Я готов был работать на восстановлении Севастополя с утра до ночи и без выходных. Близко к этому режиму я и работал. Я вспоминал, что когда во время войны мы работали в колхозе и на железной дороге, то работали без всяких разговоров об оплате труда, идет война, какие там заработки. Паек дают вовремя, что еще надо.

В Севастополе с первых же дней моей работы речь пошла о деньгах. Командир взвода и солдаты стремились, чтобы наряды были закрыты более 100%, чтобы расценки на работы применялись самые высокие.

Главный вывод, который я сделал для себя во время этой практики, сводился к тому, что теперь во имя только одних идей солдаты строительных батальонов хорошо работать не будут. Никакие лозунги, никакие соцобязательства и соцсоревнования, никакие доски почета, а также выговоры и гауптвахты не будут давать желаемого результата до тех пор, пока не будет создана система материального (денежного) стимулирования солдатского труда.

Несмотря на упомянутые выше крайне неблагоприятные условия оплаты труда и задержку по срокам с увольнением в запас, солдаты работали вполне удовлетворительно. Отчетливо было видно желание как можно быстрее покончить с разрухой, восстановить красавец-город и побыстрей вернуться домой, чтобы и там навести порядок.

В Севастополе рабочий день был с 8 до 19 часов, обеденный перерыв из-за летней жары удлиненный, с 12 до 15 часов. Выходной день один. В субботу — полный рабочий день. Если план «трещал», то работали в воскресенье или ежедневно на час больше. Никаких отгулов за переработанное время.

По пятницам обязательные ежедневные планерки у начальника УНР, на которых присутствовал весь инженерно-технический персонал от начальника УНР до мастеров. Практически все мастера были курсанты. Планерка начиналась в 21 час и заканчивалась в 23 часа.

Основная тема — выполнение плана, основная ругань — план не идет, основная причина — задержка с поставкой материалов.

Типичный сюжет. Начальник УНР: «Иванов, почему на Бартеньевке не начаты малярные работы?». Иванов: «Не завезли краску». Начальник УНРа: «Женщины, заткните уши. Я буду спрашивать у Либермана, почему краска не завезена?»

Автобазу удалось построить в установленные сроки. Я получил документ под названием «Лицевой счет участника восстановления Севастополя».

Практику в Калининграде я проходил, работая мастером на восстановлении одного из цехов крупного немецкого завода.

Рядом с заводом восстанавливались и жилые дома, в которых раньше жили немцы — рабочие этого завода. Я впервые увидел маленькие одно — и двухэтажные квартирки с высотой до потолка 2,4 метра, с крохотной кухонькой и душевой. Первое впечатление было такое: вот капиталисты, хоть и гады, а для рабочих делают квартиры отдельные, с санузлами, а не так как у нас — барак с уборной на улице. Второе впечатление — все нормы нарушают, высота маленькая, ванной нет, кухня — не развернуться — издеваются над людьми. Когда при Хрущеве

началось массовое жилищное строительство, я вспомнил эти немецкие дома, «хрущевки» были их точной копией.

Качининград выглядел тогда очень своеобразно. Все дома, которые не подлежали восстановлению, были разрушены до основания и представляли собой груду кирпича, т. е. нигде не было видно отдельно стоящих стен, готовых обрушиться на прохожих. Все улицы, в том числе и тротуары, были очищены от завалов, поэтому улицы выглядели как ущелья, стенами которых были груды кирпича от разрушенных домов. Были районы, которых не коснулось разрушение, были парки, которые хорошо сохранились. Улицы были в отличном состоянии, добротная брусчатка, добротный асфальт.

По улицам ходили трамваи, город большой, маршруты длинные. Трамвай идет, идет по безмолвной и безлюдной пустыне, потом вдруг, как оазис в пустыне, дома, люди, магазины, затем опять пустыня.

Центр города и вокзал к этому времени уже были приведены в относительный порядок, по крайней мере, людей там всегда было много.

В Калининграде много строительных батальонов занимались только одним делом — заготовкой кирпича от разборки разрушенных домов. Этот старый немецкий кирпич железнодорожными составами направлялся для восстановительных работ в Ленинград, Новгород, Псков и другие города.

В центре города находился Королевский дворец, главная башня, кровля и стены которого были сплошь в пробоинах от артиллерийских снарядов и авиационных бомб. Все внутри выгорело. Весь искореженный войной дворец не утратил своего величия. Подходить близко не хотелось, вдруг рухнет, уж очень все выглядело опасно.

В городе была эпидемия кладоискательства. Много говорили о находках в разрушенных зданиях и под завалами.

В Калининграде, в том числе и под Королевским дворцом, было много подземелий, которые манили к себе искателей сокровищ и приключений.

Большинство подземелий были заполнены водой, попытки откачивать ее обычно давали нулевой результат.

Могила Канта у разрушенного кафедрального собора содержалась прилично.

Нашей практикой в Калининграде руководил полковник Савицкий Г. С., преподаватель кафедры баз флота. Курсанты проходили практику на многочисленных объектах, разбросанных друг от друга на десятки километров, но руководитель не

оставлял нас без надзора, внимания, совета. Его заботами нас прилично разместили, поставили на довольствие, а самое главное — платили деньги за работу в должности мастеров. В конце практики Савицкий приехал к нам подвести с руководством строительства итоги практики и вручить нам отпускные документы. Нас, практикантов, было четверо, в том числе я. Все три мои товарища были старше меня, все три — фронтовики. Мы собирались отметить окончание практики товарищеским обедом, для чего в комнате нашего общежития были сделаны все необходимые приготовления.

После подведения итогов практики мы пригласили нашего руководителя в общежитие, там он увидел накрытый стол с бутылкой, а мы попросили отобедать с нами. Вот тут полковник дат нам великолепный урок, как должен вести себя офицер-воспитатель. Он сказал спасибо и сел с нами за стол. Мы чувствовали себя крайне неловко и были как на иголках. Полковник чувствовал себя спокойно, втянул нас в разговор, мы освоились, и получился интересный неторопливый разговор о жизни, о службе, о нашей учебе. Водки была одна бутылка, т. е. наркомовская норма 100 грамм на человека, поэтому обед пьянкой при всем желании нельзя было назвать. Провожая преподавателя, мы попытались промямлить, что никому не скажем про состоявшийся обед, но он сразу прервал эту тему и сказал, что в этом не сомневается и наши заверения излишни. Дальше он сам развил эту тему: «Вы пятикурсники, как говорят, без пяти минут офицеры. Трое из вас были на фронте, где и солдатам и офицерам наркомовские 100 грамм наливали из одной фляги. Вы отлично работали на практике, а своим поведением заслужили уважение ваших начальников и старших товарищей. По сути, вы уже офицеры, осталось только ждать производства. Я и обедал с вами, и сто грамм выпил как офицер с офицерами».

В 1951 году в моей жизни произошли три важных события. Во-первых, я женился. Жена моя, Валентина Николаевна, ленинградка, тогда студентка-медик, потом врач-терапевт. Вот уже больше пятидесяти лет мы всегда вместе. Во-вторых, я стал сталинским стипендиатом, а это тысяча рублей без всяких вычетов. Когда я стал лейтенантом и то на руки меньше получал. В-третьих, закончил пятый курс и стал проходить преддипломную практику в Военморпроекте-26 в городе Ленинграде.

Тема диплома мной была выбрана по гидротехнике, поэтому и практику я проходил в должности инженера-проектировщика в гидротехнической группе.

За время обучения в училище я выполнил великое множество

курсовых работ, которые в большинстве своем были связаны с черчением и конструированием.

Сам процесс работы на чертежной доске всегда меня полностью захватывал и доставлял удовольствие. Я не знаю, что чувствует поэт или композитор, создавая свои произведения, но думаю, что эти чувства одного плана с чувством инженера за чертежной доской, а именно чувство творчества.

Я не мог делать чертежи халтурно. Шрифт, компоновка чертежа, сама суть инженерного решения — все это захватывало меня, поэтому курсовые работы были для меня не в тягость, а в радость.

У многих моих сокурсников работа на чертежной доске вызывала тоску и раздражение. Это не помешало им стать толковыми инженерами и сделать хорошую карьеру.

В проектной организации меня приняли как нормальную рабочую силу, тут же загрузили плановой работой, тут же пошел строгий спрос за качество и сроки. Оказалось, что чертежи курсовой работы и рабочие чертежи проектной организации это далеко не одно и то же. Научился и стал давать план. Работа за доской в проектной организации хорошо подготовила меня к написанию диплома.

Время работы над дипломным проектом — одно из самых светлых и приятных воспоминаний моей жизни. Во-первых, нам присвоили старшинские звания и выдали фуражки с офицерскими кокардами, во-вторых, всех посадили в громадный светлый зал с хорошими чертежными принадлежностями и другими удобствами для работы. Распорядок дня был довольно свободным, регламентировался только подъем, отбой, завтрак, обед, ужин. Самое главное — вот он, последний рывок, после чего нас ждет интересная, увлекательная, совершенно другая жизнь, мы будем офицерами, перестанем ходить в строю и забудем, что такое увольнения. Мы все время будем жить только в увольнении.

Отношение к работе над дипломом у курсантов было разное. Здоровое большинство из нас считало, что незачем корячиться и изобретать велосипед, надо быстрее кончать с этой бодягой и начинать лейтенантскую жизнь. Вот там и надо будет «кишку рвать», если хочешь сделать карьеру.

Меньшинство, а вернее, единицы, среди которых был и я, решили «рвать кишку» на дипломной работе.

Тема моей дипломной работы была не столько строительной, сколько судостроительной. Я занимался плавучим судоподъемником для подводных лодок. Мой руководитель дипломного проекта, Н. А. Смородинский, был, как говорят, инженер от бога. Он увлек меня темой, увлек работой, научил

собирать информацию и работать с ней. Он внушил мне, что не боги горшки обжигают, работай, не бойся.

Если говорить высоким стилем, то над дипломом я работал вдохновенно. Закончил в срок. Защитил. Получил «отлично».

Дальше — все как положено. Приказ о производстве в офицеры и присвоении лейтенантских званий. Торжественное построение, вручение офицерских кортиков и погон. Построение уже в офицерских мундирах, где нам зачитали приказ — кого, куда и кем назначили. Меня назначили производителем работ строительного управления Кронштадтской военно-морской крепости.

Дальше прощальный выпускной банкет в прекрасном здании Дома офицеров, который и до революции был Офицерским собранием. На банкете — командование училища и наши преподаватели. Мы чокаемся рюмками с генералами, академиками, профессорами, полковниками. Перед нами лейтенантская дорога, а куда она нас приведет, не было дано знать никому.

Кронштадтская военно-морская крепость

Основанный Петром Кронштадт был первой военно-морской базой России и положил начало созданию системы базирования Военно-морского флота нашей страны.

Кронштадтская военно-морская крепость (КВМК) в 1952 году была оперативным объединением, подчиненным непосредственно главному командованию Военно-морского флота.

Западная граница крепостной зоны проходила через Копорскую губу Финского залива, а восточная — через Лисий Нос и Малую Ижору.

Командовал КВМК комендант крепости вице-адмирал Байков И. И.

Город Кронштадт входил в состав крепости и был закрытым городом. По положению о закрытых городах, там городская власть не избиралась, а назначалась. В Кронштадте это было Управление гражданской администрации (УГА) во главе с генерал-лейтенантом Ллоёк. В состав УГА входили милиция, ЗАГС, отдел народного образования, отдел здравоохранения и все службы, которые были во всех других открытых городах.

В крепости существовал жесткий пропускной режим, паспорт с кронштадтской пропиской служил постоянным пропуском для жителей города.

В те годы слово «крепость» наиболее полно отвечало значению и задачам КВМК. Это была настоящая морская крепость, защищавшая Ленинград с моря. Во всем мире мало было морских крепостей, которые могли сравниться своей мощью и боевой устойчивостью с КВМК. Немецкие войска и немецкий флот не смогли с моря подойти к Ленинграду. В зоне досягаемости артиллерийского огня береговых батарей и кораблей немцы не смогли выйти к морю, там всю войну была советская территория — «Ораниенбаумский пятачок», с которого и был нанесен решающий удар по снятию блокады Ленинграда.

Основой крепости была береговая оборона, состоявшая из системы фортов и позиций морской железнодорожной артиллерии.

Во всей мировой истории строительства крепостей первой задачей было определить, кто будет враг, как он будет действовать и какое у него будет оружие, а второй — какие средства обороны противопоставить врагу.

Применительно к морским крепостям, когда с моря враг

использовал корабли с артиллерией, задача формулировалась так: крепость должна быть способна уничтожить любой вражеский корабль и выдержать удар артиллерии любого корабля противника.

Береговая оборона Кронштадтской крепости была построена по следующей схеме: южный берег — форты Красная Горка и Серая Лошадь, а также морская железнодорожная артиллерия, морская часть — островные форты, северный берег — форт Ино, построенный перед Первой мировой войной, взорванный Советами при передаче территории Финляндии в 1918 году, и заново построенный в 1952–1954 годах.

Форт Красная Горка состоял из нескольких батарей различного калибра, главным из которых были двенадцатидюймовые. Батареи состояли из нескольких сооружений различного назначения, в том числе из огневых блоков, в которых размещались артиллерийские орудия. Огневой блок представлял сложное инженерное сооружение, с броневой башней в верхней части, внутри которой находилась тыльная часть орудия и команда. Башня была сделана из стали повышенной прочности, способной выдержать прямое попадание вражеского снаряда. Из башни торчал только ствол орудия, башня имела возможность кругового вращения. Под башней глубоко в фунте были расположены погреба с боезапасом и другие помещения, обеспечивающие функционирование батареи. Все это под защитой многометровой толщины железобетона высшей степени прочности, способного выдержать прямое попадание двенадцатидюймового снаряда противника.

Принцип определения критериев защиты сооружений береговых батарей был таков: какого калибра установлены на батареи орудия — прямое попадание такого же калибра вражеского снаряда должны выдержать и сооружения береговой батареи.

В составе форта Красная Горка, кроме батарей различного калибра, предназначенных для борьбы с кораблями всех классов, было множество других защитных сооружений, в том числе командный пункт и силовая станция.

Форт Красная Горка имел прекрасно оборудованную в инженерном отношении сухопутную круговую оборону.

По всему периметру форта тянулись окопы, стены которых от осыпания предохраняли бетонные оторочки. На бруствере окопов были установлены металлические козырьки с бойницами для винтовок обороняющихся.

По всей линии сухопутной обороны стояли железобетонные укрытия для артиллерийских орудий оригинальной конструкции.

Во время вражеской артиллерийской подготовки орудия находились в укрытиях, а когда вражеская пехота переходила в атаку, орудия вручную выкатывались по пандусу на крыши этих укрытий и прямой наводкой шрапнелью били по наступающей пехоте.

На форту Серая Лошадь на огневых блоках главной батареи были установлены артиллерийские системы с линейного корабля «Андрей Первозванный», который по целому ряду причин после Гражданской войны был выведен из состава действующего флота. Это была уникальная батарея. Артиллерийская часть линейного корабля с его башнями, погребами и системой подачи и др. была вырезана, доставлена на берег, заново смонтирована и замурована в многометровую толщу железобетона. Получился линкор на берегу.

У морской железнодорожной артиллерии был другой принцип защиты — маневренность. Выстрелил, враг засек место выстрела, приготовился туда стрелять, а паровоз уже перевез артиллерийский транспортер в другое место.

На южном берегу базировалась морская железнодорожная артиллерийская бригада. Инженерное оборудование местности заключалось в создании сети железнодорожных путей с устройством позиций для стрельбы, обязательным элементом которых были бетонные опоры для аутригеров артиллерийских транспортеров.

Транспортер — это железнодорожная платформа, на которой размещено артиллерийское орудие.

Чтобы орудие при выстреле не опрокинуло платформу, последняя аутригерами опирается на бетонные опоры, заделанные в грунт вдоль железнодорожных путей.

Островные форты в количестве 20 штук цепочкой протянулись по заливу от южного берега через Кронштадт до северного берега. На них в бетонных казематах были размещены артиллерийские батареи разного калибра, способные своим огнем поразить морские цели на всей ширине залива.

Кронштадтские форты — это морская фортификационная легенда России, ее прошлая гордость и ее прошлая слава.

Сооружения всех фортов и позиций железнодорожной артиллерии были построены не только прочно, но и красиво. Чугунное литье, элементы из натурального камня, стальные детали, бетонные конструкции — все носило печать высокого мастерства и таланта исполнителей.

Все это сейчас заброшено, разграблено, уничтожено.

Учебный отряд КВМК был в то время крупнейшим учебным отрядом всего Военно-морского флота. Он состоял из целого ряда

школ (связи, боцманов, артиллеристов, минеров и др.), которые из матросов срочной службы готовили специалистов для кораблей всех флотов.

Кронштадтский морской завод был самым крупным и совершенным судоремонтным заводом ВМФ. На заводе кроме вольнонаемных рабочих работала судоремонтная бригада, укомплектованная матросами срочной службы, имеющими специальную подготовку.

Кронштадт с самого его зарождения — главная кладовая Российского флота. КВМК продолжала эти традиции, и в арсеналах и на складах крепости в пятидесятых годах хранились громадные запасы боеприпасов, оружия, технического имущества и др.

Корабельный состав включал соединения подводных лодок, учебных кораблей, торпедных катеров, охраны водного района и др.

Крепость имела свое строительное управление, в состав которого входила десятибатальонная строительная бригада.

Кронштадтская крепость пятидесятых годов — это десятки тысяч матросов и офицеров, несущих службу в бетонных казематах фортов, на кораблях, арсеналах, заводах, это — кузница кадров для всего советского флота.

Кронштадт того времени был интересным городом. Рабочий день на всех предприятиях и во всех учреждениях начинался в восемь утра. Перед началом работы все улицы маленького города были полны людей. По мостовой маршировали судоремонтные батальоны матросов на морской завод, военно-строительные батальоны на стройки, подразделения матросов на арсеналы, склады и др.

По тротуарам сплошным потоком шли рабочие и служащие на свои рабочие места. В восемь ноль-ноль город пустел, по улицам ходили только военные патрули, отлавливали одиночек, рискнувших показаться в городе в рабочее время. Жизнь на улицах возобновлялась только после окончания рабочего дня.

В выходной день город был заполнен толпами матросов, уволенных с кораблей, фортов и частей. Комендатуре города удавалось поддерживать надлежащий порядок, бесчинств на улицах не было. В городе не было квартирных краж, а уж об ограблении никто никогда не слышал. Город был чистый, скверы и парки ухожены, продовольственное снабжение нормальное.

После выпуска я, числясь в составе крепости, был прикомандирован на три месяца к Военморпроекту-26. В проектной организации я работал в интересах крепости, а именно разработал проект специального причала для подводных лодок в

бухте Батарейная на южном берегу.

В свое время это было одно из самых засекреченных строительств на флоте, сейчас все грифы секретности давно сняты, территория вокруг бухты и акватория бухты переданы от Военно-морского флота в народное хозяйство. Секрет состоял в том, что на этом месте создавался склад нового вида топлива для подводных лодок и причал, у которого лодки должны были заправляться. Главным недостатком подводных лодок с момента их создания было то, что в подводном положении лодка могла функционировать только на аккумуляторах, срок действия которых был ограничен.

Для подзарядки аккумуляторов с помощью дизелей лодка должна была всплывать на поверхность, где ее и ждали многочисленные беды. В конце сороковых годов был создан двигатель, который мог работать как в надводном, так и в подводном положении. Топливом для этого двигателя были перекись водорода и кислород. В двигателе они соединялись, выделяя нужное количество энергии для движения лодки и образуя только воду, которая и сбрасывалась в море.

По этому принципу была построена опытовая подводная лодка, а для нее склад специального топлива и причал. Бухта Батарейная стала первой базой для новейших и совершенно секретных подводных лодок. Но опытовая подводная лодка оказалась крайне опасной в эксплуатации из-за высокой взрыво — и пожароопасности, моряки окрестили ее «зажигалкой».

После строительства и успешной эксплуатации первой атомной лодки тема кислородно-водородных лодок была закрыта.

Я был назначен производителем работ нового УНР (Управления начальника работ) на Северном берегу.

Этому строительству предстояло построить две стопятидесятимиллиметровые батареи в районе бывшего форта Ино.

С завершением строительства этих батарей планировалось полностью восстановить систему артиллерийской защиты Ленинграда с морского направления.

Когда я прибыл в У НР, то там были только начальник и главный инженер УНР, которые работали и жили в каком-то дощатом сарае около железнодорожной станции Ино (ныне Приветнинское), полный комплект рабочих чертежей и два строительных батальона полного состава, размещенных в палатках по одному на каждую батарею.

Строительный батальон того времени — это четыре роты по 120 человек в каждой и хозяйственный взвод. Всего пятьсот человек, в том числе 37 офицеров.

Я был назначен производителем работ на первый участок, где еще не было ни одного инженерно-технического работника, в том числе и начальника участка. Так получилось, что меня вскоре самого назначили начальником участка.

Строительный батальон моего участка расположился на красивой лесной поляне. Батальон только что сформирован, все новенькое, солдаты молодые. Палаточный городок — как на картинке.

События разворачивались быстро. Мой участок в считанные дни укомплектовали специалистами и необходимым персоналом.

Через пару месяцев после начала работ на участок для пополнения была направлена еще одна строительная воинская часть численностью порядка 300 человек. Таким образом, на участке стали работать две воинские части общей численностью восемьсот человек.

В то же время на участок прибыла еще одна самостоятельная воинская часть — батарея береговой обороны численностью 120 человек, которой предстояло принять у меня законченное строительство. Личному составу батареи была поставлена задача охранять строительство, а также изучать устройство и материальную часть сооружений батареи.

Со всеми командирами воинских частей у меня сложились ровные деловые отношения.

Работы были развернуты сразу на всех площадках.

Машин и механизмов было до чрезвычайности мало, поэтому все ручной труд, сотни солдат с лопатами на земляных и погрузочных работах.

Готовых изделий не поступало, все делалось на участке, в том числе детали опалубки и арматурных каркасов.

Квалификация солдат была если не нулевая, то очень низкая.

По ходу работы происходило и обучение. Материальная заинтересованность солдат в работе — нулевая. Все было на призывах, что это для обороны страны, и на принуждении. Пошли дожди, наступали холода. Солдаты прятались под навесами, жгли костры, в костры бросали все, в том числе деловую древесину.

Из общей численности 800 человек на стройку выходило не более 650–700, остальные были заняты на внутренних делах в своих воинских частях.

Суммарная производительность труда была низкая. В современных условиях (машины, механизмы, квалификация, оплата труда) для выполнения тех же объемов работ и в те же сроки требовалось бы не 800 человек, а не более 200–300.

Параллельно шли две жизни. Одна официальная — социалистические обязательства, социалистические

соревнования, лозунги, стенгазеты, комсомольские собрания, призывы. Это все было в батальоне. Я этим не занимался. Все это до невозможности формально и малорезультативно. Вторая — бригадиры на стройке «выбивали» процент, чтобы было больше ста и чтобы хоть малую толику денег получить на руки. Вот здесь путем естественного отбора выделились лидеры, которые сколотили хорошие бригады и толково работали. Их не нужно было призывать, их не надо было подгонять. Им надо было дать четкое задание, сказать, сколько стоит работа и обеспечить материалами. Естественно, что они выхватывали хорошие куски работы, естественно, что к ним мое отношение было особое.

Получилось так, что те, кто был опорой на стройке, в батальоне слыли плохими солдатами: они увиливали от внутренних работ, политзанятий, нарушали дисциплину.

Среди персонала участка только двое были военные: я и один из производителей работ. Остальные — прорабы, мастера, механик, нормировщик, кладовщик и др. — были гражданскими.

Я понятия не имел ни о каком КЗоТе (Кодекс законов о труде), о нормах продолжительности рабочего дня и других правах работников. Я глубоко был убежден в том, что продолжительность рабочего дня определяется производственной необходимостью, что работа в воскресенье является нормальным явлением. Ведь так работали на стройках пятилетки, так работали в войну.

Сам я работал вдохновенно. Это слово «вдохновенно» наиболее точно отражает мое состояние. Все трудности, невзгоды, примитивные условия жизни и просто бардак не оказывали на меня негативного влияния. Сам процесс труда, принятие организационных и инженерных решений, руководство большим коллективом были главным содержанием моей жизни.

Я чувствовал глубокое удовлетворение тем, что мне, молодому инженеру, всего лишь лейтенанту по воинскому званию, доверили такой большой и важный участок работы. Я полагал, что весь коллектив участка мыслит и чувствует так же, как и его начальник. Первые недели все гражданские сотрудники работали в том же режиме, что и я.

Потом, как гром среди ясного неба, сперва от первого, а потом по очереди и от остальных я услышал, что они не собираются работать по десять-одиннадцать часов в сутки, что за работу в воскресенье надо платить особо, что, вообще, за такую зарплату, какую они получают, только дураки будут так работать.

Я был ошарашен. Как же так, ведь это ж советские люди. Надо батарею быстрее построить, чтобы надежно Ленинград прикрыть, а они тут шкурничеством занимаются.

Ошарашен-то я был ошарашен, но стал думать, анализировать, посмотрел со стороны на себя, посмотрел по-другому на жизнь, на условия и прозрел. Опять я хочу сказать, что это слово «прозрел» наиболее точно отражает произошедшую со мной перемену. Революция, первые пятилетки, война — это одно, а сейчас уже все другое. Надо и думать, и жить, и работать по-другому. Всю жизнь, как на войне, не проработать. Я признал правоту и справедливость претензий своих сотрудников. Мы совместно нашли приемлемые варианты, мои подчиненные были порядочные и трудолюбивые люди, поэтому в дальнейшем у нас никаких конфликтов не было.

Начальник УНР К. И. Ануфриев и главный инженер П. В. Болдаков, конечно, хотели бы иметь более опытного начальника участка, чем я, но относились ко мне так, как будто они получили того, кого хотели.

Никогда от них я не слышал упреков и нотаций. Они мне доверяли или делали вид, что доверяют, а я из кожи лез, чтобы оправдать их доверие.

Однажды в конце дня я был в управлении строительства и перед отъездом на участок зашел к начальнику УНР откланяться. Начальник спросил у меня, какие аккумуляторы, щелочные или кислотные, предусмотрены по проекту в качестве источников резервного питания. У меня еще только землю под фундаменты копали, а начальник уже о каких-то аккумуляторах спрашивает. Я подумал, что у начальника какой-нибудь заскок, и ответил, что это не мое дело разбираться в аккумуляторах, я — строитель, мое дело арматура, бетон и вообще, до этого так далеко, а там монтажники придут и поставят что надо.

Начальник спокойно выслушал мой ответ и приказал принести комплект рабочих чертежей по батарее. Дальше он сказал, что уходит, оставляет меня со всеми чертежами в своем кабинете, ужин и завтрак мне принесут из солдатской столовой, утром машина отвезет меня к началу рабочего дня на участок.

Мне поручается за ночь просмотреть проект и утром ответить начальнику, какие все-таки аккумуляторы будут на батарее.

Строительную часть проекта я знал хорошо, так как без этого нельзя было работать. В эту ночь я изучил смежные разделы проекта: электротехническую, связь, возду-хоснабжение, вентиляцию и др.

К утру я закончил изучение и, как только начальник зашел в свой кабинет, выпалил: «Кислотные аккумуляторы».

Начальник сказал: «Правильно», а дальше спокойно разъяснил мне, что я не только инженер-строитель, а еще и генеральный подрядчик, который производит все виды работ,

привлекая для этого специализированные монтажные организации. Мне надо знать все разделы проекта так же хорошо, как и строительный.

Начальник УНР дал мне урок, который я запомнил на всю жизнь. Во-первых, как, не обижая самолюбия, вежливо, но предельно жестко заставить делать подчиненного то, чего он не особенно хочет делать. Во-вторых, как правильно должен работать генподрядчик, т. е. знать все разделы проекта и отвечать за их реализацию.

В один из субботних дней после работы мне разрешили отпуск в Ленинград навестить мою жену. В Ленинград же ехал на легковой машине и начальник УНР, который пригласил меня с собой. По дороге машина останавливалась несколько раз около винных киосков, которые тогда располагались в удивительно красивых и спокойных местах. Начальник выходил, приглашал меня и заказывал по рюмке коньяка. Мои попытки заплатить хотя бы за себя были в корне пресечены.

Еще один жизненный урок — не пей за счет подчиненного и не пей коньяк стаканами.

Самым ответственным этапом работ было бетонирование блоков. В каждый блок необходимо было уложить порядка двух тысяч кубических метров бетона, а всего около десяти. Укладка бетона в один блок должна производиться непрерывно, чтобы не была нарушена монолитность блока и его сопротивляемость прямым попаданиям вражеских снарядов или бомб. По техническим условиям перерыв в бетонировании не должен превышать двух часов. После двух часов — это уже вредительство и военный трибунал. У нас в УНР был построен специальный завод, откуда свежеприготовленный бетон самосвалами доставлялся на блок. Автомобили шли один за одним, пока один разгружался, второй уже разворачивался для разгрузки. На блоке работали всякого рода подъемники для подачи бетона, масса вибраторов, все было залито электрическим светом, так как работали круглосуточно. У меня на участке была своя электростанция, на которой для резерва был установлен дополнительный дизель-генератор. Механик на участке был толковый, с опытом. Все приготовил, все прогнал, все проверил.

В Военно-морском флоте начало бетонных работ на новой крупнокалиберной береговой батарее было большим событием, поэтому на мой участок приехало высокое руководство. В числе приехавших были генерал-лейтенант Моргунов — командующий береговой обороной ВМФ, вице-адмирал Байков — комендант КВМК, генерал-майор Лабайдин — начальник Главвоенморстроя. Всего было человек десять адмиралов и генералов. Обошли.

Посмотрели. Везде порядок, все на месте, все расписано, куда ни пойдут — тут же доклад, что готовы. Разрешили начинать. Пошел бетон. Дело идет четко. Через час собрались уезжать, вдруг заглох работающий дизель, запустили резервный — он тоже заглох после непродолжительной работы.

Все руководство набилось в дизельную и смотрит на механика, который колдует с дизелями. Проходит час — дизели стоят. Генералы и адмиралы начинают рассказывать мне и механику, кто мы такие и что нас ждет. Механик встает с коленок, поворачивается к руководству и говорит спокойным голосом: «Товарищи адмиралы и генералы! Не пошли бы вы все на.., а я за это время дизель починю». Руководство остолбенело, а комендант крепости сказал: «Товарищи, а ведь механик дело говорит. Давайте выйдем отсюда». Все молча вышли и молча ждали еще минут десять.

Дизель заработал, руководство уехало, мне оставили двух обеспечивающих главного инженера строительного управления и сотрудника госбезопасности.

В дальнейшем до самого окончания строительства ни разу не было, чтобы оба дизеля одновременно выходили из строя. Тут сработал хорошо известный в армии и на флоте «генеральский эффект».

Большой бетон у меня шел целый месяц, всего бетонировал шесть блоков, каждый блок 2–3 суток, потом перерыв до двух суток, потом новый блок.

На бетонирование каждого блока у меня был обеспечивающим либо главный инженер строительного управления, либо главный инженер УНР, либо начальник УНР.

Все обеспечивающие инженерные начальники ни разу не вмешались в мою деятельность, ни разу не давали каких-либо команд. Они не дергали меня, они отлично понимали, что такое «большой бетон» и какое нервное напряжение у начальника бетонных работ.

В случае, если бы обеспечивающий увидел, что начальник участка не справляется с руководством, то немедленно начальник участка был бы отстранен, а обеспечивающий взял бы на себя руководство работами.

Еще один урок для меня — не мешай подчиненным работать, не лезь под руку, а если нужно, в критический момент бери руководство на себя.

Когда большой бетон закончился, то сотрудник госбезопасности собрался уезжать. Я ему сказал, что мы с ним целый месяц круглосуточно были вместе, а даже двух слов друг другу не сказали. Его ответ: «Радоваться этому надо, а не

сожалеть».

После бетонных работ начались монтажные. Привезли орудийные системы. Бронебашня весит 18 тонн, ее надо поднять на высоту 4 метра, кранов такой грузоподъемности нет. Есть одна ручная лебедка грузоподъемностью 5 тонн. Сделали наклонную эстакаду из бревен, смазали пушечным салом дорожку эстакады, к лебедке — полиспаст, на лебедку — солдат, к башне — солдат с ломиками. «Эх, ухнем — сама пошла». Затащили. Поставили на место, смонтировали.

Все это время, пока шел бетон и монтаж, я жил в лесу. Круг общения — только по работе, изредка с домашними. Радиоприемника нет, радиотрансляции нет, газеты раз в неделю. Так уставал, что и этих старых газет не читал. В кино не ходил, про телевизор только слышал, что где-то у кого-то есть. Почти год весь мир сузился у меня до размеров береговой батареи.

О смерти Сталина я узнал по звонку служебного телефона. Затырканный монтажом и повседневными хлопотами, я в тот момент не осознал исторической значимости этого события. Собрали солдат, замполит объявил, были казенные дежурные слова о вечной преданности делу Сталина и клятвы, что никогда не свернем, а будем идти только туда, куда нас вел товарищ Сталин. Разошлись, приступили к работе. Солдаты говорили о текущих делах и своих заботах. Тему, а что же дальше будет, не обсуждали. Я тоже над этим не задумывался, мне казалось, что как было, так и будет. В офицерской среде говорили так же осторожно, как и при жизни вождя.

Что делалось в стране, о чем писал и говорил весь мир, на нашей стопятидесятидвухмиллиметровой бронебашенной батарее не было известно.

Потом появились газеты об изменениях в руководстве, об изменении структур министерств, о громадном потоке соболезнований, о процедуре прощания.

Во главе партии стал Хрущев, во главе правительства — Маленков. Кто такой Хрущев, я толком не знал, Маленков чаще мелькал в газетах, поэтому фамилия была знакомая.

Мой прораб Белов, фронтовик, сапер, наводивший понтоны на многих реках войны, принес пол-литра. Помянули Сталина. Белов всплакнул. Совершенно искренне сказал, что страна потеряла великого полководца, что на фронте «В бой за Родину! В бой за Сталина!» был не только лозунг, но и порыв души.

Батарею построили в установленный срок. На первой же стрельбе были показаны отличные результаты. Морской буксир на тросе тащил специальный щит, по которому вела огонь батарея. Было двенадцать выстрелов и одиннадцать попаданий.

Сейчас все брошено, разграблено и растащено.

После окончания строительства батареи я получил назначение начальником технического отделения Строительного управления крепости. Работал в аппарате управления я недолго, меня снова перевели начальником строительного участка. Но эта короткая по времени работа в управлении дата мне исключительно полезный опыт аппаратной работы.

Мои объекты располагались в городе, все мои производители работ, мастера, механик были старше меня и с большим производственным опытом. На участке было много вольнонаемных рабочих высокой квалификации, в том числе отделочников. Я впервые ощутил прелесть работы с подчиненными, которые опытнее, а во многих вопросах и грамотнее меня.

Так получилось, что моему участку поручали и ремонтные работы в квартирах руководящего состава крепости и строительного управления, так что мне пришлось побывать в квартирах людей, должности которых мне тогда казались высочайшими.

Главное мое чувство — это удивление. Люди, которые командовали тысячами подчиненных и вершили крупные дела, жили предельно скромно. Квартиры двух-, максимум трехкомнатные. Мебель почти вся казенная с бирками. Ремонт простейший — побелить потолок, наклеить обои, покрасить окна, двери.

На моем участке строилась городская детская соматическая больница. Проектировал эту больницу один из ленинградских проектных институтов.

Здание двухэтажное, на высоком цоколе, по торцам две симпатичные круглые башенки выше основной кровли. Мы закончили каменные работы и приступили к штукатурке фасада. Когда делали круглые башенки, то выполнили довольно сложные работы. Народ ходил мимо, и люди всегда говорили, что красиво получается. Мы тоже радовались, что хоть что-то сделаем, кроме казарм и складов боеприпаса.

В это время Хрущев начал борьбу с наследством Сталина в строительстве и архитектуре. Было объявлено, что высотные дома в Москве — это очень плохо, что надо экономить народные деньги и устранять все излишества в архитектуре. Народу жить негде, а тут деньги тратятся на разные финтифлюшки. Пошла директива — все лишнее убрать, излишеств ни-ни-ни. Стали искать излишества и в нашем УНР.

А у нас, как на грех, казармы, склады, масса инженерных сетей и жилые дома самого простейшего вида. Начальник УНР

докладывает, что ничего не нашли. Его куда-то вызвали, что-то сказали. Он вызывает меня и говорит: «Убирай башенки на больнице». Разломали башенки, здание стало кургузым, зато послали отчет, что достигнута экономия в строительстве за счет того, что не стали строить башенки.

В это время стали происходить странные вещи. Председателем правительства стал Маленков. Он заявил, что надо теперь заниматься не только тяжелой промышленностью, но и легкой. Под это дело в Иванове и других центрах текстильной промышленности из сельских мест набрали массу женщин. Оказалось, что Маленков не прав. Приоритет все равно за тяжелой промышленностью. Маленкова сняли, а к нам в строительное управление Кронштадта вместо солдат направили 300 человек женщин маленковского призыва в легкую промышленность.

Бедные женщины. Сколько пришлось им перенести. Расселили их в бывших казармах и направили на стройку учениками. Когда солдат учат строить, его казна кормит, поит и одевает. А гражданским ученикам на стройке платили 200 рублей в месяц. Обед в рабочей столовой тогда стоил пять рублей.

Человек пятьдесят этих женщин направили и на мой участок для обучения.

А в это время — подписка на заем. Девчата, конечно, не подписываются ни на копейку. Меня вызывают, твои люди, ты за них отвечаешь, иди агитируй и обеспечь подписку. Никуда я не пошел, никого не агитировал. Просто доложил, что результат агитации нулевой.

В Кронштадте в это время трудились опытнейшие строительные начальники, у которых мы учились как инженерному делу, так и искусству выживания.

В нашем УНР главным инженером был И. С. Горелик. Как-то он вызвал меня и говорит, что был у коменданта крепости, где на совещании шла речь об одном объекте моего участка. Дела на объекте шли неважно, и комендант крепости обругал Горелика, применяя при этом весьма крепкие выражения. Горелик все это мне рассказал со смехом, особенно цитируя выражения и угрозы, что такого главного инженера такой-то метлой надо гнать с должности.

Я расстроился, что подвел своего главного инженера, и обеспокоенно спросил, неужели речь идет о снятии с должности. Горелик сказал: «Витя, запомни: если начальник кричит на тебя и матерится, значит, он тебя любит, он тебе доверяет. Так что мне беспокоиться не о чем. Страшно, когда начальник говорит: «Проходите, товарищ Горелик. Садитесь, пожалуйста. Объясните

пожалуйста, почему и т. д.».

Много раз я потом убеждался в правильности этого тезиса Горелика.

К 1955 году в стране начались подвижки по многим направлениям. Одним из наиболее крупных событий стало освоение целины.

В структуре военно-строительных органов произошло чрезвычайно важное и полезное событие — строительные батальоны были преобразованы в военно-строительные отряды (ВСО). Солдаты в них стали военными рабочими. За свою работу на стройке отряд получал от строительной организации все заработанные деньги. Часть шла на содержание отряда, остальные начислялись на личные счета военных рабочих.

Из 37-ми офицеров батальона в военно-строительном отряде осталось семь. Их стали называть «Семеро смелых». Кинофильм с таким названием был популярен до войны.

Были опасения, что эти отряды станут неуправляемыми, что дисциплину там не удержать и т. п.

Сперва были беспорядки, но потом все утряслось.

Военные рабочие стали работать лучше солдат. Эффект реформы был явный.

В дальнейшем штаты ВСО корректировались, статус военных рабочих уточнялся, в конце концов они вновь стали солдатами, но главное осталось — солдат стал работать за деньги.

В нашем Военно-морском флоте также происходили крупные перемены. Происходила переориентация в главном: куда и как идти флоту.

Было принято решение о сокращении объемов капитального строительства в Кронштадте и о развертывании нового крупного строительства на Тихоокеанском флоте.

31 декабря 1955 года в 22 часа мне удалось собрать все подписи под актом сдачи в эксплуатацию жилого дома, что завершило выполнение годового плана УНР.

Встретил дома Новый год с женой и семимесячным сыном, пришел на работу на следующий день, где мне немедленно вручили предписание — прибыть 8 января 1956 года в отдел кадров Тихоокеанского флота для прохождения дальнейшей службы.

Тихоокеанский флот — Стрелок

К новому месту службы на Тихий океан я ехал поездом. Из Москвы до Владивостока продолжительность пути составляла тогда восемь с половиной суток.

В те времена такая дальняя поездка в купированном вагоне скорого поезда была приятным путешествием. В вагоне было два проводника, содержавшие свое заведение в чистоте и порядке. На узловых станциях состояние вагонов проверялось сотрудниками санитарного контроля.

Качество пищи в вагонах-ресторанах фирменных поездов было отменным.

Потом все изменилось, в вагонах стало грязно, а в поездных ресторанах как в забегаловках.

В середине пятидесятых годов на всех остановках поезда были привокзальные рынки с разнообразным и качественным набором всего съестного. Были и специализированные рынки. Например, ночью поезд проходил через какую-то станцию, где продавали только пуховые оренбургские платки, через какую-то другую, опять ночью, где были громадные связки чудесного репчатого лука. На станции Кунгур продавали игрушки и копилки, где-то рыбу, где-то баранину. Проводники заранее все объявляли, что позволяло принять наиболее оптимальное решение, где и как завтракать, обедать и ужинать.

Привокзальные рынки придавали дальней дороге на поезде неповторимую прелесть и своеобразие, которые безвозвратно утеряны.

В районе Байкала на скале был высечен барельеф с изображением Сталина, подсвечиваемый специальным прожектором. Работа великолепная и зрелище эффектное. Говорили, что это сделал какой-то заключенный, за что его вроде бы отпустили на свободу.

Во Владивосток поезд прибыл поздней ночью. Вышел на привокзальную площадь, пурга метет, за небольшим светлым кругом около здания вокзала — все остальное в кромешной тьме. Спросил, где военная гостиница. Махнули рукой — тут недалеко. Как-то добрался, мест нет. Спасибо, положили в коридоре.

Утром вышел на улицу, а там резкий ветер несет тучи угольной пыли. Практически весь город на печном отоплении или от местных котельных, а топливо — дальневосточный уголь, сгорание плохое, все мелкие несгоревшие остатки в трубу и на улицу.

Поискал глазами бухту Золотой Рог, о великолепии которой

много слышал и читал, толком ничего не увидел, только корабли, суда и портовые краны. Невольно вспомнил знаменитую фразу Остапа Бендера: «Нет, это не Рио-де-Жанейро» и пошел в отдел кадров.

В отделе кадров флота мне дали назначение начальником участка одного из УНР Военно-морского строительного управления «Дальвоенморстрой», располагавшегося в поселке Крым на расстоянии 99 км от Владивостока. Для меня это расстояние, именно в 99 км, не имело никакого значения, а вот для офицеров, которые служили во Владивостоке, а их переводили в Крым, — значило много. Дело в том, что при переводе офицера на новое место службы на расстояние больше 100 км денежное подъемное пособие выдавалось в полном размере. При этом, что для 101 км, что для 10 000 км, как было у меня, размер пособия не изменялся. Но за 99 км этот размер пособия уменьшался вдвое, что, естественно, вызывало недовольство офицеров.

Начальником Дальвоенморстроя был инженер-полковник Ю. Е. Васильев.

УНР, в который я прибыл для дальнейшего прохождения службы, командовал инженер-майор Клифус Н. А.

В состав Дальвоенморстроя входило до десятка УНР и других специальных организаций, с числом работающих около десяти тысяч человек.

Эта организация была создана специально для строительства новой базы Тихоокеанского флота. Параллельно на флоте существовало Строительное управление флота, которое вело строительные работы на всех других объектах флота.

Создание специально для строительства новой базы флота, отдельной мощной организации, свидетельствовало о чрезвычайной важности этого дела.

Новая база была впоследствии названа Военно-морская база «Стрелок» по названию пролива между островом и материком на подходе к базе.

ВМБ «Стрелок» — это начало нового периода в развитии системы базирования Тихоокеанского флота, который планомерно превращался в мощную ракетно-ядерную группировку советского Военно-морского флота.

Новая база начала строиться строго по науке, т. е. не кусочками, а по заранее разработанным зональной схеме и генеральным планам отдельных площадок. Зональная схема включала не только гавань для стоянки кораблей, специальные площадки, жилые и казарменные городки, судоремонтный завод, дороги автомобильные и железные, но также производственную

базу строителей.

Перед началом строительства строилась сперва промбаза, а потом на ее основе приступали к строительству основных объектов. Промбаза по тем временам была просто шикарная. Завод сборного железобетона, карьеры каменные и песчаные, база механизации, автобаза, автомобильные и железные дороги.

Военно-строительные отряды обустраивались в каменных зданиях, койки в один ярус, отличные бытовые комнаты.

На первых порах, естественно, были и сборно-щитовые казармы, в которых временно размещались конторы, общежития для офицеров, столовые и т. п.

Начальник нашего УНР Н. А. Клифус был призван в строительные органы флота из запаса. Его даже во время войны в армию не призывали, он был управляющим строительным трестом на Урале и обустраивал там заводы, эвакуированные с запада.

И таких примеров были десятки, когда уже немолодые люди и с большим стажем работы призывались специально в Дальвоенморстрой. Звания они имели маленькие, так как были из запаса, а должности занимали большие, потому что за спиной у них был практический опыт. Укомплектование Дальвоенморстроя происходило исключительно высокими темпами.

Военно-строительные батальоны располагались в зимних палатках. Офицеров и служащих, прибывающих из самых различных мест, размещали в казармах, где в одном помещении спали более ста офицеров чином от полковника до лейтенанта. Койки стояли впритык, так что на койку можно было попасть, перелезая через спинку койки. Все удобства на улице. Электрический свет был только до 12 часов ночи. На улице мороз и темнота. Если удобства потребовались после полуночи, то пользоваться ими было крайне неудобно.

Несколько каменных казарм досталось Дальвоенморстрою от Шкотовского сектора береговой обороны, который ко времени моего приезда был уже расформирован.

Шкотовский сектор береговой обороны был в свое время флотским соединением, обеспечивающим защиту морского побережья от высадки десантов. В его состав входили береговые артиллерийские батареи и пулеметные батальоны, огневые точки которых тянулись вдоль побережья, а также батальоны морской пехоты. Сектор находился в непосредственной близости от Владивостока.

На западных рубежах страны шла война с Германией, а здесь рядом Япония — союзник Германии. Напряжение всю войну было высоким, во всем секторе круглосуточное дежурство.

Мои товарищи, которые прибыли в Дальвоенморстрой, когда управление Шкотовским сектором завершало процесс расформирования, наблюдали такую сцену. На середину бухты удивительной красоты вышли два гребных яла с матросами береговой обороны на веслах. На первом яле комендант сектора, его начальник штаба и замполит. Все с женами. На борту яла самовар. На втором яле — духовой оркестр. Тишина. Вода — чистейшая. Видно дно. Видно рыбу. Берега — сказка. Уссурийская тайга. Кто не видел уссурийской тайги в ее первозданном виде, тому никакие описания не помогут, все равно не поймет, что это такое.

Оркестр играет вальсы, полковники с женами пьют чай.

И вот в эту тишину, в эту красоту, в это благолепие нахлынули тысячи людей, сотни автомашин, сотни тракторов, бульдозеров и экскаваторов. Загремели взрывы в карьерах, загрохотали землечерпалки.

Надо прямо сказать, об экологии тогда речи не было. Не было в проекте и раздела «Охрана окружающей среды».

Но в целом проект был сделан аккуратно, да и строители были не совсем варвары, поэтому природу, конечно, попортили, но в пределах терпимости.

Дальвоенморстроем было развернуто новое крупномасштабное строительство объектов, рассчитанных на защиту от средств массового поражения, т. е. от ядерных боеприпасов.

Ранее я писал, что береговые батареи строились из расчета сопротивляемости прямому попаданию артиллерийского снаряда. Здесь защитные сооружения строились из условия противостояния ударной волне ядерного взрыва.

Наш УНР занимался строительством собственной производственной базы Дал ьвоенморстроя, жилыхдомов и казарм для строителей. Проработав месяца четыре начальником участка, я был повышен в должности и назначен начальником технического отделения УНР. К моменту моего назначения УНР, как и все остальные, работал убыточно. Так как проектные организации не успевали разрабатывать рабочие чертежи в нужном объеме, то работали буквально с листа и без смет. Районные единичные расценки не учитывали реальные условия поставки песка, щебня, камня и доставки других строительных материалов. Производители работ и начальники участков не всегда четко и правильно оформляли акты на выполненные работы.

Разобравшись во всей этой ситуации, мне удалось навести порядок в документообороте получения денег за выполненные

работы, в результате чего УНР закончил год с приличной прибылью.

Начальник УНР даже мне сказал, что я перестарался, можно было бы прибыль и поменьше сделать.

Год кончился, прибыль девать было некуда. Если деньги не израсходовать, то они безвозвратно уйдут в бюджет. Покупать было особенно нечего. Купили бильярд — предмет зависти других УНР.

УНР работать лучше не стало, лучше стали вести документацию и только за счет этого пошла прибыль. Начальник УНР везде, где только можно, отмечал мои заслуги в деле «выбивания денег от заказчика», чем создал мне, как сейчас говорят, определенный имидж.

Военно-строительные отряды Дальвоенморстроя, где военные рабочие были материально заинтересованы в производительности труда, работали вполне прилично. В Севастополе, в Калининграде, в Кронштадте, где я раньше работал, солдат только принуждали и погоняли, и это было главной задачей многочисленных офицеров строительных батальонов. Теперь офицеров стало гораздо меньше, а толку на работе больше. В Дальвоенморстрое работал многочисленный контингент вольнонаемных рабочих высокой квалификации, так что в целом обстановка с рабочим классом на стройке была вполне удовлетворительной.

В начале стройки бытовые условия офицеров были, как говорится, «не тоё». Одной из маленьких радостей в серых буднях нашего быта была поездка во Владивосток. Тогда суббота была нормальным рабочим днем, поэтому в воскресенье во Владивосток офицеры добирались уже поздним утром. Сперва баня, потом обед в ресторане, а там, часов в семнадцать, и домой пора. Однажды я со своим товарищем после бани обедали в ресторане «Золотой Рог». Как я, так и мой товарищ, не были корифеями по части пьянки, поэтому на столе стоял маленький графинчик с водкой и пара бутылок пива. Основное — еда. В «Золотом Роге» в те годы была чудесная кухня, разнообразно, вкусно и недорого. Время дневное, зал наполнен меньше чем на половину. Тихо, уютно, тепло.

В обеденный зал входит патрульный офицер и два матроса. Стоят у двери. В зале нас только двое военных. Патрульный офицер подходит к нашему столику, останавливается и молча смотрит на столик и на нас. Мы пьем пиво и жуем селедку. Патрульный офицер отходит. Минут через тридцать он снова подошел, посмотрел и молча ушел. Мы пообедали по полной программе, оделись и вышли в вестибюль, там нас поджидал уже

известный нам патрульный офицер, который потребовал от нас документы. Взял документы, переписал их данные, отдал документы и отпустил нас. Мы вышли на улицу и не знаем, что нам делать, когда вернемся, докладывать командиру части о том, что нас записали, или нет.

Мой товарищ вернулся к патрульному офицеру и уточнил, надо ли докладывать, а если докладывать, то что мы нарушили. Патрульный офицер сказал, что докладывать не надо, что это военный комендант города проводит исследовательскую работу, целью которой является определение соединений и частей флота, офицеры которых имеют склонность к посещению ресторанов.

Теперь я вернулся к патрульному офицеру и попросил исключить наши фамилии из числа участников этой интересной и, безусловно, нужной научно-исследовательской работы.

Патрульному офицеру понравилась моя формулировка его действий, и он вычеркнул наши фамилии из своего списка.

Довольно быстро были построены жилые дома для строителей. Стали приезжать семьи, и я в том числе привез жену и двухлетнего сына.

В нашем гарнизоне купить продукты питания для семьи было делом непростым, в ближайших селах тоже было негусто. Специально за продуктами ездили во Владивосток, где также были почти пустые прилавки продовольственных магазинов. На рынке Владивостока продукты были чрезвычайно дорогими, руководство города пыталось административными мерами регулировать цены. Я видел на рынке, как милиционер выгонял с рынка мужика, который продавал картошку за цену выше той, которая была установлена администрацией города. Кончилось это тем, что на рынке стояли одни милиционеры, а картошку и лук продавали по рыночным ценам на прилежащих к рынку улицах.

Рядом с нашей стройкой был консервный заводик, куда сейнера сгружали пойманных крабов. На причале образовывалась гора метра три высотой из живых шевелящихся крабов. Как-то я принес домой живого краба, пустил его по комнате ползать, мой сын Сережа испугался и быстренько забрался на диван спасаться от этого страшного зверя. А пугаться было чего — размер краба с клешнями был как раз под размер большого таза, в котором мы его потом и сварили.

Это было время, когда в продовольственных магазинах было пусто, а чтобы они не выглядели уж слишком тоскливо, все полки были заставлены консервами из крабов. Это было время, когда в Ленинграде на торцах домов висели громадные плакаты с призывом: «Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы». Это было время, когда про нынешнюю мудреную

телевизионную кошачью еду никто ничего не слышал, а кошек кормили по-простому — крабовыми консервами.

Ко времени окончания моей службы на Тихоокеанском флоте достать хотя бы одну баночку крабов к празднику было очень большой задачей.

Структура политорганов в строительных частях периодически изменялась. В начале пятидесятых годов в УНР были политические отделы. Во время моего прибытия в Дальвоенморстрой в УНРах вместо политотделов были только заместители начальников по политической части. Однажды начальника нашего УНР вместе с заместителем по политической части срочно вызвали в управление Дальвоенморстроя. Замполит где-то был на участках, его не нашли, и начальник УНР на единственной легковой машине уехал один.

Замполит вернулся, мы с ним вместе зашли в кабинет начальника УНР позвонить по единственному в УНР телефонному аппарату каждый по своим делам.

Пока мы дозванивались, вернулся начальник УНР, зашел в кабинет, вызвал дежурного и приказал снять со стены портрет Сталина и отнести его в кладовку. Замполит вскочил, заслонил портрет своим телом и потребовал объяснений. Начальник УНР объяснил, что начальник политического отдела Дальвоенморстроя только что на совещании начальников всех частей и учреждений и их замполитов сообщил суть решения Пленума Центрального Комитета партии о культе личности Сталина и распорядился немедленно снять портреты Сталина. Наш замполит потребовал письменного распоряжения начальника УНР, только тогда он отойдет от портрета. Начальник УНР сказал ему: «Стойте у портрета сколько хотите, а я пойду пока посмотреть, как там на участках идут дела».

Мы все вышли из кабинета, а замполит остался один с портретом Сталина. Через некоторое время замполит, видимо, дозвонившись до своего начальника, вышел из кабинета, махнул рукой и ушел из здания.

В УНР должность замполита была аннулирована, осталась должность секретаря партийного комитета. Стали бороться с культом личности.

Дело хоть и привычное — бороться, разоблачать и клеймить, — но три обстоятельства придавали этому процессу необычное ранее значение.

Первое — масштаб, что разоблачить и кого клеймить. Рушилось целое мировоззрение, у кого истинное, у кого притворное. Рушился уклад жизни. Происходила переоценка ценностей. Историческая значимость этого момента была на виду.

Второе — одна часть населения и членов партии восприняла это как недоразумение, как ошибку Хрущева и Центрального Комитета. Об этом прямо говорили (но не писали!), хотя раньше об ошибке руководства партии никто бы не решился говорить в приватных беседах. Другая часть, в том числе и пострадавшие от репрессий, разоблачала и клеймила искренне и с открытым сердцем. Это было ими выстрадано, и им не надо было никаких указаний, они впервые говорили то, что думали, что у них на душе. Значительная часть населения и членов партии, десятилетиями воспитанная в жесткой дисциплине, отнеслась к этому процессу как к очередной директиве центра: надо разоблачать, так будем разоблачать, надо избавляться, так будем избавляться.

Третье — у определенной части населения и членов партии появились надежды на какую-то новую жизнь. Какая она будет — никто четко не формулировал, но разговоров было много.

Этот отрезок времени впоследствии назвали «оттепель».

В этот период я опять жил в замкнутом пространстве режимного гарнизона, среди солдат и офицеров, поэтому, естественно, мои записки касаются того, что было там, где я работал, и что я видел и слышал.

Сказать, что эти политические перемены стали главными в моей тогдашней жизни, я не могу. Я считал эти перемены своевременными, нужными и очень важными, но содержанием моей жизни по-прежнему были ежедневная работа, которая мне не только нравилась, она просто захватывала, моя семья, устройство более или менее нормального быта в тех непростых условиях. Служебные и житейские заботы были главной темой разговоров в нашей тогдашней среде. Я не помню среди нас разговоров, что это не жизнь, а кошмар и т. п. Было ощущение устойчивости и прогнозируемости. Не было страха за будущее свое и своих детей. Не было страшно жить.

Одним из последствий разоблачения культа личности было упорядочение продолжительности рабочего дня. Известно, что Сталин работал по ночам, поэтому все, кто был непосредственно под его началом, тоже работали по ночам, а дальше эта цепочка доходила до директоров заводов, секретарей райкомов и т. п. В общем, все начальство страны сидело ночами у телефонов — вдруг позвонят. Вместе с руководителями заводов и предприятий допоздна находились на работе начальники цехов и соответствующие им работники. Хрущев дал команду работать нормально. Казалось бы, чего проще ее выполнить, но и тут пришлось прибегать к административным мерам. В Дальвоенморстрое специально ходили по конторам и отправляли

домой сотрудников, засидевшихся на своих рабочих местах. Месяца через два все так привыкли со звонком заканчивать работу, что при необходимости приходилось напоминать, что определенная категория работников по КЗоТу имеет ненормированный рабочий день.

Приятным последствием нового курса стало издание ранее запрещенных книг, а также расширение круга издаваемой иностранной литературы. Даже у нас на окраине страны в закрытом гарнизоне был отличный книжный ларек. Более того, именно в нашем ларьке можно было приобрести те книги, которые мгновенно раскупались в фирменных магазинах центра страны.

Была предпринята попытка демократизировать партийную жизнь, избавить ее от излишней заорганизованности. Попытались заранее не предрешать повестку дня собрания и не готовить докладчика, а в определенные дни собирать членов партии на собрания и там решать, о чем говорить.

В нашем УНР это выглядело так. Собрали коммунистов после работы. Секретарь парторганизации говорит о том, что теперь будем жить по-новому, и спрашивает, как будем работать: то ли сперва выберем президиум собрания, то ли вначале утвердим повестку дня. Все молчат. Молчание затягивается. Секретарь нервничает. Из задних рядов кто-то предлагает: «Сперва повестку утвердить, а под повестку президиум изберем». Секретарь предлагает голосовать. Предложение принято. Секретарь просит определиться с повесткой дня. Все молчат. Молчание становится тягостным. Вдруг вскакивает один из начальников участков и набрасывается на начальника снабжения за несвоевременную поставку стройматериалов на участок. Начальник снабжения в ответ упрекает начальника участка в превышении норм расхода строительных материалов. Все пошло по накатанной колее — партсобрание превратилось в нормальное и нужное всем собравшимся производственное совещание. В конце приняли решение продолжать жить по-старому, а именно, в плане партийной работы определять темы собраний и докладчика.

Министром обороны в это время был прославленный полководец Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Историческая значимость Жукова в победе над фашистской Германией не подвергается сомнению ни его почитателями, ни его недругами. Искренняя любовь народа к Жукову не зависит ни от каких политических конъюнктур. А. В. Суворов, М. И. Кутузов и Г. К. Жуков — вот три имени полководцев, которым нет равных в военной истории России. Дела и поступки Жукова, как и всех великих людей, неоднозначно оценивались его современниками.

Когда Жукова назначили министром обороны, то он стал жестко наводить порядок в войсках и на флотах. Требования его были своевременными, нужными и справедливыми. Никаких объяснений и оправданий при обнаружении неполадок Жуков не принимал. Нет порядка — значит, командир не хочет или не умеет командовать. А раз так, то он не может быть командиром, а раз не может быть командиром, то зачем он нужен в армии или на флоте. А то, что до этого служил и получил высокое воинское звание, — то это недоразумение. Он не достоин такого высокого воинского звания, его надо разжаловать. Появилась знаменитая «жуковская тройчатка»: снять с должности, понизить в воинском звании, уволить из армии или флота. Такие приказы приходили пачками. Был даже выделен специальный день, когда собирали всех офицеров и читали эти приказы. Действовало на психику прилично. Отношение офицеров к этим приказам Жукова было двоякое. Требования были правильные, но если всех снять и выгнать, то кто же служить будет.

Инспекционные поездки Жукова по округам и флотам стали кошмаром для командиров всех степеней.

Жуков первым в стране начал борьбу с пьянством. Во всех закрытых гарнизонах, в том числе и у нас в Стрелке, была запрещена продажа алкоголя. Я видел, как на въезде в гарнизон осматривали военнослужащих, изымали бутылки со спиртным и тут же разбивали их о придорожный камень. Это не снизило уровень пьянства, так как водку можно было купить даже в автомобильной книжной лавке, не говоря о том, что во всех ближних деревнях ее было сколько угодно и когда угодно.

Жуков побывал в Индии, увидел там, как офицеры играют в гольф, плавают в бассейнах, занимаются конным, парусным и всеми другими красивыми видами спорта, увидел, что они подтянуты, ловко одеты и молодцевато выглядят. Вернувшись домой, он издал приказ по Министерству обороны: всем офицерам в течение недели в рабочее время шесть часов заниматься спортом. Исполнение этого приказа превратилось в профанацию. Спортивных сооружений, одежды, инвентаря нет, специалистов для проведения занятий нет. В инженерно-строительных, научных, управленческих, учебных и многих, многих других организациях офицеры и гражданские работают в одной технологической упряжке. Офицер ушел заниматься спортом — цепочка разорвалась, гражданские специалисты работают не так эффективно. Приказ предусматривал ежедневно по одному часу занятия спортом без учета времени на переход к месту спортивных занятий. Получалось, что минимум два часа рабочего времени, с учетом перехода на спортивную площадку,

офицера не было на его рабочем месте.

Начальник нашего Дальвоенморстроя со всем своим аппаратом первую неделю бегал вокруг здания управления, а из окошек на этот цирк смотрели гражданские сотрудники управления, с ближайших строек — солдаты. Смешно и жалко было смотреть, как пожилые люди в военной повседневной форме с большими воинскими званиями, неумелой трусцой, беспрерывно кашляя и охая, выполняли приказ министра обороны. Нам, молодым, было легче — мы играли в волейбол.

В это же время существовал приказ, чтобы и политические занятия с офицерским составом проводились в рабочее время. Был приказ, что военным охотникам — офицерам разрешалось охотиться в рабочее время.

Если добросовестно выполнять все приказы, то офицерам-строителям просто невозможно нормально руководить строительным производством, поэтому как ни грозен был Жуков, но в строительных организациях эти приказы исполнялись только на бумаге.

У офицеров Военно-морского флота сложилось мнение, что Жуков не совсем понимает роль флота в общей системе Вооруженных сил страны и не любит флот.

В офицерской среде циркулировало много разговоров, как Жуков пренебрежительно отзывается о флоте и о его роли в будущей войне.

Командир дизельной подводной лодки Северного флота рассказывал мне, как в 1955 году Жуков посетил его лодку. Спустился в люк, идет по лодке, все на своих местах. Каждого, мимо которого проходит, спрашивает должность и размер его денежного содержания. После ответа Жуков говорит, что солдат получает столько-то, а сержант столько-то, а командир мотострелкового взвода — столько-то. В его голосе, манере слышится упрек: дармоеды, получают больше солдат, сидят в тепле, да еще белые подворотнички носят. В конце Жуков спросил у командира лодки, каково его денежное содержание, и возмутился тем, что у армейского офицера такого же ранга оно меньше.

Жуков прекрасно знал действительное положение с денежным содержанием военнослужащих армии и флота, но он специально демонстративно обидел экипаж лодки, а вместе с ней весь флот.

Через некоторое время размер денежного содержания отдельных категорий на флоте был урезан.

Как бы в подтверждение этих слухов был расформирован Главвоенморстрой, а его организации были переданы

Главвоенстрою. Жуков приказал переодеть офицерский состав флотских строительных организаций в армейскую одежду.

Начался дурдом. Предметы обмундирования офицерам выдаются после истечения установленных сроков носки. Например, ботинки и брюки один раз в год, а шинель — раз в три года. У шинели срок носки еще не кончился, а у брюк уже истек. Значит, офицеру выдают армейские брюки к флотской шинели. В одной и той же части офицеры ходили в армейской одежде, а другие во флотской.

На флоте есть автобронетанковое управление, в ведении которого находится громадный автомобильный парк. Офицеров этого управления Жуков также приказал переодеть в армейскую форму.

Я уже точно не помню, но переодевали и еще целый ряд служб, которые с давних времен носили флотскую форму одежды. Я воспринял это не только негативно, но и болезненно. Принял решение за свой счет покупать флотскую форму и продолжать носить только ее. Успел купить только брюки.

При Жукове была сделана попытка при увольнении матросов и солдат в запас переодевать их в гражданскую одежду. К нам в «Стрелок» было завезено порядочное количество этой одежды. Мне довелось ее посмотреть. Это были дешевенькие костюмы, очень плохого покроя, просто страшненькие, такие же рубашки и пальтишки. Матросы и солдаты встретили это новшество с возмущением. Они хотели вернуться домой воинами, а не жалкими «шпаками» в задрипанных костюмчиках. Матросы и солдаты всегда готовятся прибыть домой в новеньком обмундировании, для чего они предпринимают все законные, а иногда и незаконные средства.

Началось воровство, отбирание новой формы у молодых взамен старой.

За свою службу я впервые столкнулся именно в это время с открытой «дедовщиной», которая выражалась в отбирании силой новой формы у молодых солдат.

Жукова сняли с должности, приказы о переодевании отменили. Отменили и запрет на торговлю в закрытых гарнизонах алкоголем. Началась борьба теперь уже с культом Жукова. Все шло по известной схеме: пленум ЦК партии, партактив флота, партактивы в соединениях, партсобрания во всех частях и учреждениях флота. Пресса. Радио. Главное, в чем его обвиняли, — стремление свести к минимуму роль политработников, т. е. вывести Вооруженные силы страны из-под контроля партии. К главному обвинению добавили: бонапартизм, грубость, жестокость и т. п. Надо прямо сказать, что эта схема

работала далеко не формально. У многих с Жуковым или с его действиями были серьезные разногласия, поэтому ругали его с чувством и выражением. На это время были забыты все его заслуги перед Отечеством, а выплыл весь негатив, как бывший на самом деле, так и придуманный.

Газета «Красная звезда» вышла с передовицей, где речь шла о возрождении офицерских традиций. Там, в частности, говорилось о том, что в царские времена командир полка регулярно приглашал весь офицерский состав к себе домой, угощал обедом и водкой.

Газета писала, что нет ничего страшного в том, что офицеры, собравшись вместе, выпьют по рюмке водки, наоборот, это хорошо сплачивает коллектив, развивает чувство товарищества. Надо эту традицию возрождать. По статусу наш начальник УНР приравнивался к командиру полка. Но у нашего начальника УНР не было доходов командира полка царской армии, а традиции возрождать надо. Офицеры сбросились, сели за стол вместе с начальником УНР во вновь построенном офицерском кафе, пригласили за стол начальника политического отдела и делом доказали, что офицеры советского флотского УНР возродили традицию полковых обедов царского времени с употреблением горячительного.

Месяца через два эта же газета стала писать, что пьянство наносит ущерб боевой готовности, поэтому наш политический отдел больше не боролся за возрождение некоторых традиций царских полковых офицеров.

Строительство новой военно-морской базы шло довольно успешно, через два года после его начала прибыли первые корабли. Во вновь отстроенном жилом городке с четырехэтажными домами и комфортабельными квартирами открыли первую в этих краях отлично и с любовью сделанную школу, в которой стали учиться не только офицерские дети, но и дети жителей окрестных сел.

Первый урок во всех классах был посвящен одной и той же теме — как пользоваться унитазами.

Существование двух параллельных строительных организаций — Дальвоенморстроя и Строительного управления флота — имело свои плюсы и свои минусы.

К концу 1957 года минусов оказалось больше, и было принято решение об их объединении под общим названием «Военно-морское строительное управление Дальвоенморстрой», или сокращенное — ВМСУ ДВМС со штабом во Владивостоке.

В «Стрелке» был сформирован строительный отдел ДВМС, в ведение которого перешли работающие на месте строительные

организации и предприятия. Объем работ не сократился — изменилась организационная структура.

Одновременно было организовано и новое флотское объединение, которое получило название Военно-морская база «Стрелок», первым командиром которой был назначен Герой Советского Союза капитан I ранга Лозовский.

Термин «военно-морская база» имеет двоякое толкование.

Первое и самое распространенное: любой морской порт, который используется для базирования военных кораблей. В этом определении нет никаких ограничений по составу сооружений этого порта и по количеству базирующихся там сил. Это может быть один причал, у которого могут швартоваться два корабля, а могут быть десятки причалов, заводы, громадные склады и т. п. Если в этой базе расположен штаб флота и значительное количество кораблей, то она обычно именуется главной военно-морской базой флота. В те времена Владивосток был главной базой Тихоокеанского флота, Севастополь — Черноморского, Североморск — Северного, Калининград — Балтийского.

Второе толкование — штатно-организационное. Всем известно, что в армии есть такие структуры, которые именуются как дивизия, корпус, армия, военный округ. В военно-морском флоте им соответствуют: дивизия, военно-морская база, флотилия, флот. Это сравнение довольно условно, но дает представление о военно-морской базе как об одной из организационных структур Вооруженных сил страны.

В те времена заместителем командующего флота по строительству был генерал-майор Гордиенко Г. Х. У него был богатейший опыт работы на крупных стройках в экстремальных условиях, которые выработали у него свой стиль руководства. Основой этого стиля была кадровая политика. Он назначал по делу, а не по анкете. У него работал начальником одного из самых крупных УНР офицер, уже в возрасте, без высшего образования и с не слишком чистой анкетой по части родственников. Политические и кадровые органы одолевали Гордиенко, чтобы он дал добро на его увольнение в запас по возрасту и по анкете, но он не давал, так как УНР был лучшим в ДВМС по результатам работы. В одном военно-строительном отряде командиром был подполковник, абсолютно чистый по анкете, отлично закончивший университет марксизма-ленинизма. Его ВСО по дисциплине был одним из худших в ДВМС. Гордиенко снял его с должности и вопреки рекомендациям политических и кадровых органов назначил командиром ВСО молодого старшего лейтенанта. Через полгода этот ВСО стал одним из лучших в ДВМС.

У меня был подчиненный, который по дурацки сложившимся обстоятельствам ввязался в драку, попал в милицию, потом в военную комендатуру, потом в сводку наиболее серьезных нарушений. Ему грозило довольно строгое наказание. Гордиенко вызвал меня и спросил, кто такой этот нарушитель. Я сказал, что это талантливый инженер, отличный работник и порядочный человек. Гордиенко не стал его наказывать, просто поговорил, отругал и предупредил.

В начале 1958 года на флоте стали разворачиваться новые крупные работы по развитию системы базирования на Камчатке.

К этому времени мне было присвоено воинское звание «инженер-капитан».

Гордиенко выбрал из молодых офицеров Дальвоенморстроя двух капитанов, которых назначил на две ключевые должности по руководству развитием системы базирования на Камчатке. Н. В. Шустров был назначен главным инженером строительного отдела Камчатской военной флотилии, а я — главным инженером инженерного отдела флотилии.

Тихоокеанский флот — Камчатка

В Петропавловск-Камчатский я с женой и сыном прибыл на теплоходе «Советский Союз», который шел из Владивостока около четырех суток. Этот теплоход был трофейным немецким судном, ранее ходившим по европейским линиям. Шли мы первым классом, каюта отличная, музыкальный салон, библиотека, детская комната с дежурной воспитательницей, отличный ресторан. Все чисто, все надраено. С таким уровнем комфорта и обслуживания мы встретились впервые.

Тихий океан так же трудно описать, как и уссурийскую тайгу. Это — простор, мощь, суровое великолепие и беспощадность стихии. Я был рад тому, что довелось не только увидеть, но и прочувствовать это чудо природы.

В те годы Камчатской военной флотилией (КВФ) командовал Герой Советского Союза вице-адмирал Щедрин Г. И., а Инженерным отделом флотилии — инженер-полковник Мальков А. Е.

Задачей Инженерного отдела было инженерное обеспечение деятельности флотилии.

Дальше по тексту будет дано расширенное толкование термина «инженерное обеспечение». Прошу читателя набраться терпения и прочитать это толкование, где будет порядочное количество специфических терминов, без которых, к сожалению, трудно представить, чем занимаются инженерные органы Военно-морского флота.

Инженерное обеспечение является одним из видов обеспечения боевых действий сил Военно-морского флота, которое организуется и осуществляется в целях повышения эффективности применения своих сил и снижения эффективности воздействия по ним противника.

В понятие «силы ВМФ» входят: надводные корабли, подводные лодки, авиация, береговые ракетные части и морская пехота.

Важнейшим элементом инженерного обеспечения является инженерная подготовка морских (океанских) театров военных действий, которая представляет собой комплекс мероприятий по созданию благоприятных условий для базирования и развертывания сил флота, поддержанию высокого уровня боевой готовности, эффективности несения боевой службы и ведения боевых действий с применением всех видов оружия.

Инженерная подготовка осуществляется заблаговременно как в мирное, так и в военное время.

В мирное время инженерная подготовка в основном реализуется капитальным строительством объектов ВМФ.

Основным содержанием заблаговременной инженерной подготовки морских театров военных действий является создание системы базирования сил флота, в которую входят:

— основные пункты и пункты рассредоточенного базирования кораблей;

— объекты авиации флота;

— объекты береговых ракетных частей и морской пехоты;

— объекты управления, связи, разведки, радиоэлектронной борьбы и гидрографии;

— ремонтные предприятия;

— объекты технического обеспечения атомных энергетических установок кораблей;

— полигоны и станции контроля физических полей кораблей;

— базы, арсеналы и склады оружия;

— склады топлива;

— объекты медицинской службы;

— жилые и казарменные городки. Функциональная устойчивость системы базирования сил флота определяется способностью объектов этой системы выполнять свои задачи в условиях боевого воздействия противника.

Основными инженерными мероприятиями по обеспечению функциональной устойчивости системы базирования являются:

— рассредоточение объектов;

— разукрупнение (ограничение мощности, емкости) объектов;

— строительство защищенных или подземных сооружений для особо важных объектов;

— маскировка.

Задачи инженерного обеспечения деятельности флотилии Инженерный отдел решал, выполняя функции заказчика по капитальному строительству, а также своими инженерными частями.

Инженерные части Инженерного отдела обеспечивали проведение учений флотилии и решение неотложных повседневных задач. Все основные задачи инженерной подготовки решались по линии капитального строительства, где Инженерный отдел выступал в роли заказчика, а Строительный отдел КВФ — в роли генерального подрядчика.

В составе Строительного отдела были строительные и монтажные организации, базы материально-технического снабжения, заводы стройиндустрии, парки автотранспорта, механизации и плавсредств.

Как и все заказчики по капитальному строительству, Инженерный отдел составлял в пределах выделенных лимитов пятилетние планы и годовые титульные списки строительных работ, разрабатывал и утверждал задания на проектирование, проводил все необходимые согласования по проекту, решал вопросы землеотвода, заключал договоры на разработку проектной документации и на строительные работы, осуществлял технический надзор за выполнением работ, принимал и акцептовал к оплате выполненные проектные работы, обеспечивал поставку оборудования, принимал от строителей законченные строительные объекты и передавал их в эксплуатацию частям и учреждениям флотилии. Оплата выполненных подрядчиком работ производилась финансовым отделом по счетам, акцептованным Инженерным отделом.

Проектные работы выполняли проектные организации центрального подчинения и Военморпроект-32, подчиненный непосредственно Инженерному отделу **КВФ.**

При временном отсутствии начальника Инженерного отдела я исполнял его обязанности, поэтому освоил руководство этой организацией в полном объеме.

Инженерный отдел подчинялся непосредственно командующему флотилией.

Система базирования флотилии еле-еле обеспечивала функционирование существующих сил и была совершенно не в состоянии принять новые корабли и оружие.

Если говорить о системе базирования флотилии в 1958 году, то придется часто употреблять выражение «не было». Автомобильных дорог между основными пунктами базирования не было, централизованной устойчивой системы электроснабжения не было, стационарных причалов для надводных кораблей не было, судоремонтной базы не было и т. д.

Система базирования соответствовала приблизительно 30% нормативных требований. Если применить казенно-служебную фразеологию, то особенно острым был жилищный вопрос.

Если же говорить о флотилии в целом, то на флотилии был порядок, боеготовность и дисциплина поддерживались на требуемом уровне. Корабли плавали часто, много и без трагических последствий. Денежное пособие выдавалось день в день, обмундирование и питание хорошие, запасы продовольствия и топлива — надежные.

Было желание служить, была гордость за службу именно на этой флотилии, был азарт в работе, и была уверенность в дальнейшей службе и жизни.

Моя служба в Инженерном отделе совпала с началом

реализации нового плана инженерной подготовки операционной зоны флотилии.

Под «новым планом» здесь подразумевается не один документ под таким заголовком, а целая система документов, разновременных по дате выпуска, но объединенных одной идеей — созданием системы базирования, отвечающей новым вероятным вариантам войны на море, а именно: «холодной войне» и ядерной войне.

В этих документах предусматривалось создание условий, обеспечивающих базирование атомных подводных лодок с ракетно-ядерным оружием, новых типов надводных кораблей, повышение эффективности использования сил флотилии и снижения степени разрушительного воздействия сил вероятного противника на систему базирования и корабли флотилии.

Планом предусматривалось:

а) модернизация и расширение существующих пунктов базирования, складов и других объектов;

б) строительство новых:

— основных и маневренных пунктов базирования;

— арсеналов оружия;

— судоремонтного завода;

— радиоцентров;

— объектов системы управления, наблюдения и разведки;

— складов жидкого топлива;

— объектов гидрографии (маяки, створные знаки);

— позиций береговых ракетных частей;

— баз авиации, гидроавиации и вертолетов.

Во всех перечисленных выше объектах модернизации и нового строительства включались жилые дома, казармы, лазареты, клубы, школы, магазины, пекарни и другие учреждения соцкультбыта.

Объем нового строительства составлял около 80% плана, а модернизации и расширения — 20%.

В результате реализации этого плана было построено почти все, что намечалось, в том числе первоклассный ремонтный завод, один из крупнейших на Тихоокеанском побережье нашей страны, и новый город, которому дали собственное название и зачислили в ведомство закрытых городов.

Надо отметить, что намечалось только то, на что были у флота деньги. По делу, надо было бы построить существенно больше.

При модернизации и новом строительстве применялись такие инженерные решения, которых ранее не было в программе обучения Военно-инженерной академии и ВИТКУ ВМФ.

К началу работ по этой тематике на флоте не было соответствующих учебников, инструкций и наставлений. Все это было только в проектной документации, разрабатываемой центральными проектными организациями и согласованными конструкторскими бюро — разработчиками новой техники, научно-исследовательскими институтами и органами государственного надзора.

Мы, флотские военные инженеры, учились новой технике и новому мышлению по этим проектам.

По новым проектам площадка причального фронта атомных подводных лодок разделялась на строго контролируемые зоны по степени радиационной опасности. Было предусмотрено строительство специальных санпропускников. Экипаж каждой лодки имел в здании санпропускника два помещения с металлическими шкафчиками для каждого члена экипажа. В первом помещении экипаж оставлял в шкафчиках свою повседневную одежду и переходил во второе, где надевал специальную одежду, в которой и проходил на лодку. При возвращении на берег был организован радиационный контроль. Если было обнаружено загрязнение, то в здании санпропускника была предусмотрена возможность помывки и дезактивации пострадавшего специальными средствами.

В зоне строгого режима пешеходные дорожки делались из асфальта, чтобы в случае загрязнения асфальт можно было бы удалить и отвезти на площадку захоронения радиоактивных отходов.

Площадка захоронения радиоактивных отходов (одежда, ветошь, инструменты и т. п.) представляла собой герметичные железобетонные емкости, перекрываемые тяжелыми железобетонными плитами, которые можно было поднять только краном. Эти плиты играли двойную роль: первая — защита от радиации, вторая — защита от воров. В эти емкости попадала флотская одежда, в том числе знаменитые меховые «канадки» с капюшонами, вполне приличные на вид и пригодные для носки, но загрязненные радиацией. Несмотря на все инструкции, разъяснения об опасности и т. п., были случаи воровства этих курток с соответствующими негативными последствиями.

Технология хранения и приготовления ракетного оружия имела свои особенности. Первой из них был температурно-влажностный режим. Методики его расчета были, но не проверенные опытом камчатских условий. Понадобилось строительство одного опытного хранилища, на котором путем изменения толщины обваловки, температуры нагревательных приборов и режима вентилирования добились требуемых

параметров.

Хранилища для ракет имели защитные ворота больших размеров. Процесс их открытия и закрытия при проведении транспортных операций по времени был достаточно продолжителен для того, чтобы в хранилище могла забежать крыса, а это уже беда, так как крысы грызут всю герметику, изоляцию и т. п. В проекте были предусмотрены переносные металлические щиты высотой около полуметра. Эти щиты перед открытием выставлялись с внутренней стороны ворот, после чего открывались ворота. Крыса не могла преодолеть вертикальную стену такой высоты.

Технология хранения и приготовления электрических и кислородных торпед существенно отличается от технологии хранения и приготовления парогазовых торпед, которые применялись на нашем флоте со времен Первой мировой войны. Это другой, несравненно более высокий уровень технической культуры. Особую тщательность и осторожность необходимо было проявлять при строительстве, а потом и при эксплуатации мастерских по приготовлению кислородных торпед. Все трубопроводы и арматура этих мастерских при монтаже тщательно и неоднократно промывались спиртом. Никакой другой технической жидкости, способной заменить спирт, в то время не было. Естественно, что процесс промывки трубопроводов вызывал повышенный интерес у всех категорий личного состава базы подводных лодок. Монтажники были людьми ответственными и все сделали добротно.

Основными способами защиты от оружия массового поражения были защитные конструкции сооружений, рассредоточение и дублирование. В то время еще не было разделяющейся боеголовки, поэтому предполагалось, что один ядерный монозаряд будет взорван или в центре всех площадок или над одной из них.

Главным поражающим фактором ядерного взрыва принималась ударная волна. Предполагалось, что тот объект, над которым произойдет взрыв, защитить не представляется возможным, надо защищать другие, аналогичные по назначению.

Площадки надо располагать на местности так, чтобы при взрыве над одной из них — к другой подошла ударная волна с давлением на фронте таких параметров, которое могут выдержать конструкции защитных сооружений.

Самым распространенным типом защитных сооружений, рассчитанным на восприятие давления ударной волны от 0,5 до 2 кг/кв.см, была конструкция из сборных железобетонных арок. Каждая арка собиралась из двух половинок.

Из одних и тех же арок можно было делать сооружение любой длины. С помощью обваловки их можно было отлично утеплять и маскировать. Более высокая степень защиты достигалась строительством подземных штолен или специальных фортификационных сооружений из монолитного железобетона.

По действующим в то время строительным нормам при бетонировании сооружений, в том числе сборных железобетонных арок, должен был применяться щебень из скальных пород повышенной прочности, например, гранита. На Камчатке таких скальных пород в непосредственной близости от мест строительства не было, и строительные организации стали применять для этих целей вулканический шлак, залежи которого находились рядом.

Московские контрольные органы запретили применение вулканического шлака для изготовления железобетонных арок, мотивируя свое решение отсутствием экспериментальной проверки прочности сооружений.

Инженерный и Строительный отделы флотилии провели такие эксперименты, в том числе и на статическую нагрузку. На одну из арок положили двойную нормативную нагрузку, под арку разместили главных инженеров Строительного и Инженерного отделов, сфотографировали и приложили к отчету среди прочих документов.

Объем проведенных испытаний московские контрольные органы признали достаточным и разрешили употребление вулканического шлака для монолитного и сборного железобетона при наземном строительстве.

Совершенствование и расширение системы базирования были одной из центральных задач советского Военно-морского флота, поэтому Военный совет ВМФ, Военные советы флотов и флотилий ежеквартально рассматривали на своих заседаниях ход строительства.

После смерти Сталина было утверждено новое Положение о Военных советах в армии и на флоте. На флоте Военные советы были трех уровней: ВМФ, флот, флотилия. В состав Военного совета КВФ входили командующий, начальник политотдела, начальник штаба, заместитель командующего и секретарь обкома партии.

Состав Военного совета персонально утверждался Центральным комитетом партии.

Были случаи, когда приказ о назначении заместителем командующего подписывался, человек работал в этой должности, но решение Центрального Комитета партии о его персональном утверждении членом Военного совета по каким-то причинам

задерживалось. В этом случае он принимал участие в работе Военного совета как приглашенный.

Чтобы не запутаться в терминологии, в дальнейшем членом Военного совета, или сокращенно ЧВС, буду называть только начальника политотдела флотилии. Так он сам себя всегда величал, и так его называли на флотилии. К нему и обращались не по воинскому званию, как положено по уставу, а «товарищ член Военного совета».

Командующий Камчатской военной флотилией Г. И. Щедрин строительство считал одной из своих самых главных обязанностей, поэтому Инженерный и Строительный отделы находили у него полное понимание, помощь и защиту, что не исключало строгий спрос и контроль.

По Положению командующий флотилией должен был утверждать, согласовывать или подписывать громадное количество документации по линии Инженерного отдела. Значительная часть этой документации не требовала никаких специальных докладов и пояснений, но для дела промедление с подписанием было крайне нежелательно.

У командующего в распорядке было предусмотрено время для Инженерного и Строительного отделов, но он всегда находил возможность принять их начальников и подписать необходимые документы тогда, когда это было нужно для дела.

Начальник Инженерного отдела для учебы всегда брал меня с собой на доклад к командующему.

Разворот работ был большой, хлопот много, начальника Инженерного отдела часто вызывали в Москву, во Владивосток, в Ленинград, где решались вопросы обеспечения финансирования, поставок оборудования, принятия принципиальных проектных решений. Во время отсутствия начальника Инженерного отдела с докладом и бумагами к командующему ходил я. Если учесть и отпуска моего начальника, то мне довольно часто приходилось быть на докладах у командующего.

После двух-трех моих самостоятельных докладов командующему, я был вызван к члену Военного совета В. Д. Пилыцикову, который спросил у меня, почему я не докладываю ему предварительно те вопросы, с которыми я иду к командующему. По своей молодости и необученное(tm) искусству политеса я брякнул, что то, что я докладывал командующему не имеет никакого отношения к ЧВС. Пильщиков вытащил из сейфа Положение о Военных советах, утвержденное Центральным Комитетом партии, и дал мне его прочитать. Текст был на двух страницах, я быстро прочитал и сказал, что не нашел там ничего такого, что обязывало бы меня все вопросы предварительно

согласовывать с ЧВС. Пильщиков указал мне в тексте такую фразу: «Военный совет обязан вникать во все стороны деятельности». Я прочитал и сказал: «Вникать — это не значит мешать нормальному ходу дел. Я буду вам докладывать главные вопросы, а бумаги пусть идут своим порядком». Пильщиков не стал дальше дискутировать и приказал мне впредь без предварительного моего доклада ЧВС к командующему не ходить.

Так как ЧВС вникал в дела не только Инженерного отдела, но и всех многочисленных структур флотилии, то в приемной у него всегда было много народа. Его адъютант пытался регулировать этот процесс, но постоянно бывали сбои, и я стал долгие часы просиживать у ЧВС в приемной. В первые два-три приема ЧВС внимательно, даже дотошно изучал существо вопросов. На следующих он стал упрекать меня в том, что я иду к нему со всякой мелочевкой.

В это время в Инженерный отдел прибыли проектировщики из центрального института, поработали, подписали совместно с нами необходимые документы и улетели. Кто-то и зачем-то доложил об этом ЧВС, он меня вызвал и строго спросил, почему я подписал эти документы, предварительно ему не доложив. Я ему ответил, что это моя функциональная обязанность, что там были чисто инженерные вопросы, а потом добавил, что я вообще не знаю, как теперь работать и что мне докладывать ЧВС, а что не надо. Пильщиков мне сказал: «По тому, что и как вы мне будете докладывать, я буду судить о вашей зрелости».

Проанализировав свои встречи с ЧВС и его последний наказ, я сделал соответствующие выводы, нашел линию поведения, тактику действий, и мои отношения с ЧВС нормализовались. К концу моей пятилетней совместно с Пильщиковым службы он стал относиться ко мне не только доброжелательно, но даже доверительно, о чем свидетельствует следующее.

Я был главным инженером заказчика, а Н. В. Шустров главным инженером подрядчика. Отношение между заказчиком и подрядчиком — это всегда самый сложный и запутанный тип отношений. Цель одна — построить. Дальше начинаются разногласия. Подрядчику выгоднее построить дороже, заказчику — дешевле. Заказчику нужно только хорошее качество, подрядчику — лишь бы сдать. Заказчику надо полностью законченный объект, подрядчику — можно и с недоделками и т. д. и т. п. Когда же срываются сроки, то тут заказчик найдет тысячу причин, что виноват подрядчик, а подрядчик найдет другую тысячу и все наоборот, все виноват заказчик. Шустров и я с самого начала договорились перед командованием разборок не проводить и друг на друга не валить. Потом мы стали замечать,

что ЧВС мне говорит, как Шустров обо мне плохо отзывается, а Шустрову наоборот — Манойлин Шустрова ругает. Мы друг друга об этом проинформировали, догадались — нас хотят поссорить, чтобы мы все вывернулись наизнанку, обнажив скрытые недостатки в работе обеих организаций. Чем чаще ЧВС пытался нас спровоцировать на ссору, тем крепче мы держались вместе.

Когда я, убывая к новому месту службы, пришел к Пилыцикову откланяться, то он рассказал мне, что пытался поссорить меня с Шустровым, чтобы выявить возможно больше негатива.

. Дальше он сказал, что на всей флотилии наши две организации самые закрытые для него, потому что от нас шла только открытая официальная информация, а что у нас на самом деле за душой он до сих пор не знает.

Этим своим поведением Пильщиков дал мне отличный урок, как надо строить взаимоотношения с политработниками. Благодаря ему, я до конца службы старался с одной стороны не конфликтовать с политорганами, а с другой — не быть у них за шестерку, что давало мне возможность нормально работать. В дальнейшем наши служебные пути с Пилыциковым дважды пересекались, один раз он опять был моим политическим начальником, второй — работали на параллелях. В обоих случаях отношения были доброжелательные.

В 1958 году командующим Тихоокеанским флотом был назначен адмирал Фокин Виталий Алексеевич, который с 1953 по 1958 годы был начальником Главного штаба ВМФ. На флоте говорили, что Фокин сам попросил Хрущева назначить его во Владивосток, чтобы лично руководить процессом создания нового современного ракетно-ядерного океанического флота.

Авторитет Фокина был высоким, а его кончина в 1964 году была тяжелейшей утратой для флота.

Фокин глубоко и квалифицированно разбирался в вопросах инженерной подготовки морских театров военных действий. Капитальное строительство на флоте было одной из его главных забот. Ему он уделял свое особое внимание и значительную часть своего рабочего времени. Вот только один пример.

Когда Фокин впервые в должности командующего флотом прибыл на Камчатку, то командующий флотилией представлял ему начальников основных служб флотилии и командиров соединений. Мой начальник был в командировке, поэтому было приказано докладывать мне. Нас, приглашенных, было человек двадцать. Время для каждого доклада было определено не более десяти минут. Все так и шло: доклад восемь-десять минут, пока очередь не дошла до Инженерного отдела. Я за семь минут

доложил стандартную справку по отделу, а потом больше часа отвечал на вопросы командующего флотом. Фокин еще в должности начальника Главного морского штаба участвовал в принятии решения, во что должна превратиться Камчатская военная флотилия, какие сюда придут корабли, какое будет оружие. Во Владивостоке в должности командующего флотом он рассмотрел принципиальную схему развития системы базирования на Камчатке. Положение дела он знал отлично. У меня был не доклад, у меня был экзамен. Фокин хотел уяснить, понимает ли инженерный орган флотилии всю масштабность предстоящей работы, ее новизну, ее сложность, срочность и важность. Последняя фраза Фокина была: «Повторите еще раз вашу фамилию».

Месяца через три после моего первого доклада Фокину мне было приказано ознакомить его на местности с площадкой, предлагаемой для строительства нового, самого крупного на флотилии комплекса специальных объектов. С Фокиным был только член Военного совета флота контр-адмирал Захаров М. Н. От флотилии был только один я. На эту площадку мы шли на самоходной десантной барже, загруженной грузовым автомобилем с двумя ведущими осями. Баржа уткнулась носом в берег, откинула аппарель, автомобиль выехал на пляж и остановился. Прекрасный теплый весенний день. Тишина. Веками не тронутый людьми берег. Девственная красота сопок, леса и травы.

Часа четыре мы ездили, ходили и смотрели. У меня были карты, схемы. Фокин смотрел и слушал чрезвычайно внимательно. После окончания осмотра Фокин принял решение — утвердить для строительства комплекса выбранное флотилией место.

Вернулись к нашей десантной барже. Там мичман, адъютант командующего, на костре варит уху, на траве скатерть, на скатерти все для обеда. Сели вчетвером. Мичман открыл бутылку коньяка. Фокин отказался. Захаров подставил большую солдатскую кружку. Я поблагодарил и отказался. Мичман спросил разрешения у Фокина, тот дал добро, и мичман вылил оставшийся коньяк в свою кружку. Захаров был такой крупный, мичман такой тренированный, а уха такая наваристая, что у них после бутылки коньяка, как говорят, «ни в одном глазу».

В начале мая 1959 года на Камчатке было одно из самых крупных землетрясений. В тот день я пришел с работы в восьмом часу вечера. В кухне на керогазе жена варит суп. Я переоделся в домашнюю пижаму, надел шлепанцы, зашел к жене, и в этот момент тряхнуло. Керогаз с кастрюлей повалились на пол, вода

вылилась и затушила пламя. Люстры качаются, вся мебель в движении, пол подпрыгивает. Шум, треск. Жена в халате, я в пижаме, оба в тапочках сразу на лестницу и вниз. Огнетушитель на лестничной площадке от толчков срывается, падает боком на пол, пена поливает пробегающих вниз людей. Выбежали на улицу, встали подальше от дома. Стоим в тапочках на снегу. Образовалась толпа людей, таких же полуодетых, как мы с женой. Детишки на руках. Смотрим — дом пока стоит, но трещины в стенах появились. Дом офицерский. Всем надо по тревоге на службу. Еще минут пятнадцать постояли, потом все в дом. Мы оделись — и на службу. Жены, дети оделись потеплее, в руки сумки с деньгами, документами, едой и на улицу — ждать, что будет дальше.

Вызванные по тревоге офицеры инженерно-строительных органов флотилии собрались около служебного здания. Осмотрели здание, конструкции в норме, опасности нет. Зашли внутрь. Меня вызвали в штаб флотилии куда поступали доклады из всех соединений и частей флотилии, и где я получил первое представление о размерах и последствиях землетрясения. Положение осложнялось тем, что землетрясение на Камчатке может вызвать цунами. Это громадная волна, которая, обрушиваясь на берег, обладает огромной разрушительной силой. Флотилия, город и область выводили людей и технику из цунамиопасных районов побережья. Паники не было. Была напряженная, естественно, нервная работа.

ЧВС поставил заказчику и проектировщикам задачу обследовать поврежденные землетрясением объекты и подготовить об этом специальные доклады. Срок представления обоих докладов был установлен 16.00 завтрашнего дня. К этому времени ожидалось прибытие на Камчатку командующего флотом.

Что касалось первого доклада — там все было ясно. Что же касалось второго доклада — тут была заложена «мина» в самой постановке вопроса.

Сущность этой «мины» заключалась в том, кто будет отвечать за то, что строения не выдержали землетрясения. Сила случившегося землетрясения не превысила параметров, предусмотренных нормами для этого района. В нормах четко оговаривалось, что надо делать, чтобы при такой силе землетрясения сооружения не получили разрушений. Если проект был правильный, если строители строго выполнили проект и при работах не допускали нарушений правил производства работ — то тогда ничего не должно разрушаться. Если разрушалось — то это вина строителей. Если же строители все делали правильно, а

в проекте были огрехи — то виноваты проектировщики. Проект плохой — плохой заказчик. А заказчик — орган флотилии. Значит, виновата флотилия и, естественно, руководство флотилии. Беда была большая, и спрос ожидался строгий. У строителей, хотя они и назывались Строительным отделом флотилии, было свое начальство — Дальвоенморстрой, а выше Главвоенстрой, которое отвечало за качество, с него и должен быть основной спрос. ЧВС предельно четко объяснил, что будет с руководством заказчика и проектной организации, если разрушения произошли по вине их организаций.

С раннего утра следующего после землетрясения дня комплексные группы специалистов от заказчика и проектной организации стали обследовать поврежденные стихией объекты. Сразу стали поступать от них доклады, что параллельно с ними работают группы специалистов Строительного отдела. И те и другие занимаются одним и тем же — ищут ошибки друг у друга. Друг другу ничего не говорят, каждый занят тем, чтобы свалить вину на другого. Между ними челноками ходят сотрудники особого отдела и политработники, пытаясь получить на кого-нибудь информацию негативного плана. Звоню Шустрову. Он говорит — есть команда все валить на заказчиков и проектировщиков. Я ему сообщаю, что у меня то же самое, только наоборот. Договорились, что сейчас пусть все идет, как идет, а дальше, куда кривая выведет. Будем стараться не высовываться и делать упор не на «почему это произошло», а на то, «что надо делать».

В 16 часов вместе с командующим флотом самолетом на Камчатку прибыли руководители инженерных и строительных органов флота. Мы, каждый своему начальнику отдельно, доложили обстановку.

В 18 часов руководители инженерных и строительных органов флота и флотилии, в том числе и я, поднялись на борт корабля, где командующий флотом принял решение провести совещание. Зашли в кают-компанию, где собрались участники совещания, среди которых мы увидели прокурора флотилии и начальника особого отдела. Гнетущая тишина ожидания.

В кают-компанию вошел командующий флотом.

Коротко, ясно и четко дал оценку обстановки и поставил задачи. На флотилию, область и город обрушилась стихия, в результате чего произошли такие-то и такие-то беды. В целом обстановка такая-то. Главнокомандующему ВМФ, министру обороны, Председателю правительства страны и Генеральному секретарю партии доложено. Помощь будет. Первая задача — определить, что и как надо сделать. Вторая — что и когда можем

сами сделать. Третье — что и у кого просить. Главное: восстановить боеготовность и обеспечить людей из разрушенных домов жильем. Думать только о работе. Прекратить искать возможных виновных. Это стихийная беда. Виновных нет сейчас. Виновных не будет и после окончания восстановительных работ. Прокуратуре и Особому отделу никаких расследований не производить и дел не возбуждать.

Закончив анализ и постановку задачи, командующий флотом спросил у командира корабля, какой у него есть фильм. Тот назвал какой-то, командующий сказал: «Отлично. Я его посмотрю, а вы идите работать. До свидания». Все встали и ушли. Его заявление, что он будет смотреть кино, было в тысячу раз эффективнее призывов и накачек. Этим он показал, что полностью нам доверяет, что он может смотреть фильм, а мы сами знаем, что надо выкладываться по полной программе. Это доверие стимулировало нас сильнее страха наказания и сильнее патриотических речей.

После совещания у командующего флотом заказчики и строители совместно составили план действий, и работа закипела. Я пятьдесят лет работаю в инженерно-строительных органах, но не помню более дружной и согласованной работы заказчика и подрядчика, чем во времена ликвидации последствий землетрясения на Камчатке. Если бы Фокин жестко не приструнил бы некоторых ретивых товарищей, желающих крови, партийных и судебных разборок, то на флотилии еще долго копались бы с восстановительными работами.

В помощь инженерным органам флотилии из Москвы и Ленинграда были командированы ученые и специалисты высших учебных заведений, научно-исследовательских и головных проектных институтов. Инженерные решения по восстановлению разрушенных боевыми действиями или землетрясением конструкций относятся к наиболее сложным и, самое главное, не традиционным. Что проще, надежней и быстрее: разобрать и построить заново или восстановить — это почти гамлетовский инженерный вопрос. Командированные специалисты вместе с работниками Военморпроекта-32 подписывали проектную документацию и тем самым разделяли с ними ответственность за принимаемые решения.

Восстановительные работы были закончены в рекордно короткие сроки, боеготовность флотилии восстановлена, а люди вернулись жить в отремонтированные дома.

Когда страсти утихли, мы, инженеры, сами для себя проанализировали, почему же в одном месте разрушилось, в другом — нет. Этим мы занимались совместно со специалистами-

сейсмологами и вулканологами из научно-исследовательского института, которым руководил тогда член-корреспондент Академии наук Б. И. Пийп. Выяснили главное — был прав Фокин, была беда, а не ошибки проектировщиков и строителей. Все более или менее соответствовало нормам. Но было много пострадавших сооружений, которые были построены до введения новых жестких норм. Самое же главное заключалось в том, что по действующим нормам весь район города Петропавловска-Камчатского и его окрестностей имел одну-единственную категорию по сейсмоопасности. Дальнейшие работы ученых привели к созданию принципов микросейсморайонирования, которыми впоследствии руководствовались проектировщики. По микросейсморайонированию некоторые районы города получили более высокую категорию сейсмичности.

На Камчатской военной флотилии мне довелось служить и во время Карибского кризиса. Тревога была объявлена среди ночи. Собрались. Объявили, что тревога не учебная. Все пошло по полной программе, первым пунктом которой — рассредоточение. Корабли — в море или в пункты рассредоточения, а Инженерный отдел — свои инженерные части и склад инженерного имущества за черту города. Там у нас была пара лощинок между сопками, куда вывели личный состав, расселив его в палатки, инженерную технику и инженерное имущество.

В мирное время по давнишней традиции в инженерных органах и проектной организации у офицеров не было личного оружия. Поступил приказ получить со складов флотилии оружие для офицеров. Среди ночи привезли ящики с пистолетами, патронами и снаряжением. Дальнейшие действия были заранее отработаны на регулярно проводившихся учениях, теперь делали то же самое, но уже не абы как, а серьезно.

В мозгу одна тревожная, все остальные забивающая мысль — неужели на этот раз «на самом деле». Ведь мы, военные инженеры, хорошо знали поражающие свойства ядерного оружия и последствия его применения. Но эта мысль не мешала, а, наоборот, заставляла более четко и осмысленно выполнять функциональные обязанности. Паники не было, но в ощущениях происходящего было что-то сюрреалистическое.

Как известно, все закончилось благополучно. Примерно через неделю после завершения Карибского кризиса на флотилию прибыл командующий флотом Фокин и на расширенном совещании руководящего состава флотилии, на котором довелось присутствовать и мне, подвел итоги действий флота во время прошедших событий.

Коротко рассказав о ситуации, предшествующей кризису, и о

том, что было в стране, Министерстве обороны и Военно-морском флоте в период кризиса, Фокин проинформировал о действиях флота. Информация поразила мое воображение. Впервые я зримо ощутил масштабы, мощь и возможность нашего Тихоокеанского флота. С точным указанием даты и времени командующий рассказывал о количестве самолетов ракетоносной авиации, поднявшихся в воздух, подводных лодок с баллистическими ракетами, занявших боевые позиции, надводных кораблях, уже обнаруживших американские подводные лодки и ждавших команду на их уничтожение, сил ПВО, чтобы отразить воздушное нападение противника.

Командующий флотом говорил о проведенных масштабных работах по рассредоточению сил и запасов флота, о его возможностях на продолжение борьбы и после возможного ядерного удара противника. Я в уме перемножил количество самолетов и подводных лодок на количество ракет, которые они могли запустить, и получил цифру, при которой параметры поражения Хиросимы и Нагасаки показались мелочью, которой можно пренебречь при определении общего масштаба ядерного воздействия сил Тихоокеанского флота.

Два чувства владели мной на этом совещании. Для первого трудно подобрать слова. Это можно назвать и облегчением, и радостью, что все закончилось не начавшись. А можно просто сказать: «Слава Богу, что обошлось». Последнее выражение и короче, и точнее, и яснее. Второе — это чувство гордости за нашу страну, за наши Вооруженные силы, за наш Военно-морской флот. Американцы побоялись получить то же, что они хотели сделать для нас, поэтому вернулись в исходную позицию.

Кроме Карибского кризиса и землетрясения на Камчатке, мне довелось пережить и чилийское цунами. В начале этой главы я упоминал о цунами, сейчас сделаю это несколько подробнее. Цунами — это моретрясение, которое возникает при мгновенном опускании большого участка морского дна, в результате чего образуется волна. Цунами — это так называемая длинная волна, а ветровые волны, обычные для моря, озера, реки и т. д. — это короткие волны. Расстояние между гребнями коротких волн исчисляется метрами, а расстояние между гребнями длинных волн — километрами. Высота волны цунами гораздо больше высоты самых крупных ветровых волн, но длинная волна очень пологая, поэтому для корабля в открытом море она никакой опасности не представляет. Корабль просто плавно поднимается и плавно опускается. Когда волна цунами врывается в бухту — то это беда. Она срывает корабли с якорей и выбрасывает их на берег, разрушает причалы и, проникая на берег, — все береговые

постройки. То же самое происходит, когда волна цунами обрушивается на берег не обязательно в бухте, но и в любом другом месте.

Для того, чтобы обезопасить береговые постройки от цунами, необходимо строить их на высоте, которая недоступна для этой волны. Спасение от цунами — своевременное предупреждение об опасности, чтобы корабли успели выйти в открытое море, а люди и береговая техника — забраться повыше.

Всегда есть какой-то отрезок времени от момента землетрясения, способного вызвать цунами, до прихода этой волны к пункту оповещения.

После цунами, наделавшего в начале пятидесятых годов много бед на Камчатке в области и на флотилии, были развернуты работы по выявлению мест, опасных для людей и сооружений при возникновении цунами. Были подняты архивы и произведено цунамирайонирование побережья. При каждом новом цунами вносились соответствующие добавления.

На флотилии этой работой занимался Инженерный отдел. Были выявлены все цунамиопасные акватории и территории в границах базирования сил флотилии, и для них определен порядок действий при объявлении тревоги «Цунами», а также правила застройки этих участков.

Моретрясение в Чили вызвало волну цунами, которая дошла и до Камчатки.

Авачинская бухта — это природная защита города от волны цунами. Узкое и почти круглое горло в плане очертания бухты обеспечивает препятствие волне на входе и ее плавное растекание по всей акватории.

Своевременное предупреждение и природная конфигурация бухты Авачинская позволили сравнительно безболезненно справиться с подошедшей волной чилийского моретрясения в местах постоянного базирования сил флотилии и судов Камчатско-Чукотского пароходства.

К Камчатке подошла не одна, а несколько волн с промежутками между ними от нескольких часов до нескольких суток. На четвертые сутки вроде все успокоилось. Инженерный отдел приступил к обследованию и документированию следов цунами на Камчатском побережье. В это время начальником Инженерного отдела был инженер-подполковник Парфенов П. М., который на катере вместе со специалистами отдела, среди которых был и я, вышел для обследования в бухту Русская. Эта бухта использовалась только для маневренного базирования кораблей флотилии и временной стоянки сельдяной экспедиции камчатских рыбаков. Стационарных береговых сооружений в

бухте не было.

Вошли в бухту. Крутые обрывистые берега покрыты снегом, вдали — вулкан. По всей акватории бухты плавает множество новых деревянных бочек для сельди, которые были смыты с береговой черты волной цунами. В куге бухты на боку лежит малый рыболовный сейнер, который волной цунами был выброшен на мелководье. Людей на этом сейнере нет. Стали на якорь. На воду спустили моторную шлюпку, в которую сели Парфенов, я и моторист. Пошли к берегу, чтобы обследовать и задокументировать высоту и район распространения цунами. Отошли от катера метров сто и почувствовали, что шлюпку подняло вверх и несет в кут. Оказывается, подошла еще одна волна, которую уже никто не ждал. В кут бухты впадает ручей. Волна занесла нашу шлюпку примерно метров на пятьсот в распадок, по дну которого шел ручей. Потом волна опустила нашу лодку на лед ручья и спокойно отошла назад. Волна несла нас на берег плавно, опустила осторожно, толком мы и испугаться не успели. Катер наш вместе с якорем тоже протащила вперед метров на сто, но он остался на плаву, без всяких повреждений.

Мы быстро выскочили из шлюпки и стали карабкаться на сопку, чтобы следующая волна не могла нас захватить. По склону сопки стали добираться к нашему катеру. Это был трудный и опасный участок куга. Сопка крутая, снега много, можно вызвать снежный обвал, внизу вода, куда можно запросто свалиться. Усугубляет обстановку опасение, что цунами снова подойдет. Дошли. Мы смотрим на катер, с катера смотрят на нас. Второй шлюпки на катере нет. Подойти катеру к берегу так, чтобы можно было на него забраться, не получится. Темнеет. Холодает. Скоро ужинать пора. Стало скучно. В голове ни у кого ни одной мысли, что же делать. Хотели давать радиограмму в бухту — просить помощи. В лучшем случае другой корабль пришел бы не раньше, чем часов через десять. И вдруг, как в сказке, в бухту заходит рыболовный сейнер. Наш катер семафорит сейнеру, с сейнера спускают шлюпку и доставляют на катер.

На флотилию был назначен новый командующий — контр-адмирал Ярошевич Д. К., который проводил в отношении Инженерного и Строительного отделов ту же политику, что и Щедрин, т. е. политику открытых дверей. Всегда внимателен, всегда доступен, всегда благожелателен и всегда строг и взыскателен. Как у многих крупных флотских командиров, у него было стремление сохранять старинные российские флотские традиции, проявляя при этом твердость и даже педантизм. Обеденный перерыв, или, как его на флоте называют,

адмиральский час, должен начинаться ровно в 12.00 и заканчиваться в 14.00. Как-то я был у него на приеме с пачкой смет, которые он утверждал. Никакого доклада не требовалось. Я ему давал очередную смету, а он расписывался там, где машинистка отпечатала слово «Ярошевич». Часы в кабинете командующего пробили двенадцать. Осталось несколько смет на пару минут работы. Ярошевич поднялся со стула, подписывать не стал. Сказал, что флотских традиций нарушать нельзя, и вышел из кабинета. Я собрал свои сметы и тоже пошел обедать.

В это время в Военно-морском флоте профсоюзы начали борьбу за переход с двухчасового обеденного перерыва на часовой. В некоторых местах это удавалось сделать, в других нет. На профсоюзной конференции флотилии Ярошевич на вопрос, когда флотилия перейдет на одночасовой обеденный перерыв, ответил: «Когда флотилией не будет командовать Ярошевич. Я не буду менять то, что установлено Петром Первым».

Окончание своего рабочего дня Ярошевич никогда не ограничивал, при необходимости он принимал нас довольно поздним вечером.

К концу пятидесятых годов на флотилии были построены и сданы в эксплуатацию две береговые артиллерийские батареи: двенадцатидюймовая в бухте Спасенная и статридцатимиллиметровая на мысе Лопатка (Первый Курильский пролив). В это время на первом месте было ракетное оружие, только что построенные батареи законсервировали, а потом и растащили.

На флотилию прибыл береговой ракетный полк. По тому времени это было мощное, мобильное и дальнобойное средство береговой обороны. Мы, выученные, воспитанные и выросшие вместе с артиллерией в береговой обороне, не могли не жалеть о консервации артиллерийских береговых батарей, но не могли не видеть явного преимущества пришедшего им на смену ракетного полка.

В начале шестидесятых годов происходила реорганизация инженерных органов Военно-морского флота, во время которой меня назначили главным инженером Военморпроекта-32, где начальником в то время был инженер-майор Шириков П. В. Это полностью отвечало моему личному желанию, так как меня всегда влекла к себе именно проектная работа. Кадры в организации были высокой квалификации, коллектив дружный, работа интересная.

Работа в Военморпроекте-32 имела несколько особенностей. Первой из них была та, что все инженерные изыскания для центральных проектных организаций выполнял наш ВМП. Вторая

особенность заключалась в том, что примерно половину плана проектных работ составляли работы для Войск противовоздушной обороны (ПВО) и Ракетных войск стратегического назначения (РВСН).

Для войск ПВО ВМП-32 проектировал позиции зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) в операционной зоне Камчатской флотилии. ЗРК состояли из огневой позиции, технической площадки и жилищно-казарменной зоны.

Для этих комплексов выбирались места, которые обеспечивали обнаружение воздушных целей на предельно дальнем расстоянии и максимально эффективное их поражение на подлете. Такими местами обычно являлись дикие, необжитые, труднодоступные места на побережьях и островах.

Несмотря на тяжелейшие природные условия, работать с ПВО было легко, командиры частей ПВО по первой нашей просьбе без всяких проволочек выделяли вертолеты, автомобили, солдат и все остальное, необходимое для производства проектно-изыскательских работ.

Ракетные войска стратегического назначения поручили ВМП-32 выполнение одной работы, задание на которую разрабатывалось в Москве в Главном штабе РВСН, куда я был вызван для его согласования. Впервые мне довелось быть в штабе такого высокого уровня с многоступенчатой и строгой системой допуска. Что касалось самой работы, то с инженерной точки зрения для ВМП-32 дело было знакомое, задание составили и к обеденному перерыву, документы отдали на оформление.

Меня направили в буфет пообедать, где я попал в забавную ситуацию. Зашел в буфет. Там пара столиков, буфетная стойка и перед ней два генерала. Я стал третьим в очереди. Только первый в очереди генерал взял и отошел, как пришел еще один генерал, я его пропустил и стал опять третьим в очереди. Потом пришел полковник, я его тоже пропустил, потом еще один генерал. Вдруг тот генерал, которого я пропустил самым первым, встает из-за столика, берет меня под руку, ставит впереди двух генералов и говорит: «Тося, накорми этого капитана, а то он со своей вежливостью голодным останется».

До этой командировки я никогда не видел столько генералов в одном месте. У нас на Камчатке на всю флотилию тогда было всего два адмирала.

Первым секретарем Камчатского областного комитета партии в те годы был Орлов. В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов область в целом, а Петропавловск-Камчатский в особенности, переживали период подъема. Областной город превратился в огромную стройплощадку.

Строили жилье, больницы, школы, промышленные предприятия и др. В городе были крупные строительные, проектные и научно-исследовательские организации. Строили много, но качество плохое, проекты застройки примитивные. Новое строительство давало крышу над головой, тепло для тела, но душу воротило от этих унылых серых коробок, от «отсутствия всякого присутствия» газонов, скамеек, дорожек и других малых архитектурных форм, помогающих создать уют и колорит города. Орлов хотел видеть свой город красивым и пытался найти способ, как это сделать.

Время от времени он собирал руководителей строительных и проектных организаций для, по его выражению, неофициальной беседы. На одной такой встрече довелось быть и мне. Народу на ней было немного, а официальности еще меньше. Орлов обратился к управляющему строительным трестом: «Что вам надо самое главное для повышения качества строительства?». Управляющий: «Очередь безработных у моего кабинета». Орлов: «Так это же капитализм». Управляющий: «А вот это социализм. Рабочий сделал плохо, я требую переделать, а он требует заплатить за то, что плохо сделал, а потом отдельно за то, что надо сделать заново. Уволить я его не могу, потому что он хоть и плохо, но что-то делает. Уволю — вообще некому будет работать». Орлов: «Давайте все-таки думать, как улучшить качество строительства в тех условиях, в которых мы живем».

Постепенно город был приведен в более или менее приличный вид. Если смотреть на город с моря, когда не видно унылых деталей, то он был даже красив.

Страна жила бурной жизнью. Новые веяния — новые надежды. Позднее это время стали называть то «оттепелью», то «романтическими шестидесятыми».

Хрущев заявил, что уже нынешнее поколение нашей страны будет жить при коммунизме.

Коммунизм был светлой мечтой моего детства. Реальная жизнь давно заставила меня считать коммунизм далеким будущим, до которого не только мне, но и моим детям не дожить. И вдруг первый руководитель партии делает такое заявление. Я привык безоговорочно верить партии. Но тут у меня родилось сомнение в реальности этого заявления.

В это время газеты стали пестрить сообщениями о появлении бригад коммунистического труда, потом предприятий коммунистического труда. Потом еще больше. Газеты объявили, что всю страну охватило движение за коммунистический труд. Меня очень интересовали эти сообщения, они вроде как подтверждали заверения Хрущева, что коммунизм не за горами. Я хотел знать, как люди там работают, как живут, как общаются.

Чем отличается эта бригада или предприятие от других. Потом появились ударники коммунистического труда. Потом вдруг объявили норму, что если в бригаде 75% ударников коммунистического труда, то вся бригада автоматически считается бригадой коммунистического труда. На Камчатке пока этого не было, поэтому мое представление о коммунистическом труде было на уровне газетной информации.

В скором времени и местные газеты сообщили, что на Камчатке появилось первое предприятие коммунистического труда — один из совхозов области. Бросил все дела — поехал знакомиться с первым на Камчатке предприятием коммунистического труда. Я ожидал увидеть там что-то похожее на коммуну «Сеятель», о которой я писал в начале этой книги. Увидел все совершенно другое. Тощие грязные коровы бродили по улице. Улицей называлась покрытая жидкой грязью территория, с двух сторон которой протянулись обшарпанные домишки. В центре — убогая лавка с вывеской «магазин». Около — пьяные мужики, одежда которых вполне подошла бы для костюмировки пьесы Горького «На дне». Удивленный увиденным, вернулся в город.

В газетах были опубликованы рассуждения Хрущева о реальности построения коммунизма. Суть такова: при коммунизме будет от каждого по способности, каждому по потребности. Хрущев рассуждает о том, что такое потребность. В первую очередь — еда. Во вторую — одежда.

По Хрущеву потребность в одежде такова: пальто зимнее, пальто осеннее, плащ летний. То же с костюмами, то же с обувью, то же с бельем. Я посчитал и пришел к выводу, что для меня коммунизм уже наступил, потому что все, что перечислил Хрущев для одного человека, у меня уже есть.

Я впервые серьезно задумался над тезисом «от каждого по возможностям, каждому по потребности» и пришел к выводу, что у него нет граничных условий. Термин «граничные условия» применяется в инженерных науках. Он обозначает, что то или иное правило, тот или иной закон действует в каких-то границах. За пределами этих граничных условий закон не работает. Например, только при таких-то температурах прогиб пружины пропорционален нагрузке на нее, а вне этих границ — нет. Граничные условия для термина «потребности» не были сформулированы. Их пытался сформулировать Хрущев, подсчитывая количество пиджаков на одного человека.

Я отлично понимаю примитивизм этих моих рассуждений о коммунизме, сущность и перспективу которого исследовали величайшие умы человечества, а вместе с ними громадное

количество высококвалифицированных философов, политологов, экономистов, писателей, психологов и других специалистов.

Естественно, что часть из них «за», другая — «против».

Вот эти «за» и «против» — главный стержень противоречий в человеческом общежитии конца XIX, всего XX, да и начала XXI веков.

В те годы на Камчатке я был «за», но сомневался в реальности планов по быстрому достижению поставленных целей. Что и как надо делать, а что не делать, я не знал и не пытался думать на эту тему, надеясь, что партия найдет правильное решение.

Где-то внутри не осознано и не сформулировано у меня было то, что впоследствии назвали «нереализованными реформами Косыгина».

Получилось так, что после выпуска из училища я все время был начальником, в обязанности которого входило заставлять людей работать. На практике я прочувствовал то, что знали и знают начальники любых ступеней власти, начиная со времен египетских фараонов до наших дней. По отношению к работе все люди разделяются на три категории. Первая — будут добросовестно работать при любых условиях, вне зависимости от условий жизни и размеров вознаграждения за труд. Вторая — будут эффективно работать только тогда, когда у них есть стимул. Стимулом может быть материальная заинтересованность, а может быть и энтузиазм. Энтузиазм может быть массовым, например, энтузиазм первых пятилеток и энтузиазм послевоенного восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Энтузиазм творит чудеса, но он не стабилен по времени. Если быстро не получается то, что было причиной возникновения энтузиазма, тогда он пропадает. Энтузиазм неразрывно связан с сознательностью, т. е. с какой-то идеей.

Тезис «Если идея овладеет массами, то она становится материальной силой» действовал, действует и будет действовать. Но если этой материальной силе не удается быстро добиться положительных результатов, то массы освобождаются от этой идеи, и эта сила пропадает.

На энтузиазме первых пятилеток и послевоенных лет, стремясь к коммунизму, построили социализм в одной отдельно взятой стране, а условия жизни масс остались далеки от того уровня, который имели массы в странах, где не трогали существующий там капитализм.

Эта же вторая категория людей будет эффективно работать и под действием страха. Страха быть расстрелянным, страха быть уволенным в условиях, когда нигде нельзя будет получить работу, страха перед наказанием плетьми и т. п.

Третья — никогда и ни при каких условиях добровольно не будет работать. Будут воровать, грабить, мошенничать, бродяжничать, попрошайничать и т. п.

Границы между категориями весьма условны, но подавляющее большинство человечества принадлежит ко второй категории, т. е. работает хорошо тогда, когда ему это выгодно.

Я понимал, что тезисом о возможности построения коммунизма при жизни нынешнего поколения и организацией массового движения за коммунистический труд руководство партии надеялось вызвать тот энтузиазм, который обеспечит эффективную работу большинства населения нашей страны.

В самом начале построения социализма в нашей стране с его плановой экономикой, исключающей само понятие «конкуренция», возникла необходимость чем-то заменить конкуренцию, без чего невозможен прогресс ни в одном из видов человеческой деятельности. Появилось социалистическое соревнование, которое должно было стать главной пружиной нашего развития. Вначале, в эту эпоху энтузиазма первых пятилеток, социалистическое соревнование сыграло свою положительную роль, но уже к началу пятидесятых годов превратилось в формальность, обязательную для выполнения, но ничтожно малое средство по эффективности.

Движение за коммунистический труд сразу же после возникновения стало формальностью.

В те годы у меня сформировалось твердое убеждение в том, что социалистическое соревнование и движение за коммунистический труд не являются теми средствами, которые способны реально влиять на повышение эффективности производства. Они не могут стимулировать работающих на производстве выкладываться в полную силу своих возможностей.

Все командиры производства, с которыми мне приходилось работать или встречаться, были моими единомышленниками и не делали из этого тайны.

Понимало это и правительство страны, постепенно увеличивая самостоятельность хозяйствующих предприятий и позволяя их руководителям применять формы оплаты труда, стимулирующие более эффективную работу сотрудников. Но все это было мелочевкой, не способной коренным образом изменить положение. Нужны были крупные реформы. Они последовали.

Первой была реформа о совнархозах, второй — о разделе всех партийных и советских органов власти на промышленные и сельскохозяйственные. Результат не нулевой, а отрицательный.

Третья крупная реформа — колхозно-совхозная. Там было много положительного.

Была целая серия малых реформ, частью полезных, частью с нулевым результатом, частью смешных, в том числе по кукурузе.

По строительству Хрущев сделал столько полезного, что одно это его деяние позволяет считать его по-настоящему государственным деятелем. Это сейчас мы пренебрежительно говорим про его дома «хрущевки», а тогда десятки миллионов людей были счастливы получить в них квартиры.

Все реформы, которые проводились в конце пятидесятых и первой половине шестидесятых, были поиском путей дальнейшего развития нашей страны, перевода ее на новые рельсы. Положительные результаты были, но далеко не те, на которые надеялись. Коренного перелома не произошло.

Годы жизни и работы на Камчатке для меня и моей жены полны приятных и волнующих воспоминаний. Во-первых, у нас обоих была интересная работа в очень дружных коллективах, во-вторых, бытовые условия по тем временам у нас были вполне приличные, в-третьих, повышенное денежное содержание впервые позволяло нам не считать каждую копейку от зарплаты до зарплаты. Экзотикой Камчатки мы насладились вполне. Из окна нашей квартиры мы любовались Авачинской бухтой, у порога нашего дома начиналась лыжня, которая вела в сопки. Ходили на Авачинский вулкан, на рыбалку, просто на сопки. Снабжение в городе было нормальное, по многим позициям даже лучше, чем в центральных районах страны. Климат в городе мягкий. На Камчатке новые кинофильмы выходили на экран на месяц раньше, чем в Москве. Фильмы, запрещенные для показа в Москве и Ленинграде, показывали у нас. Каждые два дня в кинотеатре новый фильм. Ходили в кино через день. В городе — Дом офицеров флотилии с большим залом, хорошей сценой и отличной акустикой. Все эстрадные знаменитости тех времен выступали в этом зале. Гастролировали у нас и знаменитые театральные коллективы. Камчатский областной драматический театр имел прекрасную труппу, смотреть которую было одно удовольствие. В наш книжный магазин приезжающие в командировку жители Москвы и Ленинграда бежали в первую очередь, чтобы приобрести то, чего они не могли достать у себя.

Все это было хорошо, но оставаться там больше положенного срока службы в отдаленных районах, равного пятим годам, не хотелось. Планировали только в Ленинград — город, который для меня и жены был единственным, в котором мы хотели жить, если командование сочтет возможным перевести меня туда для продолжения дальнейшей службы.

Командование сочло целесообразным перевести меня во Владивосток и назначить начальником Военпроекта-31

Тихоокеанского флота. Главным инженером ВМП-31 назначили инженер-майора Порочкина В. А., бывшего до этого начальником отдела в этой же организации.

С точки зрения житейской это был провальный вариант. Прослужив пять лет на Камчатке, я имел право перевода на Черноморский или Балтийский флот, в Москву, Ленинград, Киев, Баку и другие места в центре. Попав во Владивосток, я это право терял и мог там прослужить до выхода в отставку.

С точки зрения служебной это был шаг вперед.

Я воспринял это назначение как нормальный ход военной службы, жена — с пониманием. Жена и сын полетели в Ленинград к родителям переждать время моего житейского обустройства во Владивостоке.

Тихоокеанский флот — Владивосток

К новому месту службы во Владивосток я шел на теплоходе «Якутия». По судовой трансляции информировали, что судно было построено в Англии в 1913 году, а в 1914 году потоплено немецкой подводной лодкой. После окончания гражданской войны поднято советскими специалистами, восстановлено и направлено для работы на Черное море. Во время Великой Отечественной войны в 1941 году судно было еще раз потоплено немецкой подводной лодкой близ Одессы, затем немцами поднято и восстановлено. В 1944 году наша советская подводная лодка потопила его третий раз у берегов Румынии.

После войны судно подняли, восстановили на верфях Германской Демократической Республики и направили для работы на Тихом океане. Во время моего перехода на теплоходе это было комфортабельное и ухоженное судно.

В течение моей службы в Военморпроекте-31 Тихоокеанским флотом командовал адмирал Амелько Н.Н., его начальниками штаба были вице-адмирал Ярошевич Д. К. и вице-адмирал Бондаренко Г. А., заместителями командующего флотом по строительству — генерал-майор Гордиенко и инженер-полковник Парфенов П. М., начальниками Управления капитального строительства (УКС) флота — инженер-полковник Книжник Л. М. и полковник Алешин Н. Е., начальниками Дальвоенморстроя инженер-полковник Клифус Н. А. и инженер-полковник Иванков В. И.

После реорганизации инженерных органов Военно-морского флота функции заказчика на флоте выполнял УКС. Моим непосредственным начальником был начальник УКСа.

Военморпроект-31 — одна из старейших инженерных организаций Военно-морского флота. Под разными наименованиями он существовал с 1900 года. В его архивах были любопытные документы, например, прошение начальника морского госпиталя с просьбой выделить средства для строительства забора вокруг госпиталя, так как тигры заходят на территорию, бродят под окнами больничных палат и своим рыком пугают больных. Сопки Владивостока буквально нашпигованы подземными штольнями времен русско-японской войны и более поздним строительством. Все это было в архивах ВМП-31.

ВМП-31 был многопрофильной проектной организацией, способной самостоятельно проектировать все объекты системы базирования Тихоокеанского флота.

Границы зоны, где работал ВМП-31: север — Чукотка, юг —

Порт-Артур, запад — Чита, восток — Курильские острова и Сахалин.

Кадры ВМП-31 славились своей профессиональной подготовкой и опытом работы. Коллектив дружный, сработавшийся.

Флот стремительно развивался. На критическом пути его развития оказалась система базирования флота. Нужны были новые пункты базирования кораблей, новые аэродромы, новые судоремонтные заводы, новые арсеналы оружия, новые пункты управления, новые маяки, новые радиоцентры. И ко всему этому новые дороги, новые сети электроснабжения, водоснабжения. И для всех них новые жилые дома, школы, больницы, казармы. А существующие надо модернизировать. Разворот работ был громадный. Одновременно в работе были сотни объектов. Рабочая документация буквально с чертежной доски шла на стройки.

Командующий флотом Амелько не только руководил, не только требовал, не только помогал, но был душой и пружиной этого сложного действия, которое называлось капитальным строительством.

Как начальнику проектной организации флота мне доводилось довольно часто встречаться с Амелько по самым различным вопросам. Иногда мне казалось, что он сперва был строителем, а только потом стал мореплавателем. Отлично знал обстановку с ходом работ, понимал технологию, владел довольно сложной строительной терминологией и правильно ее применял. Никакого верхоглядства. Тщательное личное изучение вопроса. Могу утверждать, что он не только добросовестно руководил капитальным строительством, что было его обязанностью по должности, но и любил этим заниматься, что хорошо подтверждают следующие примеры.

Еще в должности начальника штаба флота Амелько посетил на Камчатке Военморпроект-32, где в это время заканчивалась разработка проекта крупного арсенала. Амелько один, без свиты, приехал в ВМП и ознакомился с проектом. Ни один начальник штаба флота до Амелько и после него никогда проектных организаций флота не посещал.

Особенность его работы — не собирать толпы вокруг себя.

На одном из заседаний — Военного совета флота было установлено резкое отставание сроков разработки проектной документации от темпов строительных работ.

В проект решения Военного совета были записаны сроки, к которым ВМП-31 должен был разработать определенный объем проектной документации. Я доложил, что эти сроки нереальны, что вызвало бурное возмущение не только членов Военного

совета, но и присутствующих на заседании строительных начальников.

На следующий день командующий флотом приехал в ВМП-31. Он опять был один. Вначале Амелько ознакомился с технологией производства проектных работ. В это время в ходу были сетевые графики проектирования, в которых сводились в единое временное поле исполнители, виды работ, их нормативная продолжительность. При первом взгляде на график так и хотелось сказать, что здесь черт ногу сломит, так много линий, цифр, жирных точек, обозначающих столкновение интересов различных исполнителей. Командующий внимательно выслушал доклад, все понял, потом сам стал смотреть и отлично разобрался во всем этом хитросплетении, сразу поняв сущность графика и технологию проектного процесса.

Затем командующий посетил все отделы, останавливался в каждом около кого-нибудь из исполнителей, который докладывал ему, что у него на доске.

Посещение проектной организации позволило командующему в последующем уверенно принимать решения по вопросам, так или иначе связанным с проектными работами.

Проект решения Военного совета был откорректирован с учетом реально возможных сроков выполнения проектных работ.

У Болеслава Пруса в его книге «Фараон» есть описание того, как фараоны учили своих детей управлять страной. Первым правилом было: «Фараон должен издавать только такой приказ, который может быть выполнен». Если для выполнения приказа надо уничтожить сто тысяч человек, это не должно смущать фараона. Но приказ, который нельзя выполнить, даже уничтожив все население Египта и растратив все его богатства, отдавать нельзя. Фараон ни при каких условиях не должен допускать, чтобы его приказ не был выполнен.

К сожалению, по линии капитального строительства высоким командованием нередко отдавались приказы, которые не могли быть выполнены ни по срокам, ни по финансовым возможностям. Командующий флотом Амелько старался, чтобы его приказы по вопросам строительства были реальны для исполнения. Что же касается контроля и спроса за выполнение приказов, то Амелько требовал строго, жестко и безжалостно.

Новые условия войны на море требовали новой системы и новой техники управления флотом. Штаб флота располагался в здании дореволюционной постройки. Служебных помещений явно не хватало. Появились первые электронно-вычислительные машины, громоздкие по размерам, с большим штабом программистов. На первых порах толку от этих ЭВМ в деле

управления действиями флота было мало, но места они занимали много.

Главное, что тогда было и что позволяло управлять, — это система связи. В зале оперативного дежурного по флоту торцевая стена была прозрачной. На этой прозрачной стене была контурная карта операционной зоны флота. За стеной — несколько матросов с наушниками на головах и легкими стремянками в руках. Один матрос — подводные лодки, второй — надводные корабли, третий — самолеты, четвертый — подводные лодки, но уже противника и т. д. Каждый матрос от соответствующих офицеров оперативного управления флотом в свои наушники получал координаты нахождения того или иного корабля, самолета, подводной лодки и прикреплял его условное изображение на карте. Со стороны оперативного дежурного по флоту на контурной карте операционной зоны была видна постоянно меняющаяся расстановка сил флота и вероятного противника.

Для того, чтобы эта карта функционировала, существовала стройно отработанная система докладов с кораблей, постов наблюдения и связи, разведки и т. п.

Естественно, что в силу периодичности поступления докладов и многоступенчатости их передачи, реальная обстановка менялась быстрее, чем ее отображение на карте оперативного дежурного.

В новых вероятных условиях ведения войны такое расхождение между реальной обстановкой и ее отображением на карте было недопустимо. Строительство нового здания штаба флота с оснащением его современным оборудованием стало неотложной необходимостью. Командующий флотом принял решение поручить проектирование этого здания ВМП-31, лично поставил задачу и установил следующую очередность выполнения работ. Первое — изучить и собрать все, что есть современного и положительного в деле управления силами флота, второе — подготовить документацию для получения разрешения на такое строительство, третье — разработать проект.

В это время на Северном флоте только что было построено новое здание штаба флота, а в 5-м управлении ВМФ были начаты работы по автоматизации управления силами флота. Амелько по телефону позвонил начальнику штаба Северного флота контр-адмиралу Егорову В. Г. и начальнику 5-го управления ВМФ вице-адмиралу Генкину А. Л. с просьбой ознакомить начальника ВМП-31 со всем, что может способствовать проектированию современного здания штаба флота.

В Москве начальник 5-го управления сказал мне, что

реальные результаты автоматизированного управления получены на Октябрьской железной дороге, а ВМФ имеет только образец аппаратуры в научно-исследовательском институте в Ленинграде, куда он и организовал мое посещение.

На Октябрьской железной дороге я ознакомился с системой определения нахождения вагонов на сортировочной станции, а в научно-исследовательском институте ВМФ — с системой отображения обстановки, когда данные с бумажной карты переносятся на экран без матросов в наушниках.

Все это было далеко не то, что хотел видеть Амелько в своем новом штабе. Мне довелось участвовать в создании систем автоматизации управления силами флота, начиная с того далекого 1964 года, когда Амелько поставил мне задачу изучать это направление, и до моей отставки со службы в 1989 году.

Система автоматизированного управления силами флота, о которой Амелько думал еще в 1964 году, появилась на нашем Военно-морском флоте только в 1980 году.

На Северном флоте я увидел толково спроектированное и хорошо построенное новое здание штаба флота, конечно без всяких систем автоматизированного управления, так как их еще не было в нашей стране.

Начальник штаба ТОФ выдал исходные данные, по которым с учетом виденного в Москве, Ленинграде и на Северном флоте, а также используя перспективы для размещения средств автоматизации управления силами флота ВМП-31, определил габариты и ориентировочную стоимость строительства нового здания штаба. Используя документацию ВМП-31, штаб и УКС ТОФ подготовили необходимые материалы, с помощью которых командующий ТОФ получил принципиальное решение на проектирование нового здания штаба ТОФ.

Проектирование началось с определения места будущего строительства. Совместно с сотрудниками штаба, специалистами ВМП-31 было предложено несколько мест возможного размещения, о которых было доложено командующему ТОФ. Амелько принял решение лично осмотреть места предполагаемого строительства. Докладывать командующему было поручено мне. Осмотр планировался в воскресенье. Мне было приказано ждать транспорт около дома, где я жил. В назначенное время подошла машина командующего флотом, за рулем которой сидел сам Амелько. Больше никого в машине не было. Начался осмотр. Амелько вел машину профессионально. Последнее место было в районе существующего штаба, ближе к берегу бухты Золотой Рог. Место это было застроено еще с русско-японской войны всевозможными складами. После их сноса

между штабом и кораблями флота была бы свободная территория, а штаб был бы виден со всей акватории бухты, и наоборот, любой корабль в бухте был бы виден из штаба. Амелько решил: «Здесь и только здесь». Осмотр был закончен, и я попросил разрешения быть свободным, на что командующий ответил: «Где взял, туда и верну» и отвез меня к дому.

Выбранное командующим флотом место строительства необходимо было согласовать с городскими властями и прежде всего с главным архитектором города. Здесь возникли серьезные трудности. Хрущев посетил Сан-Франциско, а потом — Владивосток. В обоих местах уникально красивые природные условия, но один город — чудо архитектуры и совершенство, а второй — обычный для нашей страны краевой центр. Их и сравнивать-то нельзя друг с другом. Лозунг «Догнать и перегнать Америку» для Хрущева в этом месте трансформировался в лозунг: «Сделать из Владивостока советский Сан-Франциско».

Под этот лозунг Хрущев для Владивостока сделал очень много. Было развернуто массовое жилищное строительство, создана первоклассная база стройиндустрии, новые предприятия и научные центры. Новым главным архитектором города назначен Ю. И. Траутман, который был до этого главным архитектором Ашхабада, где отличился при восстановлении этого города, разрушенного при землетрясении. Был разработан и утвержден Госстроем РСФСР генеральный план развития Владивостока.

По этому генеральному плану место, которое командующий флотом планировал под новый штаб, было занято другим объектом далекой перспективы и не обеспечено никаким реальным финансированием. Траутман флот поддерживал, но не имел права вносить изменения в утвержденный генеральный план. Началась длительная переписка с институтом, разработавшим этот генеральный план, с Госстроем РСФСР и с Правительством РСФСР. Обращение туда подписывали поочередно председатель крайисполкома, командующий флотом, Главнокомандующий ВМФ. Результат нулевой. Доложили командующему флотом, который обратился к первому секретарю краевого комитета партии В. Е. Чернышеву с просьбой о помощи.

Рассмотрение просьбы командующего флотом проходило так: Чернышев и Амелько сели у стола, а Траутман и я со своими рулонами чертежей — в дальнем углу просторного кабинета. Нам ничего разворачивать не пришлось, а говорить тем более. Чернышев и Амелько вели беседу о перспективах развития края, в том числе о начале строительства нового фарфорового завода. Мы узнали, что глины в Приморье уникальны по своему качеству

для фарфора, что из этой глины в Ленинграде на Ломоносовском заводе были сделаны сервизы, которые завоевали золотую медаль на выставке фарфора в Японии. Мы с большим интересом слушали то, что спустя месяца два-три стало появляться в периодической печати.

Во время встречи Амелько спросил: «Так что со штабом?». Чернышев ответил: «Делайте там, где надо флоту».

После этой фразы мы с Траутманом вышли и прямо в приемной оформили согласование на размещение штаба флота. Вот здесь я зримо ощутил всю реальную власть партии. Траутман даже и не подумал готовить какое-то письменное решение Чернышева, хотя этим решением корректировался утвержденный Госстроем РСФСР генеральный план. Траутман сказал, что никто в Госстрое РСФС Р никогда не будет оспаривать устное решение первого секретаря крайкома.

Конечно, перед встречей Чернышев заслушал доклады председателя горисполкома и главного архитектора города, убедился в формализме Госстроя РСФСР и только тогда пригласил Амелько на рассмотрение.

Чернышев был замечательный человек, имевший поистине громадный авторитет в крае. Во время войны он командовал партизанским соединением в Белоруссии в воинском звании генерал-майора. За храбрость и успехи в подпольной и партизанской борьбе ему было присвоено звание Героя Советского Союза. С 1959 по 1969 годы он был первым секретарем Приморского краевого комитета партии. По инициативе Чернышева в Приморье развернулось тогда строительство многих промышленных объектов, в том числе крупнейшего на Дальнем Востоке радиозавода, открылись институт искусств, институт торговли, медицинский и технологические институты и многие техникумы. Ежегодно в День Победы на центральной площади Владивостока собирались тысячи людей, которые одновременно вслед за Чернышевым опускались на одно колено, чтобы минутой молчания почтить павших в прошлой войне. Ритуал родился во Владивостоке, некоторые города этому последовали.

Владивосток строился быстро и бурно, но никак не дотягивал до Сан-Франциско. Для того, чтобы сравнять эти два города, местные шутники предлагали мэра Сан-Франциско назначить председателем горисполкома Владивостока, а председателя горисполкома Владивостока сделать мэром Сан-Франциско.

Новое здание штаба флота было построено. Его площадь и компоновка позволили комфортно разместить персонал и были достаточны для постоянно развивающихся средств автоматизации

управления силами флота.

Это здание украсило главную набережную бухты Золотой Рог и стало своеобразным символом города. Со временем его фотографию можно было встретить в журналах и на открытках.

На флоте возрождалась морская пехота, что было вызвано условиями развернувшейся «холодной войны на море». По приказу министра обороны одна из мотострелковых дивизий Дальневосточного военного округа была передана в состав Тихоокеанского флота и преобразована в дивизию морской пехоты с дислокацией в районе Владивостока.

Готовность флота к приему нового соединения была нулевая. Нет казарм для матросов, нет парков для техники, нет жилья для офицеров, нет полигона для учений. Главнокомандующий ВМФ адмирал Флота Советского Союза Горшков С. Г. приказал обустройство дивизии сделать образцовым.

Проектирование обустройства дивизии было поручено ВМП-31. Командующий флотом лично рассматривал проекты всех главных площадок и сооружений дивизии. Только после его утверждения основных проектных решений разрабатывались рабочие чертежи.

Задача, поставленная Главкомом ВМФ по обустройству дивизии морской пехоты, была решена. Все строительные работы выполнены в установленные сроки и с хорошим качеством.

При посещении министром обороны дивизии произошел забавный случай. Командир дивизии должен был делать доклад министру обороны на территории парка боевой техники, где были приготовлены стенды и развешаны необходимые схемы, в том числе и схемы ВМП-31. Что-то там случилось с регулировщиками, которые стояли на пути движения, и кортеж с министром обороны, Главкомом ВМФ и командующим ТОФ прибыл не к парку боевой техники, а к штабу дивизии, где не было никого из офицеров, кроме майора — заместителя начальника тыла дивизии. Этот майор не растерялся, доложил, что командир дивизии ждет в парке боевой техники, а здесь штаб, и стал рассказывать про дивизию и про штаб. Министр и его окружение вошли в штаб, посмотрели. Потом майор повел их в столовую, потом в казармы. Короче, осмотрели все, кроме парка боевой техники. Потом министр посадил этого майора в свою машину, и поехали в парк боевой техники.

Командир дивизии стал было делать свой доклад, который готовили месяц, и каждое слово которого было неоднократно выверено на всех уровнях, но министр сказал: «Спасибо, мне майор уже все доложил и все показал». Министр высоко оценил работу флота по обустройству дивизии, похвалил руководство

флота, дивизии и строителей, пожал руку командиру дивизии и майору, после чего уехал. Комизм случившегося заключался в том, что этот майор был представлен к увольнению в запас по возрасту, но хотел служить дальше. Командир дивизии по каким-то причинам не стал ходатайствовать о персональном для этого майора разрешении на продление срока службы сверх установленного законом. После случившегося представление к увольнению майора в запас было отозвано.

Как и во всей стране, на флоте шло интенсивное строительство жилья, но его темпы явно отставали от потребностей. Кроме того, что новых домов было мало, сами дома были крайне невзрачного внешнего вида, а компоновочная схема квартир оставляла желать лучшего.

Командующий флотом ознакомил заместителя министра обороны генерал-лейтенанта Комаровского А. Н. с обстановкой на флоте по строительству жилья. Ознакомление шло в такой последовательности: сперва Комаровского спустили в подводную лодку и в задраенные внутренние помещения противолодочного корабля, а потом повели по квартирам офицеров, которые служили на этих лодках и надводных кораблях. Комаровскому рассказали, что в автономном плавании подводной лодки офицер три месяца находится в этом замкнутом железном ящике минимальных размеров, и что на надводном корабле тоже вся служба проходит внутри этого железа. Квартиры офицеров были махонькие по размерам и с низкими потолками. У Комаровского появилось ощущение, что и в своей квартире на психику офицера давят низкие потолки и крохотные размеры комнат.

Эмоциональное впечатление от увиденного у Комаровского было так велико, что он принял решение строить для подводников и плавающих надводников дома повышенной комфортности. Одним из условий комфортности Комаровский считал увеличение высоты помещения до 3-х метров, в то время как во всей стране эта высота нормами была установлена в 2,5 метра.

Решение Комаровского встретило противодействие со стороны сопровождающих его должностных лиц, которые доказывали Комаровскому, что оно нереально, потому что не соответствует действующим в стране государственным нормам, и оно не улучшит, а ухудшит положение с жильем, так как увеличит стоимость строительства каждого дома. Общий объем средств, выделяемых на жилье, не может быть увеличен, значит, на те же деньги будет построено меньше квартир, значит, еще больше офицеров будут оставаться бесквартирными.

Оппозиция сопровождающих Комаровского должностных лиц

привела к тому, что он вполне серьезно пообещал их всех убрать, если будут ему мешать. Чтобы не затягивать решения этого вопроса, Комаровский поручил разработку нового проекта флотской проектной организации.

Начальник Главного инженерного управления ВМФ генерал-лейтенант Колеров А. П., сопровождающий Комаровского в поездке, позвонил мне и предупредил, что завтра в ВМП-31 прибудет Комаровский и что мне надо не возникать и соглашаться на разработку такого проекта.

За всю историю до этого момента и после него, вплоть до развала Советского государства, заместитель министра обороны СССР никогда не посещал ВМП-31.

Я собрал ответственных исполнителей, рассказал, что нас ждет, получил заверение, что этот проект в намечаемые сроки нам не только под силу, но интересен и почетен. Подготовили задание на разработку проектной документации с утверждающей подписью Комаровского и стали ждать. В понятие ждать входит наводить порядок в помещениях, во внешнем виде военнослужащих и готовить всевозможные справки.

Комаровский — известный в стране крупный строитель. До войны молодым инженером он работал на строительстве канала Москва — Волга, был замечен Сталиным при посещении этой стройки и по его указанию был назначен на ответственную работу.

Во время войны Комаровский был командующим единственной в нашей стране саперной армии. Больше ни у нас, ни в других странах таких крупных формирований саперов, как армия, никогда не создавалось.

Уже во время войны Комаровский стал руководить строительством в атомном проекте, после войны руководил строительством Московского университета и был заместителем по строительству министра атомной промышленности, откуда был переведен в Министерство обороны на равнозначную должность. Комаровский был профессор, доктор технических наук, лауреат Ленинских и Сталинских премий. Его связи в Центральном Комитете партии и Советском правительстве помогали ему успешно работать в Министерстве обороны. Он надеялся, что эти связи помогут ему узаконить для жилых домов подводников высоту этажа, превышающую действующую в стране норму.

Мне доводилось ранее бывать на совещаниях, которые проводил Комаровский, и несколько раз ему докладывать. На совещаниях он держался просто, создавал деловую обстановку для обсуждения, но в какой-то момент мог вдруг взорваться и

пойти, как говорят, «в разнос», потом так же неожиданно успокоиться и продолжить проводить совещание в прежнем тоне.

Комаровский прибыл в ВМП-31 в сопровождении Колерова, Парфенова и Алешина. Был чем-то раздражен и мрачен. Спросил меня, может ли флотская проектная организация быстро разработать типовой проект жилого дома улучшенных параметров для подводников. Я ответил, что может, и представил ему на утверждение задание на разработку проекта. Комаровский внимательно его прочитал, своей рукой сделал несколько добавлений и утвердил задание.

В обычных условиях утверждение такого задания длилось бы не менее полугода, проходя многочисленные согласования и экспертизы, прежде чем оно попало бы на стол Комаровского.

После утверждения задания Комаровский познакомился с работой отделов. У нас только что было закончено строительство нового здания, в котором стояли импортные чертежные кульманы, мебель новая. Везде было чисто и ухоженно. На кульманах Комаровский увидел несколько прекрасно выполненных чертежей, которые его заинтересовали, и он получил удовлетворение от разговора с исполнителями. Уезжал Комаровский из ВМП-31 умиротворенный и спокойный.

Типовой проект жилого дома для подводников ВМП-31 разработал в установленные сроки. Проект получился хороший. Нам было радостно над ним работать.

Комаровскому не удалось получить разрешение на высоту помещения в 3 метра, проект остался лежать в архиве ВМП-31.

Строительство жилых домов по типовым проектам в те годы было плюсом, который с годами превратился в громадный минус.

Плюсом было то, что минимально возможные по действующим нормам размеры квартир позволили за счет своей малой стоимости обеспечить максимальное количество людей квартирами. Плюсом было и то, что однотипные детали и конструкции позволили строителям организовать их поточное производство, что значительно ускоряло и удешевляло их строительство.

Главный минус — унылость застройки и ее повторяемость на всей территории страны. Со временем это стало отрицательно сказываться на человеческой психике. Города и поселки потеряли свою индивидуальность. Новые районы Ленинграда стали ничем не отличаться от новых районов Хабаровска.

Владивосток благодаря гористому рельефу местности и мастерству архитекторов своих проектных институтов сумел из типовых коробок сделать что-то свое. Архитекторы ВМП-31 оставляли в типовых проектах только то, чего нельзя изменить, —

планировку и высоту квартир, зато делали индивидуальными цокольные этажи, лестницы, крыши, балкон и т. п. Наши дома все-таки отличались друг от друга, чем мы тогда гордились.

На флот поступала новая ракетоносная авиация, для которой требовались взлетно-посадочные полосы (ВПП) с такими характеристиками, которых не было ни на одном аэродроме в Приморье.

Требовалось удлинять ВПП и одновременно увеличивать толщину бетона существующих полос, чтобы воспринять нагрузку более тяжелых самолетов. Проектирование модернизации аэродромов было поручено ВМП-31.

Аэродромы модернизировали. Новые самолеты стали нести боевую службу над просторами Тихого океана.

Река Амур всегда была пограничной рекой. Довоенная песня: «На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят, на высоком берегу Амура часовые Родины стоят». На реке в довоенные, военные и послевоенные годы существовала Амурская военная речная флотилия. Эта была хорошо оснащенная флотилия с развитой системой базирования и квалифицированными кадрами. В пятидесятых годах Мао-Цзэдун обратился к нашим руководителям с вопросом, почему на пограничной реке двух дружественных стран одна из этих стран держит в постоянной боевой готовности Амурскую флотилию. У китайской стороны никаких военных речных судов тогда на Амуре не было. Наши руководители во имя дружбы народов приняли решение ликвидировать Амурскую флотилию. Началось ее расформирование, в результате которого многие суда пошли в металлолом. Когда у нас с Китаем возникли напряженные отношения, то они проявились и на Амуре.

Чтобы обеспечить защиту от Китая, в середине шестидесятых годов было принято решение сформировать на Амуре дивизию речных кораблей (ДРК).

Военморпроекту-31 было поручено проектирование системы базирования дивизии речных кораблей.

Проект был сделан в установленные сроки, строители его реализовали. Речная граница вновь была «на замке».

Во второй половине шестидесятых годов был пик обострения наших отношений с Китаем, что во Владивостоке чувствовал каждый. Китай, основываясь на том, что в Приморье многие реки, горы, поселки и улицы носили китайские названия, стали заявлять свои претензии на эту территорию нашей страны. Наш ответ на это был немедленный. Все переименовали и выпустили новые карты с новыми русскими названиями. Это вызвало определенные трудности, так как люди никак не могли

привыкнуть, о чем идет речь в газетах, официальных документах и т. д. В голове прочно засели старые названия.

Со стороны китайцев участились провокации с применением оружия. Разведка доносила о концентрации китайских войск в пограничных районах, о постоянном боевом присутствии сил флота и авиации вблизи наших территориальных вод.

Во Владивостоке в составе флота был образован Владивосточный оборонительный район (ВЛОР), куда вошли дивизия морской пехоты и многие другие береговые формирования флота. Военно-строительные отряды получили полный комплект стрелкового вооружения и патроны.

Они все были включены в систему ВЛОР под названием морских стрелковых батальонов (МСБ). Из консервации были извлечены морские артиллерийские установки, которые монтировались на суше.

Назрела необходимость создания инженерной обороны Владивостока. Под инженерной обороной понимается система окопов, проволочных и минных заграждений, долговременных огневых точек, артиллерийских позиций и много-много всего другого. Расположение огневых точек на местности — это обязанность военного инженера. Это и наука, и искусство. Наука в том, чтобы огневые завесы перекрывали все подходы, искусство — в выборе места. Необходимых знаний и умения для выполнения этой работы военные инженеры флота не имели.

Во время моего доклада какого-то документа начальнику штаба флота Г. Л. Бондаренко зашел разговор о необходимости срочного составления плана инженерной обороны.

Бондаренко сетовал на отсутствие на флоте документов, которые помогли бы ускорить составление плана инженерной обороны.

Я вернулся в ВМП, зашел в архив и довольно быстро нашел план инженерной обороны Владивостока, составленный в период русско-японской войны. Это был великолепный во всех отношениях документ. Первое — прекрасно выполненный. Графика и шрифт выше всяких похвал. Второе — это то, что нужно. Все высоты, все отметки, все директрисы стрельбы, расчет огневых средств, схемы заграждений и т. п. Конечно, город разросся, конечно, и огневые средства сейчас другие, но в качестве образца — это был хороший документ. Я позвонил Бондаренко и доложил о своей находке. Он приказал немедленно прибыть к нему.

Бондаренко был восхищен работой русских военных инженеров начала века.

Мне Бондаренко сказал, что я его выручил, он теперь знает,

что нужно требовать от ВЛОРа.

Командование флота поручило ВМП-31 разработку рабочих чертежей фундаментов под корабельные 130-мм артиллерийские установки, переданные ВЛОРу после расконсервации. Эта работа вызвала осложнение среди инженеров ВМП, которые привыкли работать только по заранее заданным исходным данным. В данном случае нужны были параметры динамической нагрузки при выстреле. Фундамент должен был выдержать эту нагрузку, не опрокинуться вместе с пушкой и не развалиться при выстреле.

Никто этой нагрузки проектировщикам сообщить не мог, а чертежи фундаментов требовались немедленно. Без сведений о параметрах нагрузки инженеры, боясь ответственности, не решались разрабатывать чертежи.

Опять выручил архив. Там нашли чертежи фундаментов этих самых пушек, разработанные еще в 1940 году для береговой обороны флота.

Опасность провокаций со стороны Китая была так велика, что под сомнение ставилась целесообразность проведения во Владивостоке традиционного военного парада 7 ноября 1967 года. В первых числах ноября в позднее вечернее время я был вызван к командующему флотом. В приемной я увидел заместителя командующего флотом по строевой части и командира дивизии морской пехоты. К командующему флотом зашли втроем. Амелько проинформировал нас о том, что принято решение проводить парад, и поставил задачи по подготовке, к параду. Парад должен быть нестандартным, надо добиться максимума психологического воздействия. Заместителю командующего по строевой части и командиру дивизии морской пехоты было предложено разработать новые, неуставные варианты прохождения, в том числе увеличить расстояния между шеренгами, свободный шаг, партизанский способ ношения оружия, десантная боевая форма одежды, специальная музыка и т. п. Мне было поручено к завтрашнему утру подготовить варианты парадной раскраски стальных шлемов морских пехотинцев.

Командир дивизии перегрузил из своей машины в мою двенадцать стальных касок, и я поехал в ВМП, где меня уже ждали вызванные по тревоге архитекторы.

К восьми утра с разрисованными касками я был в приемной командующего, у которого в кабинете был с ежедневным докладом начальник оперативного отдела штаба флота Герой Советского Союза контр-адмирал Сорнев. Меня вместе с касками тоже препроводили в кабинет командующего флотом, где я на длинном столе расставил каски. В глазах рябило от их

разнообразия, так как у наших архитекторов с фантазией все было в порядке. Командующий флотом попросил Сорнева и меня надевать поочередно разные каски и шагать вдоль его длинного кабинета. В результате тщательного выбора командующий остановился на двух типах, из которых один — для командиров, идущих впереди строя своих подразделений, второй — для идущих в шеренгах.

Командир дивизии обеспечил раскраску своими силами, и на парад дивизия вышла в невиданных дотоле ни в какой стране мира касках. Парадное прохождение дивизии впечатляло — идет сила, идет бесстрашие, идет верная наша защита.

На всем Тихоокеанском побережье страны — в Охотском, Японском и Беринговом морях маяки проектировал только ВМП-31, их строил Дальвоенморстрой. По нашим маякам сверяли свои курсы все советские и иностранные суда, попадая в зону их действия. Построенная по нашим проектам система радиомаяков действовала далеко за пределами территориальных вод страны, обеспечивая безопасность мореплавания на громадной акватории западной части Тихого океана. Ни одному министерству или ведомству страны не разрешалось проектировать маяки, это была прерогатива только Военно-морского флота.

На Военно-морском флоте Главное инженерное управление выполняло функции заказчика по всем объектам капитального строительства, за исключением объектов связи, где заказчиком выступало Управление связи ВМФ. Таким образом, у ВМП-31 по Военно-морскому флоту было два заказчика: Управление капитального строительства флота и Отдел связи флота.

Для Отдела связи флота ВМП-31 проектировал передающие и приемные радиоцентры, узлы связи и магистральные линии проводной связи. Победить в вероятной войне мог только тот, у кого надежная и скрытая связь. Подводная лодка только тогда неуязвима, когда она не обнаружена противником. Лодка вышла на связь, ее засекли, и все пропало. Лодка должна иметь возможность получить сигнал на пуск баллистических ракет в любом положении, как надводном, так и подводном.

Связь ВМФ — это сложнейшая система, включающая в себя самые современные, самые совершенные устройства и комплексы, находящиеся в ведении не только ВМФ, но всех видов Вооруженных сил, Министерства связи, других министерств и ведомств, которые задействованы в единой схеме стратегической связи страны.

По объектам связи флота ВМП-31 разрабатывал общестроительные разделы проектов, а всю технологию — центральные проектные и научно-исследовательские институты

страны.

Кроме Военно-морского флота ВМП-31 разрабатывал проекты для Войск противовоздушной обороны, доля которых в общем плане работ достигала в отдельные годы 40%.

На одном из объектов ПВО на Чукотке по проекту ВМП-31 была построена дорога, которая представляла собой песчано-гравийную насыпь, по верху которой уложены сборные железобетонные плиты. Песок и гравий для этой насыпи брали из русла ручья, протекавшего параллельно дороге. Место там пустынное, никто никаких согласований и разрешений на забор песка и гравия не брал. Когда построили — пришли геологи и сказали, что дорога построена из золотосодержащего материала, что этот ручей зарегистрирован в соответствующем секретном регистре как золотоносный участок. Получился скандал, который был разрешен подписанием договора, в котором ПВО обязалась передать дорогу золотопромышленникам, когда они придут работать в этот район. Новую дорогу для ПВО предполагалось построить из песка и гравия, который будет промыт драгой золотопромышленников.

В середине одного из воскресных летних дней по служебному телефону от имени командования флота меня с женой пригласили на концерт, который должен был состояться в этот же день в Доме офицеров флота. Предупредили, что явка на концерт — служебное поручение, и сообщили мои ряд и место в зале. Просили не забыть взять с собой удостоверение личности. Сообщили, что на концерте будет Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, который, возвращаясь из Вьетнама, остановился на несколько часов во Владивостоке.

Жили мы недалеко от Дома офицеров и пошли пешком. День теплый, но пасмурный, главная улица города безлюдна. Смотрим — по противоположной стороне улицы идет Косыгин. Один. Невольно мы стали свидетелями того, как Косыгин знакомился с городом. По пути он заходил в некоторые магазины, где-то останавливался, что-то смотрел. Все сам, никто его не сопровождал и никто ему не мешал.

К 18 часам зал Дома офицеров, вместимостью человек 500, был заполнен. Косыгин с командующим флотом вошел в зал. Выступал ансамбль песни и пляски Тихоокеанского флота. Ребята старались вовсю. У них все получилось здорово. Косыгин пожал руку мичману — руководителю ансамбля и улетел в Москву.

Во время моей службы во Владивостоке по решению Хрущева все органы партийной и советской власти были разделены на промышленные и сельскохозяйственные. Цель — поднять сельское хозяйство, накормить страну. Предполагалось, раз

сельские партийные и советские власти не будут ничем загружены, кроме сельского хозяйства, то оно, это сельское хозяйство, быстро пойдет в гору. Начался дурдом. Краевая газета один день выходила как промышленная, второй — как сельскохозяйственная. А что делать с краевой больницей, которая работала на город и на село. Она же вела патронаж всех больниц, как сельских, так и промышленных. Какому крайкому ей подчиняться: сельскому или промышленному. В селе — кирпичный завод, 50% сельчан работают на заводе, 50% сельчан работают в колхозе. Школа — одна, медпункт — один. Как их делить, кому кто должен подчиняться, кто где должен лечиться и учиться. Чуть ли не еженедельно все газеты публиковали записки Хрущева в Центральный Комитет партии. Записки были большие, посвящались самым разным вопросам. Глупыми их не назовешь. Было только непонятно, зачем Хрущеву писать в Центральный Комитет, раз он им руководит.

Мы с женой пошли в кино. Как обычно — вначале киножурнал, который начался сразу с показа крупным планом Хрущева. Весь зал моментально грохнул от смеха. Никто ничего не сказал, но все смеялись от одного вида Хрущева.

В один из дней прихожу на службу. Дежурный офицер докладывает: «Хрущева сместили с должности Первого секретаря Центрального Комитета партии. Новым генсеком стал Брежнев». Дежурный ночью не спал, поэтому по радиоприемнику он и узнал первым об этом событии.

В 12.00 в зале Дома офицеров были собраны командиры и начальники политорганов. Зал был полон. На трибуну поднялся прилетевший из Москвы ответственный работник Центрального Комитета, который зачитал письмо ЦК. Письмо было коротким. Смысл: «Не туда вел, не так руководил, партия и страна устали от метаний из стороны в сторону, пусть отдыхает на пенсии, никого клеймить не надо, организовывать кампанию по преодолению хрущевщины не надо, никаких собраний на эту тему не проводить, работать спокойно». Никаких выступавших не было. Прослушали, встали и ушли.

В этот же день я вылетел в ранее запланированную командировку в Москву. На выезде из Владивостока ранее была сделана очень симпатичная скульптурная композиция, на которой были слова Ленина: «Владивосток далеко, но он город нашенский» и слова Хрущева «Владивосток — город моряков, пограничников и рыбаков». Остановил машину проверить, остались ли слова Хрущева. Зря я сомневался, они уже были срублены.

Мое отношение к Хрущеву было двоякое, вернее, в начале его

деятельности было одно, а в конце — другое. В начале — понимание и солидарность. В конце — недоумение.

Правление и действия Хрущева окончательно оформили во мне медленно созревавший вывод. Партийно-административными методами, соцсоревнованием и движением за коммунистический труд, введением совнархозов, созданием политотделов и всем тому подобным экономику не поднять и Америку не догнать. Чем больше политотделов, тем меньше толку.

Надо проводить коренные реформы. Ни о каком переходе от социализма к капитализму, ни о какой приватизации, ни о каком-либо умалении роли партии в жизни общества я никогда не думал. Наоборот, считал, что партия, обладая громадной властью и неутраченной способностью вести за собой народ, сможет разработать и осуществить эти реформы.

Владивосток тех времен был очень приятный и удобный для жилья закрытый город. В городе было тихо и спокойно. Не было квартирных и автомобильных краж, грабежей и бесчинств. Никаких бомжей, никаких бичей.

Во дворах и на улицах чистота, много цветов, много деревьев и кустов. С набережной уходить не хочется — так красиво. Везде море. С одной стороны залив, посредине — бухта, с другой стороны — Японское море. Море — сказка, можно купаться до октября.

Окна нашей квартиры выходили на море. Не надо никаких пояснений, и так ясно, что это очень хорошо. Я и жена на работу, а сын в школу ходили пешком.

Жена преподавала в медицинском институте, клиническая база которого была в краевой больнице. Работа нравилась, практику получила богатейшую.

Снабжение в городе было нормальное, особых перебоев не было.

Главным праздником в городе был День Военно-морского флота. Весь город был на набережной, наблюдая за суровой красотой кораблей Военно-морского флота и слаженными действиями его моряков.

Пригороды Владивостока — сама прелесть.

В зимние месяцы лицо Владивостока и его пригородов совсем другое — комфорта мало.

Владивосток был не только краевым центром, но и культурной столицей Приморья. Во Владивостоке не было ничего от захолустья, начиная от театра и кончая одеждой жителей.

Военный флот, торговый и рыболовецкий флоты, китобойная флотилия придавали жизни города особый колорит, который

присутствует во всех крупных портах мира.

В конце 1967 года моя служба на Тихом океане закончилась. Меня назначили начальником одного из отделов головного проектного института Военно-морского флота в город Ленинград, который назывался 23 Государственный морской проектный институт, сокращенно 23 ГМПИ. Начальником Военморпроекта-31 был назначен инженер-полковник Дынин Г. Б., бывший у меня главным инженером организации.

Ленинград

В Ленинград к моему новому месту службы наша семья летела на самолете. Временно остановились у родителей жены. Жена занялась поиском работы, сын стал ворчать на тему: как хорошо было во Владивостоке, зачем приехали в Ленинград. Я пошел на службу в 23 гмпи.

23 Государственный морской проектный институт — головной проектный институт Военно-морского флота. Его история началась с 1932 года, когда было образовано проектное бюро Инженерного отдела Балтийского флота. После целого ряда преобразований он стал Военмор-проектом-26 центрального подчинения, далее ГПИ-1 ВМФ (Государственный проектный институт №1), а уже потом стал именоваться так, как он именуется в настоящее время — 23 ГМПИ. Во время Великой Отечественной войны организация работала в блокадном Ленинграде, выполняя боевые задания командования фронта и флота, в том числе по проектированию гидротехнических сооружений Дороги жизни через Ладогу. В процессе реорганизации инженерных органов ВМФ все Военморпроекты были преобразованы в филиалы 23 ГМПИ. Институт стал крупнейшей в стране проектной организацией с филиалами в Североморске, Владивостоке, Петропавловске-Камчатском, Севастополе, Калининграде и Таллине. Административное руководство филиалами осуществлялось инженерными органами флотов, техническое — головным институтом. Взаимоотношения головного института, филиалов, инженерных органов флота и Главного инженерного управления ВМФ сформировались в результате многолетней совместной работы и взаимной притирки друг к другу. Можно сказать только одно — они были нормальные.

Техническое руководство института осуществлялось в виде разработки ведомственных нормативных документов и типовых проектов, экспертиз проектных решений филиалов, оказания консультаций, организации технической информации, помощи в проведении технической учебы.

Кадры головного института были не только высокой квалификации — они были уникальны. Их уникальность заключалась в том, что во всем громадном Советском Союзе только в 23 ГМПИ были специалисты по технологическому проектированию пунктов базирования атомных подводных лодок, арсеналов морских баллистических и крылатых ракет, мастерских приготовления к выдаче на корабли всех видов торпед,

ракетоторпед и т. п. Специалистов такого профиля не готовило ни одно высшее учебное заведение Союза. Профессионал формировался только на практике, работая в тесном контакте с конструкторами военной техники и научными сотрудниками. В 23 ГМПИ вместе с военными работал большой коллектив вольнонаемных сотрудников самых разных специальностей, которые знали военную технику и вооружение ничуть не хуже, чем военные.

Начальник 23 ГМПИ подчинялся начальнику Главного инженерного управления (ГИУ) ВМФ генерал-лейтенанту Колерову А. П.

Начальником 23 ГМПИ был генерал-майор Норовский Е. И., его заместителем — генерал-майор Анфимов Н. В., главным инженером — инженер-полковник Ласси В. Д. Это были выдающиеся военные инженеры, пользовавшиеся большим авторитетом как у руководства Военно-морского флота, так и среди сотрудников инженерно-строительных органов всех флотов.

В 1970 году начальником 23 ГМПИ после ухода в отставку Норовского был назначен генерал-майор Соломонов В. И.

В 23 ГМПИ я проработал с 1967 года вплоть до моей отставки из рядов ВМФ в конце 1989 года на должностях начальника технического отдела — один год, заместителя начальника института — один год, главного инженера — 5 лет и начальника института — 15 лет.

В бытность мою начальником института его главным инженером был инженер-полковник Ермаченков Б. Н.

Начальниками ГИУ после ухода в отставку Колерова поочередно были генерал-майор Анфимов Н. В., генерал-лейтенант Путята В. Е. и генерал-лейтенант Аника-нов О. К.

Начальник ГИУ работал под руководством Главнокомандующего ВМФ и его Первого заместителя. Во время моей работы в 23 ГМПИ Главнокомандующим до 1986 года был адмирал флота Советского Союза Горшков С. Г., позднее — адмирал флота Чернавин В. Н., а первыми заместителями — адмирал флота Касатонов В. А. и адмирал флота Смирнов Н. И.

Летом 1969 года Анфимов, сопровождающий Главнокомандующего в его поездке на Тихоокеанский флот, позвонил в Ленинград и приказал мне немедленно вылететь в Петропавловск-Камчатский с материалами по реконструкции и модернизации базы подводных лодок. Я взял офицера. Офицер взял секретные документы и пистолет, и через несколько часов после звонка Анфимова рейсовым самолетом мы уже летели на Камчатку. Пистолет в кобуре. Офицер в форме. Этого было достаточно, чтобы, ничего не проверяя, нас пропустили с

оружием в салон самолета.

Прилетели. Развесили чертежи по стенам. Вошел Главнокомандующий с сопровождающими лицами. Мне поручили докладывать. Доложил. Задали вопросы. Ответил. Все встали, пошли обедать. Мы собрали документы и пошли поискать, где бы нам перекусить. Вдруг входит адъютант Горшкова и говорит мне: «Товарищ подполковник, Главнокомандующий приглашает вас на обед». За столом было семь человек, я оказался восьмым, и посадили меня напротив Главнокомандующего. Получилось визави. Так прошел мой первый доклад Главнокомандующему и первый обед за одним столом с ним.

Мне довелось полтора десятка лет регулярно докладывать Горшкову или присутствовать на совещаниях, которые он проводил, что дало возможность наблюдать его как руководителя и как человека. О Горшкове много говорили, много писали, в том числе за рубежом. Ветераны флота, помнившие Н. Г. Кузнецова, — народного комиссара Военно-морского флота при Сталине и Главнокомандующего ВМФ при Хрущеве — говорили одно, выросшие в должностях и чинах при Горшкове — другое. Я Кузнецова видел всего три раза, находясь в строю курсантов, но читал и слышал о нем много. Он был любимцем флота.

Безусловно одно: и Кузнецов, и Горшков — выдающиеся личности, гордость советского Военно-морского флота. То, что они сделали для флота страны Советов, по значимости сопоставимо только с тем, что Петр I сделал для флота России. Петр I создал флот России, при Кузнецове создан флот Союза, при Горшкове — ракетно-ядерный флот страны Советов вышел в Мировой океан.

Горшков, как никто другой, в Военно-морском флоте, понимал, что капитальное строительство — важнейший элемент, обеспечивающий развитие сил флота и их боеготовность. Он лично руководил этим процессом и требовал, чтобы на флотах следовали его примеру. Круг его обязанностей и ответственности был невероятно велик, но для капитального строительства всегда было и время, и место. По своей человеческой сути Горшков был соединением двух противоположных начал — строитель и воитель. Это был неуемный, вдохновенный строитель кораблей и береговых сооружений. Это был нацеленный только на победу воитель, знающий и понимающий суть современного противостояния двух ядерных держав.

Военный совет ВМФ под председательством Главнокомандующего ежеквартально рассматривал ход капитального строительства. Основной доклад делал начальник ГИУ, затем — заместители командующих по строительству

Северного, Тихоокеанского, Черноморского, Балтийского флотов, Ленинградской военно-морской базы и Каспийской военной флотилии. На заседании всегда присутствовали начальники главных управлений ВМФ и начальник 23 ГМПИ.

Главнокомандующий регулярно, не менее одного раза в квартал, посещал все флоты и ЛенВМБ. При этих посещениях обязательно были осмотры строящихся береговых объемов.

Главнокомандующий знал многих строительных руководителей на уровне начальника УНР, помнил их фамилии, при осмотре внимательно и с интересом слушал их доклады. В команду Главнокомандующего всегда входили начальник ГИУ и начальник 23 ГМПИ или их заместители. Во время этих осмотров мне практически всегда доводилось отвечать на те или иные вопросы Главнокомандующего.

Кроме этих регулярных плановых посещений флотов были многочисленные целевые вылеты Главнокомандующего на флоты по какой-либо конкретной задаче: Горшков не упускал ни единой возможности лично проконтролировать процесс строительства или вникнуть в новый проект. Во время этих перелетов Горшков приглашал начальника ГИУ и меня в свой салон для доклада, ознакомления или обсуждения. При выходе в море Главнокомандующий также не оставлял нас без внимания, брал начальника ГИУ, заместителя командующего флотом по строительству и меня на борт и во время перехода находил время поработать с нами.

Главнокомандующий полагал, что только военный инженер, понимающий суть боевой деятельности флота во всех ее многочисленных проявлениях, способен принимать наиболее целесообразные решения по инженерной подготовке морских театров военных действий. Исходя из этого положения, он брал с собой начальника ГИУ и начальника 23 ГМПИ на учения флотов и на разборы учений, включал в состав участников различных конференций, обсуждающих перспективы и пути развития военного флота. Сопровождая Главнокомандующего, мы прошли такую выучку, которую не в состоянии дать никакой другой способ обучения.

Я всегда удивлялся и даже завидовал работоспособности Горшкова, его умению слушать, вникать в суть проблемы и живому, неподдельному интересу ко всему, что делается на флоте. Память у него была великолепная. Документы не проглядывал, а читал, делая пометки в заинтересовавших его местах. Речь была чистая, правильная, литературная. Я никогда не слышал, чтобы он применял какой-либо жаргон или нецензурное выражение. Выступая перед аудиторией, не читал

заранее напечатанный текст, а говорил своими словами, изредка сверяясь по бумаге и цифрами. Во время посещения флотов, если обстановка позволяла, флотское командование накрывало стол с коньяком, Главнокомандующий произносил тост, выпивал одну рюмку и дальше наблюдал, кто что делает. Естественно, что я пишу только о том, где я сам был и что сам видел. Отпуска у него практически не было. Находясь на отдыхе в Крыму, регулярно вызывал к себе должностных лиц, в том числе начальника ГИУ, и подписывал основные документы. Из обычных человеческих слабостей и увлечений мне известны только две: сауна и охота. В сауну ходил один, с ним был только банщик. На каждом флоте свой, известный и проверенный. Никакого алкоголя. На охоту только с одним егерем и на время не больше суток. При всех вариантах где-то рядом, но не на виду были специалисты со средствами связи, способные мгновенно обеспечить ему связь с руководством страны, Министерства обороны и подчиненными ему флотами. Проявлял большой интерес к истории России и флота. Докладывая новые проекты, мы всегда давали историческую справку, что было на этом месте или что происходило в данном районе. Всегда требовал сравнения: а что у американцев, а как они этот вопрос решают. Особенно внимателен был к командирам кораблей. Когда в строй вступал новый тип корабля, всегда беседовал с командиром и ценил его мнение, не раздражаясь даже тогда, когда слышал явную несуразицу. Однажды в Лиепае я был свидетелем беседы Главнокомандующего с капитан-лейтенантом — командиром малого ракетного корабля на подводных крыльях. Это был опытовый, единственный в Военно-морском флоте новый тип корабля. У него было много новых прекрасных для боевого корабля характеристик, в том числе уникально высокая скорость, порядка 120 км/ч. После вполне толкового доклада о новом корабле Главнокомандующий спросил его командира, а сколько таких кораблей нужно построить для Балтийского флота. Командир ответил — 120 штук. Все присутствующие чуть не рассмеялись от такой нелепости. Максимум, что в перспективе планировалось для флота, лежало в пределах 8–10. Главнокомандующий и вида не подал, что командир сказал что-то не то, и спросил, какие будут просьбы. Командир попросил увеличить штат корабля, Главнокомандующий спросил, а какой он сейчас, командир ответил: 18 человек. Главнокомандующий спросил, зачем, командир ответил: очень большая скорость хода, трудно управлять. Главнокомандующий сказал, что это обоснованное требование, и при таких высоких скоростях увеличение штата необходимо, а потом спросил у командира,

какую должность ему дополнительно ввести в штат. Командир ответил: заместителя командира корабля по политической части. Главнокомандующий сказал командиру: «До свидания», пожал руку и продолжил осмотр других кораблей. Командующий флотом задержался у корабля и успел за мгновение с помощью могучего русского языка и его специфических оборотов сказать командиру корабля, кто он такой, если он додумался с такой просьбой обратиться к Главнокомандующему.

Военно-морские учебные заведения — предмет постоянной заботы и внимания Горшкова. Здесь его интересовало все, вплоть до так называемых мелочей. Для Высшего военно-морского инженерного училища им. Дзержинского жилой дом старой постройки переоборудовался для проживания выпускного курса. Проектный институт предложил планировку, руководствуясь нормами для солдат и матросов срочной службы. В частности, там были спальные помещения на довольно большое число курсантов, туалеты с примыкающими к ним комнатами для умывания. Эти же комнаты предназначались и для курения. Главнокомандующий забраковал этот проект. Выпускной курс — это почти офицеры. Надо, чтобы курсанты на последнем году обучения почувствовали себя офицерами и привыкли к этому. Надо в казарме выпускного курса сделать обстановку офицерского общежития. В спальной комнате — два человека. Мебель, соответствующая нормам гостиниц. Курительную комнату отделить от туалета. Это должна быть не комната, а курительный салон с соответствующим оборудованием, чтобы этот салон напоминал кают-компанию, где офицеры общаются. Главнокомандующий говорил, что сам он не курит, что он против того, чтобы офицеры флота курили, но раз курсанты уже курят, то уважайте их привычки, не заставляйте их терять человеческое достоинство и мусолить папиросы рядом с унитазами. Командование училища предложило не делать дверей в спальных комнатах для того, чтобы всегда можно было проверить, чем занимаются курсанты и не пьют ли они там водку. Главнокомандующий приказал сделать двери. Он мотивировал это тем, что человеку надо дать возможность побыть вне толпы, надо понимать, что нельзя все время быть на виду, что это вредно для психического состояния будущего офицера.

На флоте была такая легенда.

Последний российский царь Николай II планировал своего сына определить по морской части. Так как здоровье наследника было слабое и учиться в морском кадетском корпусе Петербурга ему было нельзя, то Николай II открыл в Севастополе новый морской кадетский корпус, который построили в местечке под

названием Голландия. Горшков на этой базе, практически разрушенной во время войны, открыл Высшее инженерное военное морское училище, которое готовило специалистов для атомного флота. Это учебное заведение без всяких натяжек можно назвать первоклассным, особенно его учебную базу. Я был свидетелем, как Горшков вникал в сущность учебного процесса этого училища. Персональных компьютеров тогда не было, но электронно-вычислительные машины (ЭВМ) прочно вошли в жизнь нашего флота. Горшкову показали аудиторию, где курсанты выполняли учебное задание по курсу ЭВМ. Горшков подошел к одному из курсантов и стал задавать вопросы, на которые тот отвечал довольно бойко. Горшков усложнил испытание и вместо вопросов поставил задачу. Курсант с помощью ЭВМ ее решил. Горшков предложил решить аналогичную задачу, но уже без помощи ЭВМ. Задача была довольно простенькая, но при ее решении надо было выполнить приличное количество арифметических действий, в том числе умножение и деление. Курсант стал на бумажке столбиком умножать и делить. Главнокомандующий спросил, почему он не использует для этих целей логарифмическую линейку. Курсант ответил, что не умеет ею пользоваться. Главнокомандующий спокойно и очень подробно разъяснил, почему в современной войне электроника играет такую важную роль, но надо уметь воевать и при выходе электроники из строя, поэтому логарифмические линейки выбрасывать еще рано.

При посещении Горшковым военно-морских учебных заведений были забавные случаи, свидетелем которых мне довелось быть. В этом же Севастопольском инженерном училище Горшков, закончив осмотр, собирался уезжать. Начальник политического отдела училища пристал к нему с просьбой осмотреть шахматный клуб училища, мотивируя настойчивость тем, что нигде больше в нашем Военно-морском флоте специальных шахматных клубов нет. Горшков согласился, и все пошли в этот клуб, в котором ничего особенного не было: большая комната со столиками, на которых лежали шахматные доски и стояли шахматные часы. Горшков остановился у порога, мельком глянул на помещение, сказал: «Молодцы», повернул и пошел на выход. Начальник политического управления ВМФ адмирал Гришанов В. М. задержался у стенда, где были фотографии выдающихся шахматистов мира. Все фотографии были стандартного производства, выпущенные советскими полиграфическими предприятиями, а одна — Фишера — вырезанная из иллюстрированного заграничного журнала. Дело в том, что в то время в нашей стране личность Фишера была под

запретом. Нигде и никогда в советской печати его фотографий не помещали. Гришанов спросил начальника политического отдела, как фотография Фишера попала в училище. Тот что-то стал мямлить. Гришанов приказал разобраться. Начальник политического управления флота, в ведении которого находилось училище, высказал начальнику политического отдела училища свое о нем мнение. Этот спич был выдержан в эмоциональных тонах, который в переводе на нормальный русский язык означал следующее: «Дуракам закон не писан», «Заставь дурака богу молиться — он лоб расшибет».

В Севастополе функционировало еще одно Высшее военно-морское училище, которое было аналогом Ленинградского высшего военно-морского училища имени Фрунзе. Это тоже было первоклассное военное учебное заведение. Однажды на базе этого училища проводилось совещание под руководством Главнокомандующего Горшкова, участвовать в котором пригласили начальника ГИУ Путяту и меня. После совещания начальник училища пригласил Горшкова осмотреть только что отреставрированный вестибюль училища. Главнокомандующий с большой группой адмиралов, численностью человек пятнадцать-двадцать пришел в вестибюль, где начальник училища подвел их к мраморной доске, на которой были помещены фамилии курсантов, закончивших в разные годы училище с золотой медалью. Фамилий было много, начальник училища гордился ими как свидетельством отлично поставленного учебного процесса.

Во время речи начальника училища Путята взял меня за рукав и подвел в противоположный конец вестибюля, где тоже на мраморной доске были выбиты фамилии выпускников училища, ставших адмиралами.

Путята сказал мне, что ни один из ставших адмиралом не значится в списках закончивших училище с золотой медалью. Дальше начальник ГИУ рассказал мне о том, что в Военно-воздушных силах страны был проведен анализ, кто становится генералом. Оказалось та же картина, что и в Севастопольском высшем военно-морском училище. Золотые медалисты редко проходили в генералы.

Во время нашей с Путятой беседы раздался голос Горшкова: «Что это вы там смотрите?» Путята ответил. Общее молчание. Потом Главнокомандующий посоветовал начальнику училища: «Подумайте, может эти доски стоит разместить в разных помещениях».

Главнокомандующий еще с военных времен был знаком с Л. И. Брежневым и Министром обороны Маршалом Советского

Союза А. А. Гречко, что помогало ему в практических делах.

У Горшкова был свой стиль руководства. Я бы назвал его композитный. Первая составляющая этого стиля была как у Павла I, который на плацу собирал всех власть имеющих, там же заслушивал рапорты, там же разбирался и там же принимал решение. Прохождение дел и принятие по ним решений при Павле I было самое быстрое в истории России до 1917 года. Также и Горшков, который при посещении флота брал с собой всех основных начальников. Набирался полный самолет. Рассмотрение просьб и обращений флота проходило быстро и квалифицированно. Принятые решения документировались. Контроль за их исполнением был организован четкий и жесткий.

Вторая составляющая — обыкновенный ход. Обращайся в соответствующую инстанцию или службу и жди решения.

Горшков был очень требовательный и жесткий Главнокомандующий, не терпел даже малейшего сопротивления своим намерениям и действиям. Был подвержен настроениям. Какая-то фраза или даже слово, сказанное при докладе невпопад, могло вызвать его сильнейшее раздражение и быть причиной действий, прямо противоположных тем, на которые надеялся докладчик. Принятых им решений не пересматривал и не отменял, но в моменты раздражения серьезных решений не принимал. В гневе он все равно знал пределы допустимых действий. Его ближайшее и ближнее окружение сформировалось путем естественного отбора. Оставшиеся работали с Горшковым долго. Это были люди, безусловно, толковые, грамотные и способные выдержать стиль работы Горшкова. Кадровой чехарды в его ближнем и ближайшем окружении не было.

Горшков понимал роль науки в создании современного флота, ценил и уважал ученых, они ему отвечали тем же.

Авторитет у Горшкова был не только в высших эшелонах власти нашей страны, Министерства обороны и Военно-морского флота, но и в тех регионах Союза, где базировался флот.

По линии военной технической информации мне встречались переводы американских военных журналов, в которых давалась высокая оценка личности Горшкова в деле создания современного военного флота и умения управлять им.

Природа наделила Горшкова необыкновенной силой воли и целеустремленностью, не обидела умом и другими талантами. Какие-то высшие небесные силы способствовали удаче в его делах. Все это вместе взятое позволило ему сделать то, чего ждала от него страна и на что были затрачены астрономические размеры денежных средств и ресурсов — создать могучий современный ракетно-ядерный океанский флот, по мощи

сопоставимый с флотом основного вероятного противника.

Как и всегда в России, а потом и в Советском Союзе, с отставкой крупной фигуры начинается процесс выявления допущенных ею ошибок, постепенно переходящий в обливание ее грязью. То же произошло и с Горшковым, особенно после развала страны Советов.

Одним из весомых упреков в адрес Горшкова такой: кораблей настроил, а базировать их негде. Критики обвиняют его в том, что он не сумел сбалансировать темпы кораблестроения с темпами строительства системы базирования и не принял необходимых мер по ускорению создания береговых объектов. Критики правы в том, что отставание в строительстве системы базирования отрицательно влияло на боевые возможности сил флота, и не правы в том, что Горшков не принимал необходимых мер по ликвидации этого разрыва. Как раз именно Горшков и делал все возможное, что позволяли ему его должность, положение в стране и близость к верховному руководству. Делал исключительно добросовестно, напористо и с душой, но решить задачу не смог. Эта задача была ему не под силу, это была прерогатива более высокого уровня руководства.

Военно-морскому флоту, как и другим ведомствам страны, ежегодно выделялись денежные средства на капитальное строительство. Под эти деньги выделялись фонды на оборудование, строительные машины и материалы. Годовой план задавался по валу (сколько денег израсходовано на строительство) и по вводу (на какую сумму введены в эксплуатацию построенные объекты). Военно-морской флот регулярно выполнял план строительства и по валу, и по вводу. Были выполнены громадные строительные работы, сопоставимые по суммарному объему со всем построенным для военного флота от Петра Первого до Иосифа Сталина включительно. В суровых климатических условиях на диких необжитых берегах были построены новые военно-морские базы, аэродромы, первоклассные современные судоремонтные заводы, громадные арсеналы оружия, целые города с плавательными бассейнами и зимними садами и многое, многое другое.

Но всего построенного было явно мало для того, чтобы максимально эффективно использовать боевые возможности сил флота и создать нормальные условия жизни и службы для офицеров и матросов.

Военно-морской флот регулярно обращался в Центральный Комитет партии, Правительство Союза и к министру обороны с докладами о сложившейся ситуации и с просьбами об увеличении средств на капитальное строительство. Мне самому доводилось

принимать участие в подготовке некоторых таких обращений. По этим докладам принимались постановления Совмина и ЦК, издавались приказы министра обороны, какое-то увеличение происходило, но кардинального изменения не было. Главнокомандующий в целях концентрации средств на наиболее важных направлениях издавал свои приказы, в которых обязывал построить какой-либо объект в установленные им сроки. Но и эти приказы из-за недостатка средств не всегда удавалось выполнить.

В Военно-морском флоте составлялся годовой титульный список капитального строительства. В этом списке перечислялись поименно все объекты капитального строительства с указанием суммы денег, которые отпускались в год на каждый объект. Оплату производила финансовая служба ВМФ, которая выполняла роль банка, по акцептам заказчика — ГИУ ВМФ. Если по какому-то объекту в титульном списке была указана сумма в 100 рублей, а счет был акцептован на 105 рублей, то финансовая служба оплачивала только 100 рублей. Финансовая дисциплина была жесткая.

Ежегодно к годовому титульному списку капитального строительства составлялась справка, в которой черным по белому перечислялись постановления ЦК КПСС и Совмина, приказы министра обороны и Главнокомандующего ВМФ, которые не могут быть выполнены из-за недостатка выделенных средств. Руководство всех уровней было прекрасно информировано о действительном положении дел. Министр обороны не мог дать больше ВМФ, так как у него были и Ракетные войска, и Военно-воздушные силы, и Войска противовоздушной обороны, и Сухопутные войска и много-много других структур. ЦК и Совмин не могли больше дать Министерству обороны, так как у них была вся страна и везде так же было трудно.

Я не пытаюсь обелить Горшкова и вывести за пределы критических нападок в его адрес по поводу несбалансированности программы кораблестроения и планов капитального строительства. Просто хочу показать, что он сделал все, что мог, и что кто-то другой вряд ли сумел бы в той системе кардинально изменить положение.

Нынешние критики говорят, что кардинально изменить положение можно было бы, если принять решение сократить на какое-то количество выделение денег на строительство кораблей и лодок и перечислить их на капитальное строительство. При той системе строго централизованного планового хозяйства это было не так просто. Предположим, строителям эти деньги выделили. А где взять строительные материалы и оборудование? Ведь вся продукция промышленности строительных материалов до

кирпичика уже расписана. Надо увеличивать ее мощность. А для этого тоже сперва нужны деньги. Мне хочется, чтобы читатель совершенно ясно представил, что в те времена, кроме денег, нужны были фонды, т. е. плановые задания заводам, фабрикам, карьерам и т. п. продать строго определенное количество своей продукции держателю фондов.

Таким образом, перевод денег с кораблестроительной программы на строительную не дал бы моментального положительного эффекта в строительстве, надо было какое-то время, и немалое время, чтобы строители смогли бы «проглотить» эти деньги.

Зато для судостроителей решение об уменьшении финансирования привело бы к немедленным негативным последствиям. Корабли создает вся страна, это коснулось бы не сотен, а тысяч предприятий. В работе этой машины начались бы сбои, на устранение которых снова нужны были бы и время, и опять деньги.

Главное, что такое решение непременно привело бы к отставанию боевой мощи нашего флота от боевой мощи вероятного противника.

Одной из главных задач 23 ГМПИ была разработка проектной документации для объектов системы базирования атомных подводных лодок (АПЛ). В Военно-морском флоте были и есть АПЛ трех видов: с баллистическими ракетами, с крылатыми ракетами и многоцелевые. АПЛ с баллистическими ракетами предназначаются для удара по наземным целям, с крылатыми — по корабельным группировкам и наземным целям, многоцелевые — для борьбы с подводными лодками и корабельными группировками.

В пункте базирования АПЛ, как и всех других кораблей, объект № 1 — причал. Нет причала — нет пункта базирования. Все многообразие причалов можно разбить на три группы: стационарные, плавучие и рейдовые. В Советском Союзе первые проекты плавучих причалов разработал 23 ГМПИ, за что его авторы стали лауреатами Ленинской премии. АПЛ всех видов при стоянке в базе швартовались только к плавучим причалам типа ПМТ (плавучий металлический тяжелый) или ПЖТ (плавучий железобетонный тяжелый). Плавучие причалы изготавливались на заводах Минсудпрома. Это надежные, удобные в эксплуатации и красивые инженерные сооружения. Можно совершенно определенно утверждать, что без применения плавучих причалов страна не смогла бы в требуемые сроки решить проблему базирования нового военного флота. Плавучие причалы разных типов советского производства установлены во многих портах

зарубежных стран, которые покупали их для своих нужд.

В базе у причалов атомные лодки стоят с заглушенными реакторами, а все необходимые для обеспечения их жизнедеятельности и боевого использования среды и виды энергии подаются с берега специальными установками, проекты которых разработал 23 ГМПИ.

В советском Военно-морском флоте реакторы АПЛ были двух типов. У большинства лодок в качестве теплоносителя была вода, часть лодок имела реакторы с жидко-металлическим теплоносителем.

Перезарядка реакторов с водяным теплоносителем осуществлялась на плаву с помощью комплекса плавучих и береговых средств на специальных площадках. Сущность перезарядки сводилась к тому, что тепловыделяющие элементы (ТВЛ) атомной лодки прямо из реактора помещались в специальные чехлы, автомобильным транспортом доставляемые к хранилищу, в котором был устроен бассейн, облицованный нержавеющей сталью и заполненный водой. В этом хранилище ТВЛ извлекались из чехлов и на специальных подвесках опускались в воду бассейна. Вода аккумулировала избыточное тепло ТВЛ и была наиболее благоприятной средой для происходящих в них процессах, что позволяло в дальнейшем транспортировать ТВЛ на переработку в промышленность.

На этих же площадках было также организовано хранение жидких и твердых радиоактивных отходов.

Реакторы с жидко-металлическим теплоносителем для атомных подводных лодок начали одновременно создаваться как в нашей стране, так и в Америке. Преимущество такого реактора в том, что теплоемкость жидко-металлического теплоносителя гораздо выше теплоемкости воды, что позволяет существенно уменьшить размеры реактора при той же мощности. Кроме того, давление в системах жидко-металлического теплоносителя меньше, чем у водяного, что повышает безопасность работы реактора. Построили по одной лодке у нас и в Америке. Опытовая эксплуатация выявила много неприятных неожиданностей, из-за которых в Штатах эту программу прикрыли, а в нашей стране их сумели преодолеть, и была построена целая серия таких лодок. Это были хорошие многоцелевые АПЛ с высокой степенью автоматизации всех процессов и с самым малым по количеству людей экипажем.

Из-за особенностей реактора базирование этих лодок требовало выполнения ряда условий. Первое из них заключалось в том, что при стоянке в базе с заглушенным реактором необходимо было береговыми средствами подогревать жидко-

металлический сплав теплоносителя, чтобы он не застыл, что привело бы к полному выводу реактора из строя. Это была сложная техническая задача, которая решалась поэтапно, сперва паром, потом электричеством. Была построена котельная с котлом высокого давления, изготовленного по специальному заказу. Трубы везде — нержавеющая сталь, вода — высокой чистоты, получаемая из особой установки. Когда перешли на электрический подогрев, эксплуатация упростилась.

Главным и уникальным было решение по перезарядке лодок, которую можно было производить только на твердом основании. Был построен специальный сухой док, по стенам которого ходил стационарный козловой кран большой грузоподъемности. АЛЛ заходила в док, док осушался, лодка садилась на кильблоки, вырезалась сверху часть прочного корпуса, кран вынимал конструкцию с застывшим теплоносителем и переносил ее на берег в специальное бетонное гнездо. Сверху это гнездо с помощью крана накрывалось толстенной железобетонной плитой. Решение куда, когда и как потом отвозить эту конструкцию с застывшим сплавом в то время принято не было. Таких гнезд было сделано достаточное количество для того, чтобы нормально эксплуатировать и во время производить перезарядку уже построенных лодок.

АЛЛ, как и все другие корабли Военно-морского флота, при стоянке в базе могут находиться в различных степенях боевой готовности. При определенной степени боевой готовности офицеры и матросы должны находиться в непосредственной близости от лодки. Для этой цели были запроектированы и построены специальные казармы с поэкипажным размещением личного состава, где для офицеров были предусмотрены спальные комнаты гостиничного типа.

Начиная со второго поколения АЛЛ с баллистическими ракетами, погрузка ракет на лодки осуществлялась у стационарных причалов специально запроектированными и построенными кранами-кантователями. Это были и есть уникальные погрузочные средства, не имевшие ранее аналогов в мировой практике. За их разработку были выданы авторские свидетельства и вполне приличные по тем временам премии за изобретение, в том числе и сотрудникам 23 ГМПИ. Особенно впечатлял своими размерами и четкостью инженерных конструкций двуконсольный кран-кантователь для морских баллистических ракет тетьего поколения. Прямо Эйфелева башня в Заполярье, только с двумя мощными растопыренными руками.

Все операции по приготовлению к выдаче на лодки ракет и их погрузке отличались скрупулезной педантичностью и страховкой

от всех возможных негативных последствий. Одной из возможностей катастрофического плана была гипотетическая вероятность самопроизвольного пуска ракеты во время погрузки. Ракету подняли над лодкой, в это время гром и молния, гром по ушам, а молния в ракету, что-то в ней сработало, двигатель ракеты запустился, и она полетела туда, куда была ранее запрограммирована. Началась третья мировая война. Инструкцией были категорически запрещены погрузочные работы в плохих погодных условиях. В Заполярье гроз не бывает, и молнии никогда не сверкают. Строительными нормами молниезащиту там делать не требуется. Но вдруг: начали грузить в хорошую погоду, что-то в погрузчике испортилось, ракета висит. Неполадку не могут исправить несколько часов, ракета все висит, погода портится, и сверкнула молния, которая была в этом месте последний раз десять тысяч лет назад, а следующая будет еще через десять тысяч лет. Молния в ракету, ракета полетела. Вот на этот гипотетический случай 23 ГМПИ запроектировал молниезащиту погрузчика. С двух сторон погрузчика были установлены мачты, высота которых настолько превышала высоту погрузчика, что молнии, если бы она вдруг появилась, к погрузчику и ракете было бы не добраться. Ее бы перехватили мачты молниезащиты.

Хранение и транспортировка морских баллистических ракет одного из видов требовала особой технологии по линии медицинской и экологической безопасности. Топливо и окислитель этих ракет — вещества токсические, загрязненные ими поверхности нейтрализации практически не поддаются. При аварийной протечке возможен выход хранилища из строя или экологически опасное загрязнение территории. Проектом 23 ГМПИ были предусмотрены все необходимые устройства, блокирующие возможные негативные последствия при аварийной протечке.

Во время создания другого вида морских баллистических ракет разработчики потребовали от 23 ГМПИ создать в хранилище определенный температурно-влажностный режим. В числе этих требований была задана минимально допустимая температура стен помещения. Хранилища проектировались в скальной выработке. Как хорошо известно, в глубине скалы температура постоянная. Как ее ни нагревай, всю толщину никогда не прогреешь. Этим с давних пор пользуются виноделы, закладывая на длительное хранение свои марочные вина. Не надо никакой автоматики по поддержанию постоянной температуры. В скале она все равно будет постоянная и как раз такая, какая нужна, чтобы со временем получилось первоклассное вино. На

совещании главных конструкторов, участников создания этого нового типа ракеты, которое проводил генеральный конструктор академик А. П. Макеев, я доложил, что выполнить требование разработчика по температуре стены помещения не представляется возможным. Макеев был очень жесткий генеральный конструктор и умел заставить большой коллектив главных конструкторов подчиняться его воле и его замыслу. От моей просьбы снизить требования по температуре стены он моментально и с раздражением отмахнулся, так как посчитал эту просьбу просто вздорной. Тогда я рассказал про виноделов и показал ему строительные нормы и правила, где регламентировались температуры стен для всех возможных вариантов строительства. Самые жесткие требования были для тех комнат родильных домов, где содержались только что родившиеся малыши. Требования разработчиков новой ракеты к температуре стен хранилища были жестче, чем требования к температуре стен в родильных домах. Тут Макеев оставил меня и взялся за разработчиков: «Зачем флоту нужна такая ракета, которую можно хранить только в родильных домах?» Кончилось тем, что разработчик снял свои непомерные требования.

По проектам 23 ГМПИ были построены учебные центры для подготовки экипажей атомных подводных лодок. Один из них, самый крупный, остался за границей — в Эстонии, в городе Паддиски. В центре были установлены действующие реакторы АПЛ двух типов, на которых экипаж отрабатывал свои задачи. Центр в основном был нацелен на подготовку экипажей АПЛ с баллистическими ракетами. Подготовка велась по двум принципам. Первый — подготовка по специальности. Каждый специалист отдельно тренировался на тренажере своего профиля. Второй — экипажный. Весь экипаж во главе с командиром отрабатывал совместные действия в различных ситуациях.

В центре вели подготовку вновь сформированных экипажей, а также межпоходовую тренировку. В связи с модернизацией лодок и появлением новых проектов центр постоянно реконструировался, в том числе к нему пристраивали дополнительные помещения. В начале главный учебный центр выглядел вполне прилично, можно сказать, даже внушительно. После пристроек у главного корпуса внешний эффект был потерян. По линии военной технической информации мы познакомились с американским учебным центром для АПЛ. Они сделали умнее. Сперва построили одно здание, стали расширяться, построили точно такое же здание, параллельно первому, и соединили их по центру коридорной вставкой, потом еще одно, далее еще одно. Получилась стройная композиция,

позволяющая постепенно наращивать емкость, не затрагивая и не мешая работать существующему. При учебном центре был построен вполне приличный жилой и казарменный городок.

Палдиски — знаменательное место в истории российского и советского флотов. Петр I начал строить в Пал-диски главный порт Балтийского моря. Эта стройка продолжалась даже при Екатерине II. На каторжные работы в Палдиски был сослан Салават Юлаев — легендарный герой башкирского народа, ближайший сподвижник Емельяна Пугачева. Природные условия в этом месте крайне неблагоприятные для портового строительства, поэтому главного порта здесь не получилось, но дизельные подводные лодки Балтийского флота базировались здесь вполне нормально.

Непосредственно перед развалом Союза в Палдиски была построена по проектам 23 ГМПИ опытовая база для испытания подводных лодок новых типов. Все это теперь тоже за границей.

Упрощенно «холодную войну на море» можно представить так. АЛЛ с баллистическими ракетами, как советские, так и вероятного противника, постоянно несут боевую службу на просторах Мирового океана, готовые в любой момент по команде выпустить ракеты по заранее определенным целям на территории противника. Многоцелевые подводные лодки, надводные противолодочные корабли и противолодочная авиация, как советская, так и противника, постоянно несут боевую службу на этих же просторах Мирового океана, стараясь обнаружить АПЛ противника с баллистическими ракетами. Обнаружив лодку, стараются как можно больше по времени отслеживать ее местонахождение и по команде уничтожить преследуемую лодку. Кто первый уничтожил АПЛ противника с баллистическими ракетами, тот выиграл войну. Конечно, приведенным выше не ограничивается сфера «холодной войны на море». Но принцип остается. За любой корабельной группировкой противника — слежение и готовность к ее немедленному уничтожению. За любой попыткой противника с моря вмешаться в дела дружественных стран постоянное дежурство десантных кораблей с морской пехотой на борту, готовность немедленно высадиться на берег и провести равновеликую с противником контроперацию.

Из сказанного выше ясно, что первым элементом войны на море является комплекс «скрытность — обнаружение». Каждый старается быть невидимым для противника. И в то же время своевременно обнаруживать врага. Шумы и физические поля — вот что надо скрывать и вот что помогает обнаруживать противника. Эти проблемы были одним из главных направлений

фундаментальной и отраслевой науки, конструкторских бюро и промышленности.

В Хари-Лахте, вблизи Таллина, по проектам 23 ГМПИ был построен научно-исследовательский полигон Военно-морского флота, занимавшийся исследованием и испытанием шумности и физических полей как отдельных видов оборудования, так и кораблей в целом. Хороший полигон и отличные специалисты. На этом полигоне была специальная камера для испытания акустических характеристик оборудования и приборов. Ее размер был приблизительно как размер кухни в хрущевских домах. Ради интереса я зашел в камеру, меня там закрыли секунд на сорок. Прошло почти два десятка лет, а я до сих пор помню это жуткое ощущение абсолютной тишины. Сейчас все это за границей, все не наше, все эстонское.

В Балаклаве, на Черном море, по проектам 23 ГМПИ был построен еще один научно-исследовательский полигон Военно-морского флота. Там был большой бассейн для испытания моделей кораблей и морской полигон для опытовых подводных лодок. Там же, в Балаклаве, по проектам 23 ГМПИ было построено и эксплуатировалось первое в Союзе подземное укрытие для дизельных подводных лодок. Все это тоже теперь не наше, все-все украинское, другой страны.

Атомные подводные лодки в базе — отличная цель для вероятного противника. Не надо их искать в море, все на виду. Нападай авиацией, посылай ракеты, направляй подводных диверсантов — все средства приемлемы.

Член Политбюро КПСС, министр обороны А. А. Гречко во время визита в Швецию посетил скальные укрытия для боевых кораблей, сразу оценил их высокую эффективность и принял решение создать подземные базы — укрытия для атомных подводных лодок.

В середине семидесятых годов началось проектирование и строительство подземных баз — укрытий для атомных подводных лодок. Строительству баз был присвоен повышенный гриф секретности и установлен жесткий режим допуска к этим работам.

Конечно, укрытия были нужны флоту. Но строительство было организовано так, что вместо пользы принесло нашей стране только вред.

Сейчас недостроенные укрытия показывают по телевизору как свидетельство неоправданной траты громадных средств. А ведь это была одна из самых великих и крупных флотских строек за всю историю российского и советского Военно-морского флота.

Заместитель министра обороны по строительству

Комаровский, после полученного от Гречко распоряжения организовать создание укрытий, собрал руководящий состав инженерно-строительных органов Министерства обороны и Военно-морского флота, на котором поставил задачу по проектированию и строительству баз-укрытий АПЛ. На этом совещании присутствовал начальник 23 ГМПИ Соломонов. По его рассказу, он попытался уточнить у Комаровского поставленную задачу, в том числе какие типы лодок будут находиться в укрытии, какие виды ремонтных работ там будут проводиться, какой степени защиты следует добиваться при проектировании и т. п. Вместо того, чтобы вникнуть в суть задаваемых вопросов и оценить всю неопределенность начинаемой работы, Комаровский вспылил, расценил уточнение задачи попыткой саботажа и нежеланием участвовать в этой работе. Заместитель министра обороны по строительству сказал, что с таким настроением, как у 23 ГМПИ, участвовать в такой важной и ответственной работе недопустимо, поэтому поручил разработку проекта одному из армейских проектных институтов. Это был хороший институт с высококвалифицированными специалистами по общестроительным и подземным работам. Армейский институт, не имея достоверных исходных данных, в меру своего понимания поставленной задачи в течение нескольких дней определил сугубо ориентировочно объемы и стоимость строительства, которые оказались высокими по тем временам, но реальными. Экспертизы проделанной работы организовано не было. По этим сугубо ориентировочным прикидкам был оформлен очень серьезный документ, разрешающий строительство. Конечно, Комаровский был отличным организатором: через Совет Министров СССР привлек к работе лучшие и квалифицированные организации других министерств, немедленно выделил все требуемые фонды, добился существенных льгот для участников реализации проекта и т. п. Но он так и не смог сделать основного — утвердить установленным в Союзе порядком задание на проектирование и сам проект. Там было столько нелепостей, что должностные лица, не подконтрольные Комаровскому, которые должны были согласовывать документы, отказались это сделать. Самая крупная стройка ВМФ началась без утвержденного проекта. Комаровский добился финансирования стройки без утвержденного проекта, включив ее в разряд особо важных, для которых был установлен особый порядок кредитования.

Началась разработка рабочих чертежей: в армейском проектном институте специалисты были высокой квалификации, отлично понимали, что без технологов им ничего не удастся сделать, поэтому они обратились к Комаровскому с просьбой

изменить его решение относительно 23 ГМПИ. Комаровский согласился, и мы подключились к проекту. Работали армейский и флотский институты дружно. Через некоторое время стало ясно, что генеральным проектировщиком должен быть институт, который решает технологию. 23 ГМПИ был назначен генеральным проектировщиком.

С самого начала стройка пошла не только хорошо, но и красиво. Проектом были определены габариты главных туннелей. Начались проходческие работы, которые велись современными методами на высоком техническом и организационном уровне.

Года через полтора после начала строительства баз-укрытий мне довелось на крейсере, который шел к одной из таких баз, участвовать в докладе министру обороны Гречко проектных материалов по развитию системы базирования флота. Доклад происходил в кают-компании. На нем присутствовали только Главнокомандующий ВМФ, заместитель командующего флотом по строительству, начальник ГИУ ВМФ и я. Гречко слушал внимательно, моментально схватывал суть, обсуждение происходило в спокойной деловой обстановке. Министр одобрил основные проектные решения по развитию системы базирования, в том числе и по подземной базе-укрытию АПЛ. На месте министр ознакомился со строительством укрытия и остался удовлетворен ходом работ.

Неприятности всплывали перманентно по мере разработки проекта. Все оказалось гораздо сложнее, больше по объему и дороже. Когда года через три после начала строительства была завершена разработка проекта, то оказалось, что первоначальная стоимость, которую Комаровский докладывал министру обороны и по размерам которой было принято решение о строительстве, была занижена во много раз. Дело было сделано. Много, даже очень много денег потрачено, конца не видно. К власти пришел Горбачев. Финансирование капитального строительства Военно-морского флота было резко уменьшено. Для завершения стройки у страны денег не было. Стройка была остановлена.

23 ГМПИ поручили разработать варианты завершения стройки под объекты другого назначения. Разрабатывались самые различные предложения. Все получалось очень дорого и не очень удобно.

Недостроенные штольни остались как чрезвычайно дорогой по затратам памятник эпохи холодной войны.

Наши военно-морские базы находились на значительном расстоянии от тех мест, где корабли несли боевую службу. Переходы снижали эффективность использования корабельных сил и убыстряли износ материальной части. Советским

правительством по просьбе командования Военно-морского флота было подписано соглашение с правительством Вьетнама об аренде военно-морской базы Камрань, которая находилась гораздо ближе к местам несения боевой службы. В Камрани была только бухта и один почти развалившийся от старости причал. Все было советской стороной заново построено по проектам 23 ГМПИ. Сейчас все это возвращено Вьетнаму. Наш флот плавает только около своих баз, а в Мировом океане один хозяин — Америка.

В семидесятых — начале восьмидесятых годов Военно-морской флот нашей страны проводил очень серьезные исследования Мирового океана. Одну из океанографических экспедиций возглавлял адмирал Владимирский Л. А. Среди множества задач этой экспедиции была задача найти в океане атолл, не имевший еще государственной принадлежности, который можно было бы путем его надстройки превратить в остров и на нем построить пункт базирования для ВМФ. После возвращения из экспедиции Владимирский в целях ознакомления с результатами работы посетил 23 ГМПИ, которому было поручено дать заключение о технической возможности такого строительства. Для меня Владимирский был легендой. Его фамилию как адмирала, командовавшего обороной Севастополя, я знал еще мальчишкой в суровые военные годы. Он остался в моей памяти умным, образованным и высококультурным человеком.

Лет через пять после экспедиции Владимирского изыскательская партия 23 ГМПИ с гидрографическим судном была направлена на один из атоллов в Южном полушарии, чтобы произвести инженерные изыскания для проектных работ, имеющих целью выявить техническую возможность и обосновать целесообразность превращения этого атолла в остров для строительства на нем пункта базирования. Изыскательная партия была оснащена плавучей буровой установкой и всем другим оборудованием для геологических, топографических и гидрологических работ. Работы были начаты, но затем — свернуты. Больше к этой теме возврата не было.

По планам военно-технического сотрудничества специалисты 23 ГМПИ работали во многих странах, занимались проектированием сооружений, обеспечивающих использование военно-морской техники и вооружения, которые эти страны приобретали в СССР. У начальника 23 ГМПИ был заместитель по заграничным делам инженер-полковник Лубянский М. Я., в подчинении которого работали отделы экспортной технической документации.

Система базирования советского Военно-морского флота, объекты которой располагались только на территории Советского Союза, не могла в полной мере обеспечить несение боевой службы наших сил на просторах Мирового океана.

Использование базы Камрань и тех возможностей, которые оговаривались Варшавским договором, давали дополнительные плюсы нашей системе базирования, но этого все равно было недостаточно.

По договорам со странами, с которыми у нас было военно-техническое сотрудничество и для которых наша страна проектировала и строила пункты базирования, Советский Союз получал возможность использовать эти пункты для временного захода наших кораблей с целью пополнения запасов и отдыха личного состава.

Последнее также способствовало увеличению возможностей нашей системы базирования.

Новый 1977 год я встречал в Могадишо — столице Сомали, куда был командирован по нашим проектным делам. В Сомали работала самая крупная советская группа специалистов-строителей, которая по проектам 23 ГМПИ построила две отличные военно-морские базы: в Кисмайе и в Бербере.

Правительство Сомали обратилось к правительству Советского Союза с просьбой обследовать морской порт Могадишо с целью выявить возможность создания там военно-морской базы, чем я с группой специалистов и занимался в той командировке. Работал я совместно с командующим флотом Сомали, его начальником штаба и начальниками главных управлений флота. Все они учились в Советском Союзе, прилично знали русский язык, поэтому в процессе работы мы все говорили на одном языке — русском. Как только начинались официальные переговоры, сразу переходили на итальянский — с советским переводчиком.

Результаты проделанной работы я совместно с советским главным военным советником в Сомали докладывал вице-президенту Сомали товарищу Самантару. Тогда они к нам, а мы к ним обращались со словом «товарищ».

Через пару дней Самантар через главного военного советника передал, что президент страны Сиад Барре по политическим мотивам изменил ранее принятое решение и просит рассмотреть возможность создания новой военно-морской базы в другом, удаленном от столицы месте. Я запросил центр и стал ждать решения.

В ожидании решения центра командующий флотом пригласил меня посетить военно-морскую базу Кисмайя. Ехали по

пустыне на автомобилях колонной с вооруженной охраной. Перед началом поездки меня спросили, пересекал ли я когда-нибудь экватор. Я ответил, что нет. На каком-то участке моя машина остановилась, мне предложили выйти и пешком перейти условную линию экватора. Все остальные проехали на машинах. Это — традиция. На корабле новичков окунают в бочку с водой, на суше заставляют переходить экватор только пешком.

После песчаной безлюдной и безлесной пустыни с редкими нищими поселками на пути, Кисмайя смотрелся отлично. Парк с тропической растительностью, вода, обезьяны прыгают, страусы ходят, красивые сомалийки гуляют, приличный ресторан, хорошая гостиница — в общем, все то, что может привлечь туристов со свободно конвертируемой валютой.

При въезде на территорию базы командующего флотом встретил почетный караул из десятка матросов, которые в качестве приветствия выделывали с оружием цирковые номера, подкидывая его вверх, хлопая ладошками и стуча прикладами об асфальт. Командующий флотом вышел со стеком, как это было принято ранее в итальянском флоте, ему отдали рапорт и тут же распустили строй. Командующий флотом пригласил меня осмотреть базу. Все было новенькое, только что построенное, полностью укомплектованное оборудованием, поэтому смотрелось вполне прилично. База небольших размеров, за полчаса всю ее и осмотрели. Меня удивило, что в казарме кроватей не было, матросы на циновках спали на полу. На судоподъемнике у сомалийцев возникли проблемы, пошли взаимные обвинения, они — нас, мы — их. Этим мы и занимались до возвращения в Могадишо.

Вернулись в Могадишо, решения из Москвы еще нет. Командующий флотом пригласил посетить Берберу, куда мы с ним и полетели на самолете. Бербера — это не Кисмайя. Раскаленный песок вокруг, он же и в городе, он же и в базе. Растительности практически нет. В Бербере советские строители с привлечением сомалийских специалистов сделали много. Во-первых, первоклассный аэродром с взлетно-посадочной полосой длиной 4 км. На такую полосу можно базировать любые тяжелые сверхдальние самолеты как военные, так и гражданские. Во-вторых, арсенал оружия. В-третьих, пункт базирования с судоремонтной мастерской. Последнее — жилой и казарменный городок, в котором был и лазарет. Отлично спроектированный, хорошо построенный и оборудованный для Сомали лазарет был почти чудом.

Вернулись в Могадишо — из Москвы пришло решение. Новое место посмотреть, никаких документов сомалийской стороне не

оставлять, на словах сказать, что все пришлем из Союза.

На новое место выехали автомобильной колонной с охраной. Я находился в одном автомобиле с начальником штаба флота. Все автомобили были марки ландровер, только один советский — уазик, на котором везли воду и продукты. Дороги не было — ехали по пустыне. Ландроверы — отличные комфортабельные машины, специально приспособленные для бездорожья. Начальник штаба флота хвалил их и притворно сожалел о том, что советскому уазику еще далеко до ландровера. Все шло хорошо, пока ехали по твердым пескам. Когда пошли рыхлые, то ландроверы забуксовали и уазик поочередно помогал им преодолевать трудные участки, которых по мере углубления в пустыню становилось все больше. Тут уж я с полным правом при каждой буксировке повторял начальнику штаба: «Советское — значит лучшее».

Когда прибыли на место, то нашим первым желанием было искупаться в море. Подошли в берегу — одно очарование: пологий плотного песка берег плавно уходит в воду идеальной чистоты и прозрачности, в которой мерно качаются водоросли чудной красоты и мелькают невиданные ранее нами рыбки. Невдалеке от берега увидели кучу камней, явно дело рук человеческих. Спросили, что это такое. Ответили: во время прошлой войны на это побережье, плоское, как стол с хорошо утрамбованным морскими волнами и ветром песком, одновременно приземлились двенадцать итальянских самолетов. Летчики выскочили из самолетов и бросились в море, живым остался только один, остальные погибли от укусов акул. Куча камней — это памятник над их могилой. Купаться нам как-то сразу расхотелось. Нам объяснили, что в море вдоль берега идет коралловый риф, который акулы не могут преодолеть, поэтому вблизи уреза воды купаться безопасно. Итальянские летчики погибли потому, что заплыли в море за этот барьер. Мы выкупались, но быстренько и все-таки находясь в напряжении. Барьер барьером, а вдруг там дырка появилась.

Место обследовали основательно, составили обстоятельный отчет по установленному порядку, который представили в Москву. Перед отъездом вместе с главным военным советником я еще раз был на приеме у Самантара. Вице-президент сказал, что Сиад Барре ожидает ответа советской стороны, можно ли построить военно-морскую базу в обследованном нами районе и какова будет помощь Советского Союза в ее строительстве. Самантар посетовал на то, что объем помощи со стороны Союза меньше того, на что рассчитывала сомалийская сторона.

Моя командировка в Сомали совпала со временем, когда

отношения между нашими странами стали резко ухудшаться. Это чувствовалось во время всех встреч и переговоров. При всяком удобном и неудобном случае на всех уровнях было одно и то же — Советский Союз помогает мало, надо давать Сомали больше, больше и еще раз больше. Через некоторое время после моего возвращения из командировки в Сомали наше правительство отозвало из этой страны советских специалистов.

Современный и качественный судоремонт — важнейший фактор боеготовности Военно-морского флота. К началу семидесятых годов строительство нового флота шло во много раз быстрее наращивания мощностей и модернизации существующей судоремонтной базы ВМФ. Главное инженерное управление и Главное управление судоремонтных заводов (ГУСРЗ) подготовили предложение по совершенствованию судоремонтной базы флота, которое послужило основой для принятия соответствующего постановления ЦК КПСС и Совмина СССР. Головной проектной организацией по выполнению этого постановления был определен 23 ГМПИ, его субподрядчиками были конструкторско-технологические бюро (СКТБ) ГУСРЗ и десятки специализированных организаций страны, в том числе на первом месте — Московский промстройпроект — автор проектов всех новых крупнейших автозаводов Советского Союза.

Начальник ГУСРЗ А. М. Геворков и все без исключения начальники его заводов и СКТБ делали все возможное, а иногда и невозможное для того, чтобы в 23 ГМПИ работа по судоремонту шла без задержек. С самого начала был взят курс на создание современного производства, способного мгновенно перестраиваться при изменении технологии ремонта, оборудования, назначения цехов или типа ремонтируемых кораблей. Шло поэтапное рассмотрение и сопровождение проектных работ. Разрабатывается технико-экономическое обоснование завода — ГУСРЗ и завод, рассматривают его до выпуска из 23 ГМПИ, то же было и с разработкой документации на стадии рабочего проекта. Не было ни одного случая, чтобы ГУСРЗ прислало рекламацию на стадии рабочего проекта. Все притирки, вся ругань, все эмоции были в процессе разработки, а не после выпуска проекта.

Вот один из примеров ругани во время работы. Для одного из крупных заводов по ремонту АПЛ на Северном флоте ГУСРЗ настаивало на том, чтобы причальный фронт был стационарным, что удобно для ремонта, но дорого по стоимости и продолжительно по срокам строительства. ГИУ предлагало плавучие причалы, у которых также можно швартовать АПЛ при ремонте и которые дешевле и быстрее в строительстве. 23 ГМПИ

эскизно начертил оба варианта, подсчитал стоимости и составил таблицу, где классифицировал плюсы и минусы обоих вариантов. Начальник ГИУ Анфимов не мог согласиться на стационарные причалы, так как точно знал, что таких денег не будет, а начальник ГУСРЗ Геворков не хотел упустить шанс получить хороший причальный фронт. Договорились доложить о решении первому заместителю Главнокомандующего ВМФ адмиралу флота Касатонову В. А. Меня с чертежами и таблицами взяли для справки. Пришли на доклад часам к десяти утра. Сразу же разгорелся спор. Касатонов минут десять слушал, потом сказал: «Вы тут спорьте до тех пор, пока не найдете общего решения», вызвал адъютанта, поручил регулярно поить нас чаем и уехал. Перед обедом Касатонов зашел в кабинет и, узнав, что общего решения не найдено, пошел обедать, предупредив, что нас это, т. е. обед, не касается. После обеда он зайдет узнать, как дела, если согласованный документ не будет готов — он оставит нас до конца рабочего дня, а сам будет работать в другом месте. Вот тут Анфимов и Геворков дрогнули, вяло переругивались еще минут пятнадцать, потом оба расписались на чертеже с плавучими причалами. Пришел Касатонов, посмотрел на согласованный документ, поблагодарил за работу и разрешил удалиться. Таким образом, Касатонов потратил на рассмотрение не более двенадцати минут, а в результате сделал два больших дела: первое — было принято оптимальное решение по конкретному вопросу, второе — отбило напрочь охоту приглашать его на роль судьи, когда есть возможность самим договориться.

Наблюдая за Касатоновым, я всегда поражался его умению руководить процессом рассмотрения сложных вопросов и нестандартным приемам, применяемым для их решения.

Первый пример. В начале семидесятых годов в интересах ВМФ планировалось начать крупное строительство в Магадане. Все необходимые обоснования «за» и «против» этого начинания были в материалах 23 ГМПИ. Споров по этому проекту было так много, что Главнокомандующий ВМФ для рассмотрения этого вопроса назначил комиссию под председательством Касатонова, в состав которой был включен и я. Комиссия во главе с Касатоновым специальным самолетом прилетела в Магадан. Стоял декабрь месяц. Мороз. Ветер. Сидим в холле гостиницы, ждем приглашения на рассмотрения. Входит адъютант Касатонова и передает распоряжение выехать на предполагаемое место строительства, там познакомиться с обстановкой и разработанными проектной организацией материалами. На двух уазиках, утепленных изнутри солдатскими одеялами, приехали в назначенное место. Я разложил на капоте чертежи и стал

докладывать членам комиссии существо инженерных решений. Если я выше написал слова «мороз» и «ветер», то там речь шла о Магадане, а за Магаданом на берегу Охотского моря это уже были морозище и ветрище, да еще такие, полную сущность которых наиболее точно можно выразить словами, получившими права гражданства только в постсоветской России. Через десять минут все члены комиссии попрятались в машины, продолжая там спор на тему «за» и «против». Стали ждать Касатонова. Он приехал через час, когда процесс ожидания подвел членов комиссии к мысли о необходимости принятия согласованного решения. Все вышли, собрались вокруг Касатонова, стоящего у разложенных на капоте автомобиля чертежей. Адъютант Касатонова раздал членам комиссии проект решения. Касатонов предложил его рассмотреть и сказал, что дело важное, поэтому мы будем его здесь обсуждать до тех пор, пока не выработаем согласованного решения. После десяти минут рассмотрения проекта и его обсуждения на морозе было найдено общее согласованное решение.

Второй пример. После завершения в Николаеве основных работ на первом советском авианосце «Киев» (официальное название — тяжелый авианесущий крейсер ТАКР) его готовили к переводу в Севастополь для достройки. Касатонов прибыл в штаб Черноморского флота для проверки готовности к приему «Киева» и к работе по его достройке. В кабинете командующего флотом было человек тридцать сотрудников Минсудпрома и ВМФ, ответственных за тот или иной участок работ по приему корабля, в том числе и я. Касатонов по списку вызывал очередного ответственного для доклада обстановки. Почти каждый доклад вызывал реакцию соисполнителей, грозящую перерасти в цепную и неуправляемую. Касатонов четко регулировал накал страстей взаимных претензий, направляя их в общее русло решения поставленной задачи.

Последний в списке был я. Касатонов не стал слушать моего доклада, а просто спросил, надежны ли наши рейдовые устройства, не будут ли они причиной новой беды, свойственной для этого места стоянки.

Дело в том, что рейдовая стоянка для «Киева» была устроена на том же самом месте, где в начале XX века затонул от взрыва линейный корабль «Императрица Мария», а в послевоенное советское время опять от взрыва перевернулся и затонул линейный корабль «Новороссийск». Причины этих двух катастроф так и не были однозначно установлены. Масштабы двух трагедий и покрывающая их тайна не перестают до сих пор волновать и интересовать специалистов и флотскую общественность. Всякий

моряк немного суеверен, поэтому Касатонов и беспокоился, как бы это проклятое место вновь не принесло беды нашему флоту.

Я доложил, что рейдовые устройства надежны, а швартовые устройства самого корабля — нет. На корабле не предусмотрены якорные цепи. Швартовые устройства выполнены в виде стальных тросов, которые способны удерживать корабль только при скорости ветра не выше 14 м/с. Такой ветер — не редкость, а нормальное явление. Реакция на мой доклад была такая: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Касатонов и другие моряки стали говорить, что якорь-цепи есть на всех крупных военных кораблях и судах военного флота. Те читатели, которые видели крейсер «Аврору» в Ленинграде-Петербурге, могут вспомнить, что он стоит на четырех рейдовых бочках, а к этим бочкам корабль швартуется тяжеленными и толстенными цепями, выходящими из клюзов корпуса. Касатонов спросил главного конструктора проекта корабля, что со швартовыми креплениями корабля. Тот ответил — нормально. То же самое ответил и начальник Главного управления кораблестроения (ГУК) ВМФ. Я вновь доложил, что рейдовые устройства надежны, а швартовые устройства корабля — нет. Это уже было серьезно. Два линкора перевернулись на этом месте, в присутствии трех десятков ответственных руководителей флота и промышленности делается заявление, что можно ожидать и третьей катастрофы. Касатонов отдает приказание первому заместителю командующего Черноморским флотом Самойлову, заместителю начальника ГУК ВМФ Новаку, начальнику ГИУ ВМФ Анфимову, главному инженеру 23 ГМПИ Манойлину, командиру «Киева» Соколову, представителям конструкторского бюро Минсудпрома и Николаевского судостроительного завода вылететь в Николаев. Настроение у меня было — хуже некуда. А вдруг у меня устаревшие сведения, вдруг там все уже в порядке, а я наделал своим докладом столько шумихи — специальный самолет, сколько ответственных людей оторвал от дела и т. п. Прилетели в Николаев, пошли на корабль. Все оказалось по-моему.

Мне было интересно, как ГУК и КБ-разработчик будут докладывать Касатонову. Мне рассказали, какую телеграмму Новак послал Касатонову. Ее текст явился для меня ценным учебным пособием, как выходить из положения перед начальством, когда сделал явный «ляп», а признаваться в этом не хочется. Смысл телеграммы: «По Вашему приказанию осмотрели корабль. Установили: нос корабля на месте, корма позади носа, мачту красят, в кают-компанию завозят мебель, что касается швартовых креплений, то на месте даны указания по их

усилению. Точка».

Швартовые устройства авианосцев «Киев», а затем и «Минска» не обеспечивали их стоянку у причала или на рейдовых бочках при сильных ветрах. 23 ГМПИ выпустил специальную инструкцию по швартованию, которая была принята флотами к руководству. В этой инструкции говорилось, при каких ветрах надо сниматься и уходить в море. Я сам видел, как во Владивостоке у стенки судоремонтного завода производили дополнительное усиление швартовки «Минска». Не доверяя штатным устройствам, судоремонтники пропустили дополнительные тросы под килем корабля, потом по борту, потом по палубе, а затем уже к береговым тумбам. Короче, обмотали корабль тросами и привязали в берегу.

Когда закончилось строительство, то «Киев» включили в состав Северного флота. Рейдовый причал для него проектировал 23 ГМПИ. Он представлял собой больших размеров металлическую бочку, которая на цепи крепилась к железобетонному массиву, лежащему на дне. К бочке «Киев» швартовался своими швартовами. По расчету цепь нужна была такого большого калибра (толщины), каких в Советском Союзе не делали. Купили за границей. В один из штормов «Киев» сорвало со стоянки и вместе с бочкой понесло на берег. Находившийся вблизи буксир немедленно пошел на выручку, успел встать между «Киевом» и скалистым берегом, чем предотвратил аварию. Капитан буксира проявил недюжинную смелость и отличную морскую выручку, за что и был поощрен. Проектировщики 23 ГМПИ прибыли из Ленинграда на флот через несколько часов после происшествия и немедленно включились в работу. Главное — установить почему. Установили — лопнула якорная цепь. В металле — явный брак. Цепь имела сертификат Ллойда. Скандал. Надо вызывать представителя Ллойда и оформлять претензии, но вызывать его нельзя. Когда покупали цепь, то ее назначение указали — крупнотоннажный танкер, т. е. для мирных целей, а установили для военного корабля. Просто взяли другую цепь, приобретенную за рубежом для мирных целей, и прикрепили ее к бочке военного корабля.

При проектировании «Киева» большое внимание уделяли максимально возможному уменьшению его водоизмещения, что должно было способствовать повышению боевых возможностей корабля. В целях уменьшения водоизмещения «Киев» не имел вспомогательных котлов, которые ранее имели все крупные военные надводные корабли.

Вспомогательные котлы обеспечивали жизнедеятельность корабля при его стоянке на рейде или у стенки. На основных,

главных котлах эти корабли ходили в море и воевали.

Обеспечить «Киев» паром и электроэнергией с берега можно было только у стационарного причала, который из-за своей высокой стоимости не мог быть построен к моменту прибытия корабля на флот. Котельная и система подачи электроэнергии на борт «Киева» не могли быть построены с применением серийного оборудования, нужны были специальные разработки и специальные заказы. Эту задачу не удалось решить.

«Киев» гонял свои главные котлы все время, поэтому ремонтировались они гораздо чаще, чем рассчитывали его создатели. Уменьшение его водоизмещения привело к результату, называемому «с точностью наоборот». Из-за того, что не были сбалансированы возможности кораблестроения и возможность капитального строительства, корабль ремонтировался гораздо чаще, а срок его службы оказался меньше, чем рассчитывали его создатели.

«Киев» был для нашего ВМФ прорывом вперед. Наша гордость, памятная страница истории флота. Но это был не совсем тот авианосец, которого ждал флот. Палубная авиация «Киева» состояла из самолетов вертикального взлета и корабельных вертолетов. Самолеты вертикального взлета тратили половину заправки топлива на взлет и посадку, их полет продолжался очень малое время, что значительно снижало эффективность их применения. Максимально возможную эффективность использования самолетов давали авианосцы с катапультным взлетом и аэрофинишерной посадкой. Америка, Япония, Англия, Франция уже давно имели такие корабли. Вокруг проблемы, нужны ли такие корабли нашему флоту или нет, шли не только споры, но и кипели страсти, которые кончились тем, что начались реальные работы по созданию в нашей стране нового поколения авианосцев.

Невское ПКБ Минсудпрома — разработчик всех проектов авианесущих кораблей — при работе над катапультным кораблем привлекло 23 ГМПИ к решению вопросов базового обеспечения. Одной из важных задач нового проекта было создание научно-испытательного и тренировочного комплекса авиации (НИТКА) для новых кораблей и тренировки корабельного и летного состава новых кораблей.

Работали над проектом (НИТКА) Невское ПКБ и 23 ГМПИ. На НИТКА предполагалось производить испытание катапульты, аэрофишинеров и другого специфического оборудования, прежде чем их монтировать на корабле. Катапульта — серьезная штука. Даст малое ускорение самолету — он плюхнется в воду. Даст слишком большое — летчик может погибнуть от недопустимой

перегрузки. Все это, конечно, поддается расчету, но не на живых же людях проверять правильность расчетов. Аэрофинишер захватывает самолет при посадке на палубу и не дает ему свалиться за борт. Та же проблема — слишком жестко схватит — беда и для летчика и для самолета.

Схематично НИТКА можно себе представить как авианосец, закопанный в землю, плюс нормальный сухопутный аэродром со всеми службами плюс научный испытательный центр. Для страховки тренирующихся летчиков к закопанному в землю авианосцу по земле устроена бетонная посадочная полоса. Если летчик промахнется при посадке на палубу закопанного в землю корабля, то он сядет на эту полосу, дайной около двух километров. То же и при взлете, что-то случится — он на полосе.

При работе всех установок взлета и посадки на корабле их охлаждение производится морской забортной водой. На НИТКА был протянут к морю многокилометровый водовод из труб большого диаметра и сделан специальный водозабор. Этот водозабор представлял собой довольно сложное инженерное сооружение, способное работать при всех погодных условиях. Главная беда пришла оттуда, откуда ее никто не ждал. Название этой беды — медузы. Когда начинали строить — их не было.

Стали забирать воду — они так забивали приемное устройство, что прекращали работу. Наука не смогла дать никаких рекомендаций. Выручила какая-то артель, которая стала их вылавливать для своих целей.

Первое рассмотрение основных проектных предложений по НИТКА состоялось на аэродроме Саки Черноморского флота под руководством Главнокомандующего ВМФ Горшкова. В рассмотрении принимали участие все основные руководители Военно-морского флота и Черноморского флота, имеющие отношение к авиации, кораблестроению и капитальному строительству.

Доклад было поручено делать мне. Дело было новое, перспективное, нужное. Интерес к теме был живой, обсуждение деловое и внимательное. Основные принципиальные предложения были одобрены.

Главнокомандующий ВМФ поручил командующему авиацией ВМФ и начальнику ГИУ ВМФ готовить проект постановления Военно-промышленной комиссии (ВПК) Совета Министров СССР по созданию НИТКА. Для того, чтобы получить положительное решение ВПК, необходимо было его согласовать с десятком общесоюзных министерств, которые, в свою очередь, согласовывали только тогда, когда оно было согласовано соответствующими ведомствами этого министерства. Все

согласования были получены. На заседании ВПК от ВМФ направили командующего авиацией ВМФ Томашевского, начальника ГИУ ВМФ Путяту и начальника 23 ГМПИ Манойлина. ВПК заседала в Кремле в здании под куполом, на котором ранее был флаг Советского Союза, сейчас — России. Этот купол с флагом за Кремлевской стеной был и есть символ нашей страны. Доложили. На вопросы ответили. Положительное решение получили.

НИТКА построили Строительное управление Черноморского флота и судостроительный завод в городе Николаеве. Пока строили, произошли изменения: вместо катапультной авиации появилась трамплинная. Комплекс получился уникальным в полном смысле этого слова. Работал отлично. Сейчас все это не наше, все украинское, все другой страны.

В целях изыскания перспективных мест базирования на Северном и Тихоокеанском флотах Главнокомандующий ВМФ Горшков в конце семидесятых годов назначил под председательством первого заместителя Главнокомандующего ВМФ адмирала флота Смирнова Н. И. комиссию, среди членов которой были начальник ГИУ ВМФ Путята и я.

Цель — обследовать те места, где еще нет ничего построенного, но где при определенных условиях можно организовать базирование. Практически мы побывали там, где люди не жили. Первопроходцами нас, конечно, назвать нельзя, так как по всем этим местам уже были морские и топографические карты, но это не мешало нам чувствовать себя первыми, кто дал военно-инженерную оценку обследованных мест. Транспорт был у нас самый разнообразный: противолодочный корабль, гидрографическое судно, буксир, катер, весельная шлюпка, самолет, вертолет, вездеход, автомобиль. На Севере обследовали побережье от западной границы страны до Новой земли, на Востоке — от Владивостока вдоль Сахалина, Курильских островов и Камчатки до Чукотки.

Самое тяжкое воспоминание — остров Шумшу на севере Курильской гряды. Деревьев и кустарников не видно. Травяная растительность и мхи чрезвычайно нежны, прошел вездеход — все пропало. Брустверы окопов, которые вырыли японцы в прошлую войну, в конце семидесятых годов так еще и не заросли травой или мхом. Впечатление одно — природа гибнет от действий человека.

Самое приятное воспоминание — Южный Сахалин, а именно место, где советская команда привыкала к климату Дальнего Востока перед Олимпиадой в Японии. Район был закрыт для свободного доступа, там смогли сохранить девственную природу.

Впечатление однозначное — красота и совершенство, если говорить трафаретно, то райский уголок.

Во время переходов на корабле я довольно продолжительное время был со Смирновым. Мне и раньше доводилось бывать у него с докладами, участвовать в совещаниях, на которых он был руководителем. Большинство из них были связаны с наукой, с перспективой развития военной техники и вооружения. В работе совещаний принимали участие известные ученые, крупные конструкторы и руководители промышленности. Смирнов великолепно, я не преувеличиваю — действительно великолепно, формулировал задачу, свободно ориентировался в том, куда ведут линию ученые, прекрасно владел специальной терминологией и добивался принятия согласованных решений. Говорил Смирнов всегда спокойно, грамотно, на чистом русском языке без всяких «прибамбасов».

В нашем походе по северным и восточным морям Смирнов вел себя просто и естественно, была атмосфера, максимально способствующая выполнению задачи комиссии и созданию, как тогда любили говорить, нормального морального климата в коллективе.

После ужина не уходил к себе, а оставался в кают-компании, принимая участие в разговоре на свободные темы. Когда качка усиливалась, то в кают-компании обычно оставались немногие, в том числе Смирнов, Путята и я. Скатерть на столе была мокрая, чтобы не скользила посуда при качке, на ней стаканы с крепким чаем и тарелочки с сухим печеньем. В прошлую войну Смирнов воевал на море, Путята на суше — им было что вспомнить. В это время я был «молчаливым собеседником». После похода Смирнов пошутил, что Путяту и меня надо переаттестовать из генералов в адмиралы, так как оба мы качку «держали по-флотски».

С Путятой мы проработали вместе более десяти лет. Сперва Путята был главным инженером ГИУ, а я — главным инженером 23 ГМПИ, потом Путята — начальник ГИУ, а я — начальник 23 ГМПИ. Все эти годы Путята был моим начальником, а я — его подчиненным. В процессе взаимной притирки у нас сложились отличные служебные и личные взаимоотношения. Не нарушая правил субординации и не заводя никакого кумовства, мы с увлечением и ревностно работали каждый на своем месте. Путята отлично разбирался в сложной и запутанной схеме руководства капитальным строительством в Министерстве обороны и на военном флоте, где помешать и наказать могли многие, а помочь и принять решение — единицы. Он умел нейтрализовать абсолютно не нужные для дела, но властьимущие инстанции, заручиться поддержкой тех структур, которые могут быть

полезны, и четко выполнял волю только одного человека — Главнокомандующего ВМФ.

Путята ценил 23 ГМПИ и помогал ему всем, чем только мог. Ему удалось сделать для 23 ГМПИ то, о чем сотрудники института мечтали пятьдесят лет — получить разрешение на строительство собственного производственного здания. До этого институт располагался в четырех арендуемых зданиях, находящихся на приличном расстоянии друг от друга. Путята обеспечил бесперебойное финансирование строительства, строители постарались, и получилось просто хорошо. Такого удобного для работы и комфортабельного для сотрудников здания не имел ни один проектный институт Министерства обороны.

Северный флот был не только самым крупным, самым могучим флотом страны Советов, но и своеобразным полигоном, на который поступали первые образцы новой техники и вооружения. Здесь все было первое. Под все первое и велось новое капитальное строительство. В планах 23 ГМПИ по заказам Северного флота всегда было работ больше, чем у любого другого заказчика. Командующий Северным флотом Герой Советского Союза, доктор военных наук адмирал Михайловский А. П. хорошо знал и понимал роль 23 ГМПИ в инженерной подготовке морских театров военных действий, постоянно держал под личным контролем военно-инженерный замысел проектных решений и его реализацию. До Северного флота Михайловский командовал Ленинградской военно-морской базой, где располагались все научно-исследовательские учреждения Военно-морского флота и крупнейшие конструкторские бюро Минсудпрома, с которыми тесно сотрудничал 23 ГМПИ. Там, в Ленинграде, рождались идеи, затем проекты. Сначала первые, потом серийные образцы новой техники и вооружения. При участии Михайловского в Ленинграде создавалось все то, что пошло на Северный флот и чем потом он стал командовать.

Широко известно изречение «Генеральный штаб — мозг войны». Если придерживаться этой терминологии, то можно утверждать, что мозг войны на море — это совокупность мозгов выпускников Военно-морской академии. Без малого сто лет до Октябрьской революции и по сегодняшнее время Военно-морская академия — высшая учебная инстанция для военных моряков.

Формы войны на море постоянно изменяются в зависимости от политики, техники, экономических возможностей государства. Поэтому знания, полученные в академии, необходимо пополнять и корректировать.

Какие формы войны должны быть в данное конкретное время

— вот главная цель ежегодно проводящихся в Академии под руководством Главнокомандующего ВМФ сборов командного состава Военно-морского флота. В подготовке и проведении сборов значительна роль академии и ее ученых. Сборы — название условное, основное назначение — объединить мозги участников сборов в один коллективный, способный выполнить функции мозга современной морской войны.

Главное здание Военно-морской академии, хорошо известное в Ленинграде и на всех флотах, было построено до войны по проекту 23 ГМПИ, имевшего в то время другое наименование. В середине семидесятых годов для академии по проекту 23 ГМПИ был построен новый корпус. В это же время в главном корпусе по проекту 23 ГМПИ были проведены большие реконструкционные работы и установлено новое совершенное оборудование, позволяющее имитировать условия современной морской войны и этим повышать эффективность упомянутых выше сборов. У начальника академии, профессора, адмирала Паникоровского В. Н., руководившего сложнейшим учебным процессом и работой ученых по развитию военно-морской науки, были заместители и помощники, в том числе и по строительной части, но проектные вопросы реконструкции и нового строительства решал только он. Паникоровский сам приезжал в 23 ГМПИ, рассматривал рождающиеся на ватмане проектировщика решения и вносил туда свою идею, свое видение — как должно быть.

В первой половине восьмидесятых годов начались работы по установке крейсера «Аврора» на вечную стоянку, к участию в которых был привлечен 23 ГМПИ. Сам крейсер для постановки был подготовлен на Северной верфи. Это была кропотливая работа высокого уровня мастерства. Днище корпуса, которое не могло быть восстановлено из-за высокой степени коррозии, отрезали на стапеле. Новое днище сделали из особой легированной стали со сроком службы 300 лет. Верхнюю часть и все внутри восстановили в прежнем историческом виде. Все проходило под тщательным контролем специалистов-историков Военно-морского музея. 23 ГМПИ запроектировал рейдовое крепление и штатное позиционное, которое обеспечивает перемещение крейсера только по вертикали и не дает возможности горизонтального перемещения. Такое крепление — первое и единственное в Советском Союзе. Оно позволяет обеспечить надежную сохранность всех инженерных коммуникаций, подаваемых на корабль с берега, а самое главное, надежность и безопасность трапа, по которому посетители попадают на корабль. Трап также выполнен по проекту 23 ГМПИ. Все конструкции рассчитаны на любое катастрофическое

наводнение, любой штормовой ветер и лед самой суровой зимы.

Работы по «Авроре» многочисленных организаций из разных ведомств координировал и контролировал командир Ленинградской военно-морской базы адмирал Самойлов В. А., он же был на борту крейсера, когда корабль шел от завода на свою вечную стоянку. Я никогда не видел столько народа на набережных как в тот день, когда по Неве буксировали «Аврору». Шел довольно сильный дождь, но это не помешало все выполнить по плану. «Аврора» должна быть пришвартована быстро и красиво, для чего 23 ГМПИ были разработаны, а потом на Северной верфи изготовлены специальные устройства, ранее нигде и никогда не применявшиеся. Испытать их было негде, поэтому, естественно, я и мои коллеги по институту, находящиеся на месте швартовки, волновались, как это получится. Получилось даже лучше, чем мы ожидали.

В 1983 году начальником Главного инженерного управления ВМФ, т. е. первым лицом, отвечающим в ВМФ за создание, развитие и поддержание в эксплуатационном состоянии всей системы базирования, был назначен генерал-лейтенант Аниканов О. К., до этого много лет занимавший должность заместителя командующего по строительству сперва Балтийского, а потом Северного флотов.

Изменения в руководстве ГИУ ВМФ не внесли изменений в отношения между ГИУ и 23 ГМПИ, они остались деловыми и лишенными формализма.

В 1986 году после ухода в отставку Горшкова С. Г. Главнокомандующим ВМФ был назначен адмирал флота Чернавин В. Н., хорошо знавший всю систему базирования Военно-морского флота, так как до этого назначения он командовал Северным флотом, а затем был начальником Главного штаба ВМФ.

С середины восьмидесятых годов в результате горбачевской перестройки начался развал некогда стройной и строго дисциплинированной системы народного хозяйства. Везде пошли срывы, все заскрипело, перспективные программы начали свертываться, большие стройки консервироваться и т. д. Дисциплина и ответственность резко упали.

Все это не могло миновать Военно-морской флот. Чернавину довелось командовать Военно-морским флотом в условиях более тяжелых, чем во времена его командования Северным флотом.

Присутствуя на первых совещания, которые проводил Чернавин В. Н., и докладывая ему вместе с начальником ГИУ проектные материалы, я видел, что нового Главнокомандующего ВМФ тревожит состояние базирования флота, и он стремится

быстрее определить политику флотского капитального строительства в тех тяжелейших условиях, в которых оказалась страна.

По указанию Главнокомандующего ВМФ начальник ГИУ провел на всех флотах специальные совещания, на которых были рассмотрены состояние базирования и реальные возможности капитального строительства.

Состав участников: командующий флотом, его заместители, руководители основных управлений флота и его инженерно-строительных органов. На совещание приглашались представители центральных управлений, проектных и научно-исследовательских организаций. Цель — оценить существующую систему базирования и степень ее достаточности для функционирования флота, определить главнейшие первоочередные объекты, на которых сконцентрировать финансирование, и выявить перечень объектов, подлежащих консервации из-за недостаточности финансирования.

По Северному и Тихоокеанскому флотам начальник ГИУ поручил основной доклад делать мне.

На Северном флоте это совещание прошло первым. Командующий Северным флотом адмирал Капитанец И. М. и его заместители два дня участвовали в работе этого совещания, никуда не отлучались и принимали в обсуждении самое активное участие. Итоги совещания подвели командующий флотом и начальник ГИУ.

Итоги были нерадостные, но крайне полезные. Командование флота и руководители инженерно-строительных органов перестроили свое мышление на то, что никакого улучшения в обозримое время не предвидится и надо самим решать, что продолжать строить, а что законсервировать.

В середине восьмидесятых годов в системе базирования Военно-морского флота появились новые объекты, о которых ранее и не думали и не учитывали их появление в наших самых перспективных планах.

Речь идет об утилизации баллистических ракет и атомных подводных лодок, срок службы которых был уже пройден.

Топливо и окислитель, которыми заправлялись баллистические ракеты, представляют собой крайне токсичные и агрессивные жидкости. Со временем резервуары ракет, где размещены топливо и окислители, коррозируются, и ядовитые жидкости выливаются наружу.

Нейтрализация загрязненных поверхностей чрезвычайно сложна, а испарение этих жидкостей может привести к человеческим жертвам и экологической катастрофе.

По проектам 23 ГМПИ на Северном и Тихоокеанском флотах были построены специальные арсеналы, куда свозились жидкостные ракеты, выслужившие свой срок. Там из них сливались топливо и окислитель, которые потом специальным транспортом переправлялись в промышленность для переработки. Пустые ракеты направлялись на специальный завод по их утилизации, который был построен по проекту 23 ГМПИ вблизи одного из сибирских городов.

Во второй половине восьмидесятых годов начались работы по выводу из строя и последующей утилизации атомных подводных лодок, срок службы которых уже был пройден.

Головной организацией по проблеме в целом было определено Центральное конструкторское бюро «Рубин» во главе с генеральным конструктором академиком И. Д. Спасским, в Военно-морском флоте — 23 ГМПИ.

Проблема оказалась чрезвычайно сложной.

Первая сложность заключалась в том, что в пункте перезарядки из реактора лодки надо было извлечь ТВЭЛ и направить их на хранение в специальный бассейн с водой. Емкости таких хранилищ были ограничены. Надо было начинать новое и дорогое строительство.

Вторая сложность — выведенную из строя лодку все равно надо было держать у причала. На ней все равно должна была быть какая-то команда, которая бы несла дежурство и обеспечивала непотопляемость и сохранность лодки. Причалов свободных не было. Выведенные из строя лодки стояли у боевых причалов. Надо было строить специальные пункты отстоя для выведенных из строя лодок. Опять новое и опять дорогое строительство.

Третья и главная сложность — реактор АПЛ в течение 300 лет будет сохранять наведенную радиацию. Металл реактора высочайшего качества и большой стоимости. Если бы не наведенная активность, то его можно было бы переплавить и снова пустить в дело. Надо было куда-то поставить его на 300 лет, чтобы он не стал причиной радиационного заражения местности. На плаву реакторный отсек столько лет не удержать, надо тащить на берег, а это сотни тонн массы. Никаким краном не поднимешь. Надо что-то специальное на заказ делать. Когда вытащили — надо его укрыть. Получаются больших размеров ангары. В грунт его не закопаешь — грунтовая вода разнесет радиацию. Вытащить его где-нибудь в дальнем Заполярье, облить водой и заморозить — тоже не вышло. 23 ГМПИ прорабатывал десятки вариантов в самых различных местах — все выходило очень дорого. «Рубин» со своими субподрядчиками и судостроительными заводами разработал технологию

утилизации. Все получилось четко и надежно, все — строго по науке, везде — на первом месте выполнение требований радиационной и экологической безопасности. Работы по утилизации лодки сопоставимы с работами по строительству новой лодки. Нужны деньги, нужна определенная реконструкция заводов и т. д.

Сложили деньги «Рубина» и деньги 23 ГМПИ, получилась задача, выходящая за рамки не только Военно-морского флота, но и Министерства обороны. Обратились в правительство страны — решения нет. Проблема национального масштаба. Надо докладывать главе государства. Начальник Главного инженерного управления ВМФ О. К. Аниканов рассказывал, что к Горбачеву пошел Министр обороны Д. Т. Язов, который взял с собой Главнокомандующего ВМФ В. Н. Чернавина и начальника ГИУ О. К. Аниканова. На этом совещании были руководители и других министерств, задействованных в этой работе. Доложили. У Горбачева никакого желания уяснить суть проблемы и ее масштабы. С чем пришли, с тем и ушли. Вскоре я ушел в отставку — что было дальше, не знаю.

С И. Д. Спасским мне довелось взаимодействовать по работе в течение двух десятков лет, особенно активно последние пять лет моей службы в ВМФ. Все, что стало известно о Спасском общественности из газет, радио и телевидения после трагедии с «Курском», не является журналистским трюком, когда «раскручивают» политика, модного писателя или певца. На этот раз все правда: редкий организаторский талант, конструктор от бога и потрясающая результативность в работе. За что ни возьмется — все получается.

«Курск» — атомная подводная лодка, затонувшая во время учений Северного флота в 2000 году. Весь экипаж погиб. Президент России В. В. Путин обещал родственникам погибших лодку поднять и погибших похоронить на земле. Для выполнения этой сложной задачи нужна была техника и водолазы высокой квалификации. Стали искать по всему свету, кто это может сделать. Нашлись, но за большие деньги. Зарубежных водолазов показывали по российскому телевидению — вот они какие мастера и молодцы. А ведь все это было в советском Военно-морском флоте. По проекту 23 ГМПИ в Ленинграде построен научно-исследовательский институт № 40 Аварийно-спасательской службы ВМФ. Этот институт часто упоминался в средствах массовой информации в связи с трагедией «Курска». Такого оборудования и таких специалистов в нашей стране нигде больше не было. Сотрудники 40-го института говорили, что все сделано на уровне передовых мировых технологий, а может, даже

и лучше. В центре в специализированных барокамерах проводились испытания погружений на те глубины, которых в мире еще никто не достигал. Были запроектированы и построены две линии: испытания на животных и на людях, последние были только добровольцами. Каждый единичный процесс испытания был связан сперва с повышением давления, а потом с медленным доведением его до нормального атмосферного. Если что-то случится в барокамере со здоровьем испытателя, то немедленное прекращение испытаний и открытие барокамеры равносильно гибели испытателя. В барокамере при необходимости вместе с испытателем находился и доброволец-медик, который мог оказать ему первую помощь.

При проведении испытания в одной главной барокамере, с габаритами не больше размеров маршрутного такси, необходима была работа компрессорных и баллонных устройств со сложнейшей системой автоматики, дублирования, резервирования и контроля, для размещения которых требовалась площадь, равновеликая хоккейному полю.

На одном из заводов изготавливалось аварийно-спасательное, противопожарное и водолазное оборудование для всего Военно-морского флота. На предприятии были специалисты высокой квалификации, в том числе уникальные. В этом месте делали медные водолазные шлемы. Процесс их изготовления таков: берется медный лист и деревянным молотком постепенно выстукивается из листа купол. Такой специалист был один на весь Советский Союз. Как рассказывал начальник завода Г. В. Андреев, в мире было только три страны, где умели делать медные шлемы для водолазов. Сейчас на этом заводе таких шлемов не делают, значит, осталось две страны.

На острове Котлин расположен Кронштадтский ордена Ленина морской завод (КОЛМЗ) — самое первое в России судостроительное и судоремонтное предприятие. Долгие годы его начальником был капитан I ранга Ушаков А. Ф. В советском Военно-морском флоте это был самый крупный судоремонтный завод. На его территории несколько сухих доков, один из них, имени Велишинского, до 1917 года был самый крупный в стране. Сейчас — самый крупный на Северо-Западе России. Его называют «линкоровский», потому что только в нем было можно доковать линейные корабли. Построен при Николае II и был назван в честь наследника престола «Док цесаревича Алексея». В этом доке проходили докование крупные корабли и суда как Военно-морского флота, так и Министерства морского флота.

В начале восьмидесятых годов 23 ГМПИ разработал проект реконструкции и расширения КОЛМЗа, который был реализован

лишь частично. Началась горбачевская перестройка, и реконструкция прекратилась.

В Ленинграде, близ Александро-Невской лавры, на улице Красного электрика в одном ряду стоят три больших корпуса, построенных по проекту 23 ГМПИ в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов.

Первый — картографическая фабрика ВМФ. В Советском Союзе все морские карты делались только Военно-морским флотом. Картофабрика по тем временам была одним из самых современных по своему направлению полиграфических предприятий страны.

Второй — картографическое производство. Упрощенно процесс создания морских карт выглядит так. По морям и океанам ходят гидрографические суда, промеряют глубины, определяют скорости течения, пеленгуют береговые ориентиры и производят сотни других трудоемких операций. Результаты работы поступают в картографическое производство, где они обрабатываются и систематизируются. В картпроизводстве — уникальный архив и совершенная система учета всех гидрографических материалов. В этом архиве все материалы как нашей страны, так и зарубежные, имеющие хоть какое-либо отношение к морским картам. В те времена, когда не было персональных компьютеров, в гидрографическом производстве карта делалась вручную. Картпроизводство создает карту, а картфабрика размножает. Процесс изготовления морской карты — это наука и искусство одновременно. Наука потому, что карта — это венец гидрографических научных исследований. Искусство потому, что морские карты содержат великое множество специальной информации, оформленной с тщательностью и изяществом, вызывающими восхищение любого человека, способного чувствовать прекрасное.

Третий корпус — производственное здание 23 ГМПИ. Когда его проектировали, то в институте кипели страсти по поводу его предполагаемой планировки. Ранее институт размещался в нескольких зданиях дореволюционной постройки комнатной планировки. В одной комнате помещалась одна проектная группа. Проектировщики годами привыкли сидеть по пять-шесть человек в комнате, в каждой из которых был свой мир, свой уют, свои порядки. Общих залов большинство проектировщиков не хотели и боялись, что они нарушат сложившийся уклад жизни. Сделали по-современному — большие залы. Купили новую мебель. Кульманами, шкафами, стеллажами каждая группа все равно выгородила себе свою территорию.

Все, что 23 ГМПИ проектировал для строительства в

Ленинграде и Ленинградской области, делалось по заказу Ленинградской военно-морской базы. ЛенВМБ была интересным и своеобразным формированием ВМФ, совокупностью двух составляющих частей. Первая — это соединения и части, непосредственно подчиненные командиру ЛенВМБ. Тут было большое хозяйство, корни отдельных элементов которого уходили во времена Петра I. В этом хозяйстве было все то, что было и на других флотах, естественно в других размерах. Были и корабельные соединения, и береговые части.

Вторая составляющая — это учреждения центрального подчинения: Военно-морская академия, высшие военно-морские училища, научно-исследовательские и проектные институты, конструкторско-технологические бюро, картфабрика, картпроизводство, судоремонтные заводы, испытательные полигоны и многое, многое другое. Все эти учреждения размещались в зданиях и на территориях, принадлежащих ЛенВМБ. Ремонт этих зданий осуществлялся средствами и силами ЛенВМБ, новое строительство велось для них по титульным спискам ЛенВМБ. Квартиры сотрудникам этих учреждений предоставляла ЛенВМБ. Медицинское обеспечение, путевки в санаторий, вещевое довольствие, транспорт, бензин и десятки других видов довольствия — все только ЛенВМБ. За дисциплину, мобилизационную готовность, противопожарную безопасность этих учреждений несла ответственность ЛенВМБ.

Хлопот с этой второй составляющей у командира ЛенВМБ было не меньше, чем с первой.

Для того, чтобы командовать этой второй составляющей, прямо ему не подчиненной, командир ЛенВМБ имел еще должность, которая называлась «Старший морской начальник в Ленинграде». Кронштадтской военно-морской крепости как таковой уже не существовало, все находящиеся там соединения и части были включены в состав ЛенВМБ. Но постановление о крепости никто не отменял, поэтому командир ЛенВМБ был еще одновременно и комендантом Кронштадтской военно-морской крепости, личный состав которой теперь состоял всего из одного человека — ее коменданта. Статус крепости, вернее его остатки, действовал еще в 2002 году, когда глава администрации Кронштадта в газете «Санкт-Петербургские ведомости» выступил с требованием на уровне правительства РФ отменить последние еще действующие ограничения, мешающие превратить бывшую крепость в вольный город.

Прошу читателя набраться терпения и прочитать несколько страниц специфического текста, где на примере 23 ГМПИ показано, как в советское время был организован

производственный процесс и как решалась кадровая проблема. Без этого примера не обойтись, так как он характерен для экономики социализма

Годовой план 23 ГМПИ утверждался в денежном выражении по валу. Вал — это общий объем продукции, произведенной на предприятии. Одновременно с годовым планом утверждался фонд заработной платы и плановые лимиты в денежном выражении по заказчикам, в качестве которых выступали в основном четыре флота, ЛенВМБ, Управление связи ВМФ. Если организация не была включена в перечень заказчиков, то 23 ГМПИ не имел права брать от нее заказ. Заказчик не мог заказать 23 ГМПИ работ на сумму, большую, чем лимит этого заказчика.

Для выполнения плана необходимо было оборудование, машины, механизмы. Их заказ производился за год или два до требуемого срока. Если все получалось, то 23 ГМПИ выдавали фонды на текущий плановый год. По этим фондам с одного завода получали буровой станок, с другого — передвижную электростанцию, с третьего — мебель и т. п. Не сумел «пробить» фонд — просто так нигде и ничего не приобретешь, хотя организация и будет иметь деньги для покупки. План проектных работ в целом по ВМФ надо было увязать с планом капитального строительства. На флотах были свои проектные организации, которые тоже работали по такому же принципу. Кроме. флотских, на ГИУ ВМФ по прямому договору работал целый ряд проектных организаций Минобороны и других министерств. На субподряде у 23 ГМПИ и его филиалов работало несколько десятков субподрядных проектных организаций других министерств. На их участие в работе тоже надо было получить лимиты. Всей этой сложнейшей организационно-плановой работой последовательно занимались ГИУ ВМФ, Техническое управление Капитального строительства Минобороны и Госплан Союза ССР.

Вся эта цепочка связей была отлажена и работала без крупных сбоев.

Кроме плана в денежном выражении и фонда заработной платы, ежегодно утверждалась плановая выработка на одного работника. Если план разделить на выработку, то получится численность организации. Плановая выработка устанавливалась от достигнутого в прошлом году. Организации было невыгодно повышать производительность труда, потому что тогда повышалась плановая выработка и сокращалась численность.

По всей стране были единые нормы оплаты труда и единый перечень должностей, в том числе и для проектных организаций. В любой организации могли быть только те должности, наименования которых были в этом перечне. Так же

нормировалось соотношение численности работников различных категорий. Например, старший техник должен быть над двумя техниками, старший инженер — над тремя инженерами, руководитель проектной группы — над пятью специалистами, начальник отдела — над десятью специалистами и т. д. Денежные оклады варьировались в строго установленных пределах. Например, техник — от 60 до 80 рублей, старший техник — от 80 до 90 рублей, инженер — от 90 до 120 рублей и т. д.

До 23 ГМПИ я работал в закрытых городах и в закрытых гарнизонах.

В этих местах свободных рабочих мест было мало, а желающих работать по специальности много, в том числе жен офицеров, которые никуда не могли уехать в поисках работы. Во флотских проектных организациях состав работающих гражданских специалистов был стабилен, работали или до пенсии, или до отъезда в другой город. Из одной организации в другую в поисках более высокого заработка переходили крайне редко, так как везде своих выдвигали. За рабочее место держались, что способствовало дисциплине и интенсивности труда.

В Ленинграде было совсем другое. Проектных организаций много, и везде требуются сотрудники на вакантные места. В проектных организациях Министерства обороны существовали некоторые льготы для гражданских специалистов, что позволяло до поры до времени, как тогда говорили, положительно решать кадровую политику. К середине шестидесятых годов» многие другие министерства и ведомства также добились для своих проектных организаций всяческих льгот не хуже, чем в Министерстве обороны, а в Минсудпроме, Минатомэнерго и Минобщемаше даже лучше.

Я пришел в институт с уже сложившимся коллективом высокопрофессиональных специалистов, большинство из которых работало в 23 ГМПИ десять и больше лет.

Главной моей заботой было сохранение и дальнейшее развитие трудового коллектива.

Объем работы института увеличивался, требовались новые кадры. Старые работники уходили на пенсию — опять надо новых людей. Основной источник пополнения кадров — плановое поступление молодых специалистов, окончивших институты и техникумы. В то время молодые специалисты обязаны были отработать два года в той организации, куда их в плановом порядке распределили. Заявки 23 ГМПИ подавал заблаговременно по установленному порядку, а месяцев за шесть перед окончанием в институтах и техникумах проводился персональный

предварительный отбор. Наши заявки практически всегда выполнялись. Молодые специалисты, прибывающие по распределению, как правило, были людьми отличными во всех отношениях. Но, отработав положенное время, многие специалисты уходили в другие организации на более высокие оклады. Удержать работника было можно, если повысить ему оклад. Повысить оклад можно было только повысив специалиста в должности или изменив его тарификацию.

Для того, чтобы сохранить кадры, приходилось делать странные, если не сказать, дурацкие действия, но дававшие положительный результат. Текст дальше пойдет казенный, но по-другому суть дела изложить трудно.

По утвержденным плану, фонду заработной платы и выработке ежегодно составлялось штатное расписание, где все тютелька в тютельку соответствовало нормам и правилам. Дальше начинались фокусы. В штате было много техников и инженеров с минимальным должностным окладом, под это большое количество техников и инженеров регистрировалось нужное количество руководителей проектных групп, старших инженеров и старших техников с максимально возможным должностным окладом.

Должности с минимальными окладами были не заполнены, т. е. они были вакантными. На такой оклад найти в Ленинграде желающего не представлялось возможным. Руководитель группы сам сидел за доской и выполнял работу квалифицированного старшего инженера. Получалось, что в штатном расписании были все 100% должностей, а на самом деле в организации работали не более 70% и прекрасно справлялись с выполнением плана. По здравому смыслу в организации не нужно было столько начальников, главных специалистов, руководителей групп и других громких наименований. Нужны были высококвалифицированные специалисты с хорошими окладами на должностях исполнителей, а не начальники, которых в штатном расписании было избыточное количество.

Чтобы не «задирать» выработку, в военно-проектных организациях на вакантные низкооплачиваемые должности брали матросов и солдат срочной службы, которых использовали на всяких подсобных работах, в том числе на ремонтных работах.

Производительность труда в проектных организациях была низкая, в том числе и потому, что некоторые работали так, как им платили, а платили мало. Многие директора проектных организаций, в том числе и я, хотели, чтобы организации устанавливали только план и общий фонд заработной платы. А сколько людей мы, директора, будем держать на своих предприятиях, сколько им платить и как называть их должности — это никого не касается. По моим прикидкам в нашем институте, не увеличивая общего фонда зарплаты, можно было бы вдвое сократить численность работающих за счет интенсификации при увеличении зарплаты каждого работника в два раза.

Реальность этих моих прикидок была в нашем институте проверена экспериментом. Для разработки рабочих чертежей

компрессорного и баллонного хозяйства испытательного центра 40-го института, о котором я ранее упоминал, силами имеющейся в институте специализированной проектной группы по всем нормам требовался год. Увеличить состав группы было нереально — редкая специальность. Командование требовало сделать за 3 месяца. В виде исключения этой группе разрешили выплатить крупную премию, если сделают за три месяца. Сделали. В четыре раза быстрее нормы. В четыре раза меньшим количеством людей.

Я понимал, что так сразу на это государство не пойдет. Если все вокруг начнут работать по-новому, то вместо объявлений: «Требуются на работу» появятся: «Ищу работу».

В начале семидесятых годов Председатель Правительства СССР А. Н. Косыгин провел в Москве совещание по реорганизации проектного дела в стране. На совещании, которое проходило в концертном зале гостиницы «Россия», были заведующие отделами ЦК КПСС, союзные и республиканские министры, руководители проектных институтов, органов экспертизы и заказчика. От проектных организаций ВМФ на совещании был я. Открывая совещание, Косыгин сказал, что хочет уяснить три главных вопроса: почему стоимость строительства оказывается в два-три раза выше проектной, почему разработка проекта тянется так долго, что по его завершении технология устаревает, почему проектные решения не стимулируют технический прогресс в строительстве.

Совещание выявило то, что все и так знали. Знал это и Косыгин. Он хотел найти пути, как устранить эти недостатки.

Строительство велось за счет бюджетных государственных денег в интересах какого-либо министерства или ведомства, каждое из которых хотело получить от бюджета как можно больше. Если сразу заявить полную стоимость строительства, то эту стройку не разрешат. Называли меньшую стоимость и начинали стройку, а когда половина сделана — не бросать же ее, надо заканчивать. Шел процесс «выбивания денег» из бюджета только в пользу «выбивателя»: в надежде на то, что государство справится. Все давили на проектную организацию — давай дешевле. Экспертизе тоже надо отличиться. Она тоже удешевляла проекты, потом в своих годовых отчетах проставляла сотни миллионов рублей, сэкономленных по ее настоянию. Рекомендовали ужесточить работу экспертизы. В плюс ей ставить работу, когда выявляется заниженная стоимость строительства. Посоветовали резко ограничить круг должностных лиц, принимающих решение о начале строительства.

Разработка проекта тянулась так долго потому, что государственными нормативами была утверждена такая

стадийность проектирования и такой объем на каждой стадии, что быстрее никак не сделаешь. Рекомендовано внести изменения в нормы, что было сделано в ближайший год.

Проектные решения не стимулировали технический прогресс в строительстве потому, что строители принимали только тот проект, который они могли сделать. Каждая проектная организация имела перечень тех изделий, которые она должна была применять, каждый проект обязательно согласовывался с конкретной строительной организацией. Здесь рекомендации были стандартными — продолжать работы по совершенствованию технического уровня и внедрения всего передового.

Косыгин два дня был на совещании, никуда не отлучаясь, задавал четкие и конкретные вопросы выступавшим. Вел себя спокойно, никаких разгонов, никаких нагоняев, одна глубокая боль и тревога, как выйти из сложившегося положения. Выходили административно-командными методами.

Тех проблем, которые Косыгин пытался решить на этом совещании, в странах с частным капиталом и конкуренцией просто не было.

В это же время Госстрой СССР командировал небольшую группу специалистов крупных проектных институтов в США для изучения постановки в этой стране проектного дела. Группа подготовила отчет, который не был растиражирован для широкого ознакомления. Но мне довелось с ним ознакомиться. Меня удивило, что в США крупной проектной организацией считалась организация с численностью порядка 200 человек, средней — порядка 100, а основная масса — от 5 до 50 человек. У нас в Союзе крупная — свыше 1000 человек, средняя — порядка 500, а малая — 150.

У нас был взят курс на комплексность разработки проекта в одной организации, в США — на широкую кооперацию малых специализированных фирм. Принципиальное отличие было в порядке создания проекта. Наша проектная организация состояла из отделов по специальностям: генерального плана и благоустройства, дорожного, архитектурного, технического, конструкторского, электрического, автоматики, сантехнического, связи, сметного, изыскательского и т. п. Кроме того, были плановый, диспетчерский и другие отделы, организующие прохождение проекта, главным из которых был отдел или бюро главных инженеров проектов. В каждом из отделов по специальностям был начальник, главный специалист, потом шли руководители групп, а уж потом исполнители — старшие инженеры и инженеры со своими техниками. Проект делался так. На каждый объект назначали главного инженера проекта (ГИП).

ГИП выдавал во все многочисленные отделы по специальностям задания на разработку соответствующих разделов проекта. В отделах начальник отдела выдавал это задание в группу, руководитель группы поручал работу исполнителю.

Когда в разных отделах что-то сделают, начиналась стыковка разделов проекта путем передачи различных разделов проекта из отдела в отдел. Передача шла через начальников отделов, т. е. исполнитель сперва сдавал работу групповому, групповой — главному специалисту, главный специалист — начальнику отдела. Каждый раз при переходе из отдела в отдел ГИП должен посмотреть и одобрить, что передается. Диспетчерский отдел все это должен был контролировать. Наделе все это упрощалось, но все равно было трудноуправляемо. Были написаны десятки правил и инструкций, все правильные по форме, но если ими строго руководствоваться, то работа могла остановиться.

В США делали по-другому. Формировали группу исполнителей и подчиняли ее руководителю проекта (по нашему ГИПу), причем тот специалист, который закончил свой раздел, — выводился из группы, а тот, чья очередь наступала для работы, — вводился в группу. Все сидели вместе, никуда ничего передавать было не надо, согласовывали по ходу разработки. Если проектная фирма была даже из пяти человек, то, взяв какой-то заказ, она могла, привлекая на временную работу поочередно проектировщиков разных специальностей, выполнить довольно большой объем работ. Конкуренция и хорошая постановка лицензионной работы исполнителей совместно с четкой юридической ответственностью за результаты обеспечивали высокое качество проектных работ.

Такое мы у себя в полной мере применять не могли. В исключительных случаях временно формировали группы специалистов из разных отделов, подчиняли их ГИПу и убеждались в высокой по скорости разработки эффективности этого метода.

Отчет советских специалистов, изучивших опыт работы проектных организаций США, был для меня первой непредвзятой квалифицированной информацией — а как это у них там делается. В дальнейшем по линии научно-технической информации мы регулярно получали аналогичные сведения и по другим странам. Безусловно, эти сведения расширяли кругозор и помогали в работе.

В те времена у нас в стране, опять-таки применяю прошлую терминологию, была развернута борьба за внедрение научной организации труда и управления качеством продукции. Шуму, звона и шелухи вокруг этого было много. Но не везде только

шумели. Многие, в том числе 23 ГМПИ, в рамках существующей системы занимались конкретной работой и получили вполне ощутимые реальные результаты. В 23 ГМПИ была отработана система «Правил проектирования», которая представляла собой свод положений и инструкций, регламентирующих порядок прохождения проектов и оформления документации. Документы отличались простотой восприятия и четкостью требований. Внедрять их не пришлось. Проектировщики использовали их без понуканий, так как они значительно упрощали и облегчали их работу. Далее была организована отличная система технической информации, особенно по линии нормативной документации и действенных систем контроля качества. Когда я пишу эти строки, то средства массовой информации с большой радостью иногда сообщают о каком-нибудь российском предприятии, получившем сертификат, подтверждающий, что система обеспечения качества фирмы удовлетворяет требованиям международного стандарта ИСО-9000, или ИСО-9001, или еще какого-нибудь ИСО. Я очень внимательно изучил требования стандарта ИСО и пришел к выводу, что 23 ГМПИ в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов уже полностью соответствовал этим требованиям. Работали на уровне международных стандартов, отправляли документацию на экспорт и не получили ни одной рекламации.

Обстановка в трудовом коллективе 23 ГМПИ была хорошая, текучесть кадров ниже среднестатистической по Ленинграду. Главное — был неподдельный интерес к работе, стремление лучше сделать проект и усовершенствовать процесс его создания. В институте было чисто, уютно и комфортно. Наши коллеги по-хорошему завидовали условиям, в которых работали сотрудники 23 ГМПИ.

Институт был закрытым учреждением, на работу принимались люди, имеющие допуск, выдаваемый контрольными органами. Вот тут была нестыковка между Кодексом законов о труде (КЗоТ) и требованиями Комитета государственной безопасности. Были случаи, когда КГБ лишал допуска уже работающего сотрудника. Соответственно ему переставали выдавать документы, с которыми он должен был работать по своему служебному положению. Сотрудник деньги получал, но не работал. Уволить я его не мог, так как в КЗоТе не было соответствующей статьи. За время моей работы в институте было всего два таких случая. Оба закончились нормально. Сотрудники писали соответствующее заявление, и в их трудовых книжках стояла запись: «Уволен по собственному желанию». Причина лишения допуска в обоих случаях была одна — близкие

родственники уехали за границу.

В институте постоянно работали, сменяя друг друга, сотрудники КГБ. Все они, за исключением одного, были нормальными людьми, делали свое дело, не мешая производственному процессу. Регулярно информировали меня о положении дел, подсказывали, на что обратить внимание. Никогда и ни при каких обстоятельствах не было разговора о так называемых «инакомыслящих», или «диссидентах». Мне казалось, что у них было четкое разделение труда. Одни ловили диссидентов, другие — шпионов. Главная задача сотрудников КГБ в институте была такая же, как и у меня, — не допустить утечки секретных сведений, поэтому наши отношения были деловые и конструктивные. Один из сотрудников КГБ оказался чересчур ретивым. То ли карьеру хотел быстро сделать, то ли еще что. Стал лезть в такие дела, которые по его служебному положению ему не положено было знать. Взбаламутил институт. Пришлось мне обратиться к командованию КГБ, которое и привело его внешнее поведение к терпимому.

В Стрелке, Петропавловске-Камчатском и Владивостоке я работал в тех организациях, где не было штатных политработников. Там над нашими организациями были политотделы строительных управлений. Работать они нам не мешали, формализм не разводили, наши отношения были нормальными. Политотделы строительных управлений взяли на себя вместе со строевыми командирами всю неблагодарную и тяжелую работу в военно-строительных отрядах: обустройство, дисциплину, дедовщину, национальную рознь и т. д. и т. п., давая возможность инженерам заниматься планом. Политотделы вместе с инженерами тянули по ухабам тяжелый воз капитального строительства.

В Ленинграде все было по-другому. В 23 ГМПИ был заместитель начальника института по политической части, секретарь партийного комитета и председатель профсоюзного комитета. Все они были освобожденными работниками и ничем, кроме политики, не занимались. Над ними и над нами был политический отдел научно-исследовательских институтов (НИИ) ВМФ со своими штатными сотрудниками.

Матросов и солдат, которые причиняют наибольшие хлопоты политработникам, не было.

Должности, оклады, квартира — хорошие. Место службы в Ленинграде — заветная мечта многих и многих офицеров. Политработники за свои места держались цепко и всю формалюгу выполняли «от» и «до», без всяких послаблений. А формалюги было до потолка. Всякое крупное партийное событие (съезд,

пленум и т. д.) надо было обсудить отдельно на партийном, на комсомольском и на профсоюзном собраниях. Начальник института и начальники отделов были обязаны не только присутствовать на тех собраниях на одну и ту же тему, но и выступить. В партийных организациях отделов были партбюро, в партийной организации института — партийный комитет. Партийные собрания в отделах были ежемесячно, институтские — раз в два месяца, партактив политотдела НИИ — раз в квартал. Партийный комитет проводил заседания два раза в месяц, партбюро — так же. То же самое было в комсомоле и в профсоюзе. Марксистско-ленинская подготовка офицерского состава — 4 часа в неделю. Университет марксизма-ленинизма — два раза в неделю.

Институт размещался в нескольких зданиях. На общие собрания, на марксистско-ленинскую подготовку, на заседания парткома и т. п. собирались в главном здании. Добирались общественным транспортом. Почти все это в рабочее время. Коммунисты и офицеры уйдут на заседание или на учебу, их подчиненные, естественно, сбавляют темп работы, а очень часто этим пользовались, чтобы сбегать в магазин. Получалось так, что коммунисты и офицеры заседают или учатся, а беспартийные в это время работают и строят коммунизм. Большую потерю времени вызывала организация социалистического соревнования и подведение его итогов. В свое время я подсчитал, что примерно 20–30% рабочего времени, включая время на сборы и возвращение к рабочему месту, тратилось на мероприятия, не связанные с производственным процессом.

Секретаря партийного комитета выбирали коммунисты института, но присылал нам его политотдел. Со мной, как с начальником института, никто никогда не согласовывал кандидатуру будущего секретаря парткома. Мне даже не говорили, кого хотят нам послать. Перед отчетным собранием приходил начальник политотдела с кандидатом, которого я никогда не видел и ничего о нем не слышал, и говорил: «Вот этого выбирайте». Коммунисты этим возмущались и приходили ко мне с предложением — давайте выберем своего. Провалить присланного политотделом кандидата ничего не стоило. Мне достаточно было только сказать одному-другому коммунисту перед собранием, что присылают черт знает кого и надо его завалить. Стопроцентная гарантия — этот человек никогда не стал бы нашим секретарем парткома, но на следующий день я не был бы начальником института.

В самом начале моего командования институтом на отчетно-выборном собрании было много голосов против присланного

политотделом кандидата. Меня предупредили. Перед следующим отчетно-выборным собранием я нашел способ предупредить коммунистов о возможных последствиях негативного голосования. После этого вплоть до моего выхода в отставку за ставленника политотдела голосовали практически единогласно.

Среди секретарей парткомов были люди, понимающие, что самая большая польза от них будет в том случае, если они не будут мешать работать. Остальные, абсолютно ничего не понимая в проектных делах, лезли в процесс управления производством, внося туда так называемую партийную линию.

Заместителями начальника института по политической части были адмиралы, срок службы которых на флоте подходил к концу. Их переводили в Ленинград для того, чтобы дать квартиру и после этого уволить в запас или отставку.

Никто мне никогда предварительно кандидатуру моего заместителя не называл. Хоть я и был его начальник и аттестацию на него писал, но шел он по другому ведомству. Я — по Министерству обороны, он — по Главному политическому управлению Советской Армии и Военно-морского флота, которое работало на правах отдела Центрального Комитета КПСС. У политорганов были свои отделы кадров и свои секретные части. Что писали политработники в своих донесениях, командиры не знали.

В основном замполиты института были люди тертые, обкатанные флотской службой, и понимали, что особого дела для них в институте нет и должность их, мягко говоря, надуманная. Но дисциплина в Главном политическом управлении была жесткая, проверки и инспекции проводились непрерывно, поэтому всю формалюгу замполиты выполняли в полном объеме, не раздумывая, отрывали людей от того, что действительно было нужно нашему государству и нашей Коммунистической партии, а именно, от разработки проектной документации по инженерному оборудованию морских театров военных действий.

Я отлично понимал, что замполит — это мой наблюдающий, поэтому всегда брал его с собой везде и всюду, чтобы ему не надо было фантазировать в своих донесениях.

На флоте была традиция — гостей встречать с рюмкой коньяка. Мы ее придерживались даже в годы горбачевской антиалкогольной кампании. Замполит всегда был со мной рядом, когда вместе с нашими гостями мы выпивали по рюмке коньяку после окончания деловой встречи. В этих случаях замполит говорил, что встреча прошла на партийной основе.

Конечно, замполиты занимались не только формалю-гой. Коллектив в институте дружный. Надо было постоянно

поддерживать дух и настрой, локализуя неизбежно появляющиеся трения, ссоры, разбираться с конфликтами всех видов. Организация всех видов и форм сплочения коллектива — спорт, художественная самодеятельность, вечера отдыха, выставки, работа с детьми — все это была работа замполита. Эта сторона их деятельности была нужной и полезной.

Политические работники в крупных воинских званиях были педантичны и неуклонны в проведении решений Центрального Комитета партии. Однажды начальник ГИУ Анфимов и я шли на большом противолодочном корабле из Архангельска в Североморск. По пути следования в Гремихе на борт корабля был принят политический работник в звании контр-адмирала. Перед отходом корабля из Архангельска мы взяли с собой свежие центральные газеты с Постановлением ЦК КПСС о допущенных ошибках в строительстве гидроэлектростанций (ГЭС). Постановлением предусматривалось прекращение повсеместного строительства ГЭС и развертывание строительства тепловых электростанций. За столом, где сидел и взятый на борт политработник, Анфимов стал говорить о том, какой вред принесло необдуманное увлечение строительством гидроэлектростанций. Тут была гибель ценных пород рыб, изменение климата к худшему, неоправданно высокая стоимость строительства и т. д. Политработник немедленно вмешался в разговор и посоветовал его прекратить, так как в свое время гидроэлектростанции были объявлены стройками коммунизма. Ан-фимов ответил, что политработник ничего в этом деле не понимает, поэтому пусть сам помолчит. Тогда политработник сказал, что если Анфимов немедленно не прекратит антипартийные разговоры, то он будет вынужден сделать соответствующий доклад. Анфимов дал ему газету. Политработник свежих газет не читал, так как в Гремиху их еще не доставили, и оказался в дурацком положении. Этот пример наглядно показывает, что критиковать принятое ЦК решение никто не смел, а политработники педантично и неуклонно пресекали любые попытки критических замечаний.

По моим наблюдениям и впечатлениям, между замполитами и командирами, между политработниками и офицерами была стена, ну если не стена — то сетчатая перегородка.

Командир ценил своих подчиненных прежде всего за результаты службы и работы. Если летчик хорошо летает, если он делает в небе то, что никто другой не сделает, то командиру наплевать на то, что он два раза женат, любит покуролесить и спит на политзанятиях. Замполит же не будет давать ходу такому летчику.

Пример из Отечественной войны. Кумир нашего флота — командир подводной лодки Маринеско. Подводник номер один. Уволен из флота в молодые годы потому, что был героем не только в море, но и по алкогольно-женской части. Многие годы подводники боролись за то, чтобы посмертно присвоить Маринеско звание Героя Советского Союза, но каждый раз наталкивались на противодействие политических органов. Я сам был свидетелем, как адмирал, начальник политотдела крупного флотского формирования, возмущался тем, что его подчиненные требуют реабилитации Маринеско.

Многим офицерам казалось, что все, что делают политработники, нельзя назвать делом. Их работу называли болтовней. На Северном флоте в ходу был такой рассказ. В кабинете главного инженера Севервоенморстроя раздается телефонный звонок. Крупный чин Политуправления флота отчитывает главного инженера за то, что под окнами жилого дома этого чина всю ночь работал компрессор и мешал ему спать. Главный инженер молча слушает. Закончив возмущаться, чин спрашивает: «Ну, что вы на это скажете?». Главный инженер: «Я скажу одно, чтобы ночью спать, надо днем хорошо работать». И повесил трубку. Еще один флотский анекдот. У авиационных техников есть одно железное правило. Он приходит готовить самолет к полету со своим чемоданчиком, в котором каждый инструмент имеет свое строго определенное штатное место. Больше, чем в этом чемоданчике, никаких инструментов нигде быть не должно. Техник закончил подготовку и все инструменты собирает в свой чемоданчик. Если чего-то не хватает, то этот инструмент ищут до тех пор, пока не найдут. Если не найдут, то самолет в полет не выпускают. Авиационный техник после подготовки самолета опаздывает на политзанятия. Замполит отчитывает его за опоздание, говорит: «Вот посмотрите на меня, я всегда вовремя заканчиваю работу и не опаздываю на политзанятия». Техник отвечает: «Вам-то что. Рот закрыл, и вся работа кончилась, а мне еще надо весь инструмент собрать».

В армии и на флоте видели, что материальными благами многие политработники пользовались в первую очередь, поэтому стала ходить такая фраза: «Раньше политрук в атаку шел первым, а сейчас политработник первым идет в военторг».

Многие политработники вели свою работу формальными методами, трафаретно, казенно, скучно, занудно. Не было веры в их искренней убежденности в том, что они проповедуют. Создавалось мнение, что эти люди пошли в политработники не по убеждениям, а по меркантильным принципам. Во время одного из отпусков нашими соседями в санатории была семья с сыном-

десятиклассником. Отец — капитан I ранга, политработник. Спрашиваю сына о его планах. Он отвечает: «Пойду в Высшее военно-морское политическое училище. Учиться там легко, никаких математик и физик. Служба хорошая. Это не то, что инженерное закончить. Будешь все время в трюме торчать и с грязными железками возиться. Командиром тоже радости мало — за все отвечать».

Развал Союза показал, что многие политработники только на словах были идейными бойцами. Первый из них — генерал-полковник Волкогонов — один из руководителей Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота. На второй день после развала он стал активно ругать то, что раньше пропагандировал. Ельцин за его предательство присвоил ему высочайшее звание — генерал армии. Второй — Степашин, ныне крупная политическая фигура, бывший премьер России. Окончил высшее военное политическое училище, профессиональный политработник. Кандидат наук по особенностям организации партийной работы в военизированных частях. Стал одним из самых ярых критиков идей, пропагандируя которые он зарабатывал себе на хлеб в советское время. Хорошая есть поговорка: «Нельзя всех стричь под одну гребенку». Среди политработников тоже были идейно убежденные, были честные и порядочные люди, преданные долгу и службе.

По своей должности мне приходилось работать с областными и городскими комитетами партии разных регионов страны. В тех условиях только эти структуры могли без проволочек решать вопросы, затрагивающие интересы организаций разных ведомств. К Военно-морскому флоту в комитетах относились с вниманием и оказывали реальную помощь. Уровень профессиональной подготовки кадров был высокий, работа четкой, я почти всегда получал положительные решения, поэтому у меня нет личных причин пинать ногами эти структуры.

У многих слоев граждан СССР, особенно у творческих работников, с парткомами были свои отношения. Об этом они сами писали, пишут и будут еще долго писать. В их воспоминаниях негатива хватает.

За время моей работы в институте многие сотрудники, в том числе и я, получили правительственные награды, стали лауреатами государственных премий, заслуженными строителями Российской Федерации. Некоторые работники института, в том числе и я, защитили диссертации и стали кандидатами технических наук. Институт был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В 1989 году по возрасту я был уволен в отставку на пенсию.

На должность начальника 23 ГМПИ был назначен инженер-полковник Алтухов В. П., бывший до этого моим заместителем.

Но вести жизнь пенсионера мне не пришлось.

Меня пригласили работать в Центральный научно-исследовательский институт военного кораблестроения, где я и работал до тех пор, пока Ленинград не стал Санкт-Петербургом. Должность моя в этом научно-исследовательском институте Военно-морского флота называлась старший научный сотрудник в отделе войсковых атомных электрических станций (ВАЭС). Отдел был только что образован.

Примерно в 1985 году Инженерные войска Советской Армии приступили к созданию ВАЭС. Это должны были быть мобильные электрические станции на автомобильном ходу, способные обеспечивать быстрое развертывание войск в необжитых районах. Идея отличная. Не надо бочек с бензином. Не надо беспокоиться, что бензин кончился и т. д. Перспективы радужные.

Все существующие в мире атомные электрические станции работают на трех видах теплоносителя: вода, жидкий металл и газ. О первых двух видах я уже писал. Реакторов с газовым теплоносителем в Вооруженных силах нашей страны не было. Белорусская академия наук (БАН) выступила инициатором создания ВАЭС с газовым теплоносителем. Под это дело были выделены солидные средства, рядом с Минском построен крупный испытательный центр, из специалистов ВМФ сформировали команды испытателей. В 1988 году были построены два опытных образца. На испытаниях не удалось добиться требуемых параметров работы. Автомобильные ВАЭС не были приняты на вооружение.

Разразился скандал. БАН требовала продолжения работ и новых денег. Минсудпром и ВМФ дали заключения, что на газовом теплоносителе продолжать работы бессмысленно. Министерство обороны приняло решение поручить эти работы ВМФ, а головным назначить ЦНИИ военного кораблестроения. В работу были вовлечены конструкторские и научно-исследовательские организации Минсудпрома, Минатомэнерго, а также институты Академии наук Союза ССР. Разрабатывались три типа ВАЭС: первый — плавучий с водным теплоносителем, второй — на железнодорожном ходу с жидкометаллическим теплоносителем, третий — блочный с водным теплоносителем.

ВАЭС могли быть чрезвычайно эффективно использованы в системе базирования Военно-морского флота, особенно в пунктах маневренного базирования и в качестве резервных источников энергоснабжения.

Мне было поручено инженерное оборудование мест

базирования ВАЭС. Здесь все было, как для кораблей, те же пункты базирования, те же пункты перезарядки, хранения и утилизации радиоактивных отходов, те же заводы по их ремонту и т. д. Новые ВАЭС проектировались мощностью в десятки раз больше, чем были автомобильные.

Работа была чрезвычайно интересна тем, что нигде в мире таких станций еще не было. Не было также требований по их размещению на местности. Инструкции МАГАТЭ (Международное агентство атомной энергетики), обязательные для применения всеми странами мира при проектировании, строительстве и эксплуатации атомных электрических станций, начинались со слов, что они предназначены только для стационарных АЭС. Мне как раз и было поручено разработать «Требования к размещению ВАЭС». Документ был разработан, прошел сложнейшую систему согласования, проверки и утверждения. Технические проекты некоторых ВАЭС были разработаны, и определены их заводы-изготовители. Выявлены будущие потребители и владельцы ВАЭС. Советский Союз был развален, работа по ВАЭС прекращена.

ЦНИИ военного кораблестроения в советское время был мощнейшей научно-исследовательской организацией с двумя полигонами в Хари-Лахте и Балаклаве, о которых я уже писал. Здесь зарождалась идея любого нового военного корабля, здесь формировался его будущий облик, здесь вырабатывались основные технические требования (ОТТ) к кораблю. ЦНИИ сопровождал все конструкторские и научно-исследовательские работы, принимал законченные проекты, наблюдал за постройкой и участвовал в испытаниях.

Во время моей жизни и работы в Ленинграде во главе Советского Союза поочередно были Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, К. У. Черненко и М. С. Горбачев.

Время правления Л. И. Брежнева получило название «период застоя». Основания для такого определения, конечно, были.

В моей же личной жизни это был период самой активной деятельности и результативности в достижении успехов, на него приходится пик моей служебной карьеры.

Известно, что мемуаристы вольно или невольно пытаются свои собственные настроения и представления экстраполировать «на всех». Поэтому еще раз хочу напомнить читателю, что я пишу о своем видении этого периода, рассчитывая на то, что приводимые мною факты, вроде мелкие, вроде не имеющие никакого исторического значения, помогут читателю составить свое собственное представление о том, что было и как было. Кажущаяся бессистемность примеров жизни не должна смущать читателя. Она подобрана так, что позволяет представить как

позитивную, так и негативную сторону той жизни.

Во времена Брежнева был не только застой, был размах и были великие достижения в жизни страны.

В моем понимании в период застоя Союз Советских Социалистических Республик был великой мировой державой. Он обладал военным и морским могуществом, колоссальными по своему разнообразию и величию природными ресурсами, человеческим, промышленным, научным, творческим потенциалом, устойчивым управлением и безопасной средой проживания. Но уровень условий жизни его населения был гораздо ниже, чем у передовых промышленно развитых капиталистических стран. Под условиями жизни здесь понимается материальное благосостояние, свобода слова, творчества, поездки в другие страны и т. п.

Страна дошла до пика своего развития, возможного в рамках существующих порядка и закона. Не было никаких движений в сторону реформ, способных изменить существующие порядки с целью обеспечить дальнейшее развитие страны. Поэтому и наступил застой, остановились на достигнутом уровне.

Можно на сотнях страниц перечислять все то, что было создано в период застоя, а можно сказать проще.

В течение десяти лет так называемых рыночных реформ Ельцина страну предавали и продавали, грабили и разворовывали, разрушали и унижали, а она все живет тем, что осталось от советской власти, в том числе и от периода «застоя».

Но именно во время Брежнева отчетливо выявлялся весь тот негатив, который вызывал недовольство населения страны существующим положением и порядками.

Величайшие достижения социализма, в том числе отсутствие безработицы, бесплатная медицина, бесплатное обучение от начального до высшего, практически бесплатное жилье, отсутствие беспризорности, нормальные межнациональные отношения, почти стопроцентный бесплатный охват детей в летнее время пионерскими лагерями и другими оздоровительными учреждениями, мощная государственная поддержка спорта, практически бесплатная система санаториев, домов отдыха, пансионатов для отдыха трудящихся, безукоризненно точное соблюдение сроков выплаты зарплаты и еще многое-многое другое, население страны стало считать само собой разумеющимся явлением и никакой заслуги советов и партии в этом уже не видело. А вот многочисленные и постоянные огрехи в реализации всего вышеперечисленного были на виду и постоянно раздражали людей, вызывая их возмущение советами и партией.

В это время множество советских людей стали бывать за границей то ли по службе, то ли по туристическим поездкам или другим причинам. Там они видели более высокий уровень жизни и благоустроенный быт. Заграничные фильмы, зарубежная литература, радио типа «Свобода», свидетельства очевидцев — все это создавало в определенной массе населения настрой, что у нас все не так, надо сделать как там. При этом не принималось во внимание, что там есть свои жесточайшие проблемы (безработица, наркомания, мафия и т. п.) и что там есть десятки стран, где уровень жизни гораздо ниже, чем в Союзе.

Первых полтора года в Ленинграде мы жили у родителей жены. Квартира коммунальная. В комнате нас было пять человек. Всего в квартире — двадцать. Кухня одна, раковина одна, унитаз один. Потом мне была выделена квартира в стандартном доме нового жилого района.

В новую квартиру стали покупать новую мебель. Мебели было мало, а желающих купить много. Половина желающих купить мебель организовывала очередь, составляла списки, назначала дежурных и т. п. Вторая половина использовала связи в торговых инспекциях или давала взятки продавцам. С большими трудами и хлопотами мебель мы купили.

Вскоре после завершения наших квартирно-мебельных хлопот мы с женой поехали на отдых и лечение в санаторий Германской Демократической Республики (ГДР). Группа наша была маленькая, всего десять семей. Разместили нас в отдельном доме, где никаких других отдыхающих, кроме нас, не было. В этом доме все было свое: кухня, столовая, ванны и т. п. Обслуживала домик семья из трех человек: Ганс, его жена и дочь. Ганс работал в котельной, жена — в столовой, дочь — медсестра. Ганс был в нашем плену, немного говорил по-русски. Он нам чем-то помог пару раз, я его угостил водкой. Не по-немецки, а по-русски, т. е. налил стакан. Ганс пригласил меня к себе домой выпить пива. Жил он в этом же доме. Квартира у него была трехкомнатная, только не малогабаритная, как у меня, а нормальная. На первом этаже гостиная, кухня, туалет, на втором две спальни — обе с ваннами. Я первый раз видел квартиру, где для каждой спальни своя ванная.

Миллионы и миллионы советских людей могли только мечтать о чем-то похожем на жилье Ганса. В ГДР на каждом шагу были доказательства более чем у нас благополучной жизни населения страны. Без всяких списков, без всяких очередей каждый мог свободно купить в магазине автомобиль, мебель, одежду, продовольствие и т. п. Сами собой приходили мысли такого плана: пусть Ганс живет хорошо, пусть живет еще лучше,

но и советские люди должны жить лучше. Как же так получается, что побежденные живут лучше победителей?

Процедура оформления документов для поездки на лечение и отдых в санатории стран народной демократии была унизительной. Мне, начальнику института, необходимо было получить характеристику партийного комитета своего же института о том, что я политически и морально выдержан и за рубежом не опозорю Советский Союз. Получалось так, что здесь я могу руководить крупнейшим институтом нашей страны и решать задачи государственного уровня, а для возможности отдыха за рубежом в другой социалистической стране меня еще раз надо проверить. Потом партийная характеристика утверждалась начальником политического отдела научно-исследовательских институтов ВМФ. Начальник ГИУ ВМФ по служебной линии писал на меня специальную характеристику, в которой подтверждал мою надежность для выполнения такого сложнейшего задания, как принимать лечебные ванны в санатории дружественной страны. Моя жена, хотя и не была членом партии, оформляла аналогичные бумаги по своей линии. После оформления всех этих бумаг список кандидатов проверялся контрольными органами и утверждался на уровне руководства Министерства обороны. Перед отъездом всю группу инструктировали в Москве. Самому инструктирующему было уже противно повторять заезженные слова и фразы о том, как мы там должны высоко держать и ничего не допускать.

Обмен советских денег на деньги страны пребывания разрешался в мизерных размерах, что давало повод принимающей стране подтрунивать над нашей бережливостью. Каждому хотелось что-то привезти домой, а не потратить деньги за границей на вино, пиво, мороженое и т. п.

Во время посещения стран народной демократии я сравнивал, как у нас и как у них. Получалось, что во многом у них человечнее, проще и разумнее. Получение парной путевки, т. е. с женой, в наш военный санаторий было для многих офицеров, особенно молодых, проблемой. Не всякому это удавалось. В Болгарию неженатым офицерам путевки в санаторий просто не давали. Туда надо было ехать только с женой. Никаких осложнений с получением путевок не было. Дети — проблема для отдыхающего с женой советского офицера. Кое-где для них были пансионаты, большинство же детей пристраивали на частных квартирах. В наших некоторых санаториях у входных дверей висело объявление: «С детьми вход воспрещен». В Болгарии офицеры в санатории жили вместе с женами и детьми. В наших санаториях на улице перед входом на территорию санатория

всегда был какой-нибудь замызганный ларек с дядей Яшей или тетей Машей, где офицеры могли выпить вина или коньяка. При этом все стоя, никаких столиков. Посуда — граненые плохо вымытые стаканы. Время от времени эти ларьки запрещали, закрывали, потом они появлялись снова. В странах народной демократии при санаториях на открытом воздухе были кафе. После ужина отдыхающие с детьми направлялись туда, пили вино, танцевали. Для детей продавались разные занимательные съедобные штучки, они танцевали на той же площадке, что и взрослые. На этих площадках часто устраивались концерты. На одном из таких концертов в Болгарии танцевали и пели цыгане. Они так лихо отплясывали, что пятилетний сынишка отдыхающего болгарского офицера взобрался на сцену и стал танцевать вместе с ними. Никто не бросился его уводить со сцены. Кончив танец, мальчик вернулся к папе с мамой за их столик. Родители его не ругали. Администрация санатория не стала наводить порядок, хотя их столик стоял невдалеке от эстрады. В наших санаториях этого никогда не могло случиться, потому что вечером пятилетнего сынишку на такой концерт никто бы не допустил, а если бы он забрался на сцену, то его немедленно оттуда удалили.

Когда в наш санаторий прибывал офицер с женой, то его часто поселяли в одну комнату с каким-нибудь мужчиной, а жену — в другую, с женщиной. Объясняли тем, что нет свободного номера, чтобы поселить мужа и жену вместе. Я сам и моя жена в ялтинском доме отдыха четверо суток жили в разных комнатах.

Процедура приема в наших санаториях была нудной и утомительной. Существовало специальное приемное отделение. С чемоданами идешь туда. Там сидишь и ждешь, когда подойдет очередь к дежурному врачу, который измерит температуру, давление и заведет историю болезни. Потом идешь к диспетчеру, который начинает искать, куда бы поселить. Это самый неприятный и унизительный процесс. Называют куда — идешь туда со своими чемоданами. Пришел туда, а там люди еще не выехали или уборку не успели произвести. Эти же приемные отделения занимались и эвакуацией отдыхающих. Я помню, что пару ночей стоял в очереди, чтобы взять нужный мне билет.

В зарубежные санатории советские офицеры обычно отправлялись группами по обмену. Например, двадцать офицеров от нас к ним, а они — двадцать офицеров к нам. Но были и единичные поездки. В санаторий «Империал», что находится в чешских Карловых Варах, я с женой приехал без группы. У меня была одна путевка на двоих. В этой путевке уже был указан номер той комнаты, где мы будем жить, и точное время прибытия и

убытия. Приехали в «Империал», подошли к дежурной, отдали путевку и документы. Она задала всего два вопроса. Первый — как себя чувствуем и не нужно ли к врачу, второй — когда и как будем уезжать, чтобы она могла заказать билеты. Ровно через десять минут дежурная дала нам ключ от комнаты и бумагу, где было все уже расписано, что и как мы должны делать. За два дня до отъезда эта же дежурная позвонила и попросила прийти забрать билеты на обратный путь и медицинские документы. На это у меня ушло еще пять минут. Итого: всего пятнадцать минут на всю бумажную процедуру прибытия-убытия.

В столовой в громадном зале во время приема пищи в центре всех стоял заведующий столовой, пожилой поджарый мужчина в строгом костюме. Если где-то официантки не успевали убрать грязную посуду, он хватал поднос и сам относил ее на мойку. Там я всегда вспоминал, как в наших санаториях обедал среди грязной посуды. Заведующий отделом культуры санатория делал все сам. Идет фильм на английском, немецком или французском языке — он в зале дублирует его для русских. Пойдет снег — он утром отгребает снег от всех своих заведений. В библиотеке он же выдает книги. С русскими же ездит на экскурсии.

Везде четкая организация и порядок, что чрезвычайно благоприятствует отдыху и лечению.

Опять возникает вопрос — почему у них так, а у нас по-другому. Почему у нас лозунги: «Все для блага народа», а кругом бестолковщина и хамство.

Конечно, во время этих поездок мы неоднократно чувствовали гордость за нашу страну и наш образ жизни. У нас было чем гордиться, в том числе тем влиянием, которое имела наша страна в мире, достижениями нашей науки и техники, нашими спортсменами, нашими артистами и др. С не меньшей радостью мы смотрели, как в Берлине, где никогда не видели очередей, стояла очередь за советским мороженым. Качество русской водки, сигарет и советского шампанского ни у кого не вызывало сомнения. Немецкие офицеры, учившиеся в Союзе, всегда с большим уважением вспоминали о постановке учебного процесса, не забывая при этом упомянуть борщ, шашлыки и пельмени.

Многое нам было непонятно и совершенно неприемлемо. В Праге, например, мы с женой наблюдали такую сцену. Из магазина выходит молодой человек с коробкой вафель и у входа встречается с молодой женщиной, держащей за руку мальчика лет пяти-шести. Видимо, это были добрые знакомые, они обрадовались встрече и стали оживленно разговаривать. Мальчик дергает мать за руку и что-то клянчит. Мужчина, не прекращая

разговора, открывает коробку и дает мальчику вафлю. Мальчик занялся вафлей и успокоился. Женщина, не переставая разговаривает, достает кошелек и передает мелкую монету за вафлю мужчине, который в свою очередь достает кошелек и прячет туда монетку. По нашим понятиям, отдавать деньги за то, что знакомый угостил ребенка — оскорбление для обеих сторон.

Мое служебное положение помогло мне попасть в один из хитрых списков, который позволил в конце 1972 года приобрести легковой автомобиль «Жигули» первой модели. На этом автомобиле мы с женой ездили в Таллин, Вильнюс, Ригу, Калининград, Балтийск, Минск, Беловежскую Пущу, Киев, Одессу, Петрозаводск, Москву, Ярославль, Кострому и в другие города. На автомобиле своих знакомых мы проехали по маршруту Цхалтубо — Тбилиси, Ереван — Баку. Вместе с сыном побывали в Бухаре, Самарканде, Ташкенте. Сын с турпоходами неоднократно бывал в Дагестане, на Алтае, в Сибири, на Камчатке. В то время везде был твердый порядок. Мы не боялись ездить по своей стране. Проехав десятки тысяч километров по разным краям и городам нашей страны, мы не слышали ни одного рассказа о грабительском или бандитском нападении.

В зимнее время конца шестидесятых годов самолеты дальних рейсов летали полупустыми. Этим пользовались студенты, чтобы бесплатно летать из города в город. Делалось это так. Летит, например, самолет Москва — Владивосток. Совершает первую посадку в Казани. Пассажиры выходят из самолета. После перерыва объявляется посадка. Сперва приглашают на посадку тех пассажиров, которые летели из Москвы. У этих пассажиров тогда вторично билеты не проверяли, рассчитывая на то, что это уже сделали в Москве. К ним присоединялся безбилетный студент и проникал в самолет. После того, как все московские пассажиры усядутся в кресле, приглашали казанских пассажиров, у которых проверяли билеты и документы.

Привел я эти примеры с автомобилем и самолетом, чтобы дать зримое представление, как спокойно и безопасно в те годы жилось в нашей стране.

Органы власти и партии совершали в это время многие действия, вызывающие у граждан страны отрицательное к ним отношение. Большинство этих действий имели благие намерения, но их исполнение превращалось в раздражитель общества.

В стране всегда было плохо с продовольствием. Для снятия напряженности было принято решение разрешить создание коллективных садоводств, где трудящиеся могли выращивать яблоки, сажать картошку, разводить ягодники и т. п. Первые же опыты показали высокую эффективность этого начинания.

Урожаи на своем участке были гораздо выше, чем на колхозных и совхозных полях. Работящий садовод обеспечивал свою семью на весь год яблоками, картошкой, капустой, луком, свеклой и т. п. Польза от этого была многосторонняя: человек при деле, пьет водки меньше, на свежем воздухе здоровье поправляет, дети привыкают к полезному труду и т. д. Но это очень хорошее и нужное народу дело нелепыми постановлениями, инструкциями и распоряжениями было превращено в сгусток обиды, раздражения и недоумения.

Люди хотели иметь свой кусок земли для ведения хозяйства и отдыха.

Руководство партии было обеспокоено тем, что садоводства могут стать базой возрождения и развития частнособственнических хозяйств, поэтому установили такой порядок, при котором отдельный садовод никакого юридического права на свой участок земли не имел. Правление садоводческого коллектива имело право за какие-либо нарушения исключить садовода из своих членов и передать его участок другому. Например, если садовод вместо малины и картошки посадит декоративные деревья и засеет участок луговой травой, т. е. превратит его в дачу, то он мог быть исключен за использование участка не по назначению.

Если садовод добровольно уходит из садоводства и у него на участке были какие-то постройки, то он мог продать их только тому человеку, которого определит правление садоводства.

По сути дела шла нелегальная торговля землей под видом продажи каких-то сараюшек, которые не имели реальной ценности.

На участке разрешалось построить летний садовый домик. В первые годы садоводства в этих домиках запрещалось устанавливать печки. Большей глупости и издевательства над людьми трудно было придумать. Весна, лето и осень почти везде у нас не очень теплые, идут дожди, садоводы приезжают с малыми детьми, а обогреться и обсушиться негде. Кто ставил печку — под страхом исключения из садоводства заставляли ломать.

Когда возмущение дошло до критического предела, печки разрешили ставить, но домик все равно должен быть летним. Строительных материалов в продаже было крайне мало, поэтому домики строили из чего попало. Мой сосед по садоводству где-то достал бракованные стеновые панели из керамзитобетона и сделал из них свой домик. Органы власти приказали этот домик разобрать, так как в постановлении разрешено строить только летние домики, а здесь стены из панелей для зимних домов.

Сосед, недолго думая, обшил снаружи каменный дом деревянной вагонкой, а внутри оклеил обоями. Внешний вид стал как у летнего домика. Так он и стоит уже третий десяток лет.

Домик разрешалось строить не более чем пять на шесть метров в плане и без мансарды. Сборно-щитовые дома таких размеров специально для садоводов изредка продавались в магазинах стройматериалов. Моему товарищу удалось купить такой домик. Он сделал кровлю круче типового проекта, получился чердак, на котором он устроил деревянный пол и поселил трех своих дочерей. В это время шла сплошная проверка садоводов на соблюдение правил застройки. У кого обнаруживали мансарду, заставляли разбирать кровлю и уничтожать мансарду. Мой товарищ не растерялся, привез машину котельного шлака, затащил его на чердак и рассыпал по дощатому полу. Комиссия залезла на чердак, увидела только шлак, следов жилого помещения нет, и ушла. После ухода комиссии шлак убрали и использовали чердак под жилье. Это было в 1969 году, а за тридцать лет до этого, в 1939 году, моего товарища призвали в армию и направили в войска противовоздушной обороны под Ленинград, где он прослужил всю финскую войну, всю немецкую блокаду, заслужил боевые награды и только в 1945 году был направлен на учебу в офицерское училище, после окончания которого долгие годы служил на Камчатке. К моменту затаскивания шлака на чердак мой товарищ был в звании полковника и находился на действительной военной службе. Если умножить 5х6 метров (размер дома в плане), вычесть оттуда толщину стен, кухню и тамбур, то получится комната 18 кв.м, где должна была ночевать семья полковника из шести человек, т. е. два квадратных метра на человека. Вот все, что имел право построить фронтовик под Ленинградом, оборонявший этот город в двух войнах и не пропустивший ни одного дня этой кровавой страды.

Позднее в зависимости от численности семьи мансарды делать разрешили. Но все равно размеры домика в плане ограничивались.

В конце семидесятых годов в Ленинграде проводилась жесткая борьба с нарушителями норм застройки на садовых участках. Мой начальник в чине генерал-майора имел садовый домик, несколько превышающий нормативные размеры в плане. Проверяющие заставили его разобрать. Генерал отказался. Правление исключило его из членов садоводства, передало его участок другому человеку и предложило освободить территорию. Генерал надел мундир, боевые ордена и пошел на прием к первому секретарю райкома партии, который сказал ему, что

перед законом все равны и надо уходить из садоводства или привести домик в нормативные размеры. Генерал вернулся, нанял двух мужиков с поперечной пилой, которые и отпилили, а потом и разобрали лишнюю часть дома. Длина этой лишней части была полтора метра.

В Севастополе нормы на размеры садовых участков и домиков были гораздо меньше, чем в Ленинграде. Там более правильным было бы название садовая будка, а не садовый домик. Под этими будками садоводы стали делать подвалы, устройство которых местными правилами запрещалось. У одного морского летчика, подполковника по воинскому званию, проверочная комиссия обнаружила подвал и распорядилась его ликвидировать. Подполковник засыпал подвал песком, комиссия нашла это недостаточным. Летчик отказался делать по-другому. Его исключили из садоводства и предложили освободить участок. Он отказался. Дело передали в суд, который принял решение о принудительном выселении подполковника. На защиту летчика выступила общественность, газеты, в том числе центральная — «Известия». В ходе вторичного судебного разбирательства было подтверждено первое — исключить летчика из садоводства. Корреспондент «Известий» добился еще одного рассмотрения в более высокой судебной инстанции, после чего летчика оставили в садоводстве, но подвал заставили замуровать более капитально.

На садовых участках запрещалось строительство бань и гаражей. Вокруг территории участка не разрешалось устанавливать никаких, в том числе и сетчатых, заборов. Получается дурдом. Люди приезжают на выходные, т. е. в те дни, которые издавна считались банными. Наработаются, попотеют, а мыться приходится с помощью тазиков. В эти же дни надо что-то сделать с машиной. Нет гаража или навеса, пошел дождь — нельзя с автомобилем повозиться. В любом садоводстве, кроме своих, много бесхозных собак, которые бегают по грядкам, нанося тем самым ущерб садоводам. Была бы сетка вокруг участка — был бы садовод защищен от этой беды.

Сперва в Ленинграде садовые участки выделялись размером двенадцать соток (тысяча двести квадратных метров), потом норму уменьшили до шести соток. Двенадцать соток — это терпимая норма, шесть — сидят друг на друге. Было непонятно, почему столько земель пустует, а норму урезают.

Многие, даже очень многие люди, хотели бы иметь не садовый участок, а дачный. Там и дом можно иметь приличный, и картошку сажать необязательно. Начиная с конца шестидесятых годов новых дачных кооперативов не образовывали, а купить дачу в существующем кооперативе было чрезвычайно сложно.

Существовало такое выражение: «В виде исключения». Новое дачное строительство было запрещено, но регулярно для кого-то выносилось решение: «Разрешить в виде исключения, выделить участок и построить дачу».

В это «исключение» наряду с действительно исключительными и заслуженными людьми сплошь и рядом проникали люди, единственной исключительностью которых была близость к властьимущим или деньги.

Вокруг крупных городов, в том числе и Ленинграда, было много полузаброшенных деревень с большим количеством пустующих домов, которые продавались за мизерную стоимость. Купить дом можно было только тогда, когда свою городскую квартиру сдашь государству. Если у городского жителя в деревне жил родственник, то только тогда его дом мог по наследству перейти к горожанину. Опять у партийного руководства была максимальная боязнь нарушить принцип социального равенства: «Кто-то будет иметь государственную квартиру в городе да плюс еще собственный дом в деревне». На деле все это нарушалось повсеместно, в том числе и самим руководством, которое опять-таки применяло принцип «в виде исключения».

По здравому смыслу на базе полузаброшенных деревень можно было бы организовать небольшие садоводства, что оживило бы эти деревни и существенно облегчило бы труды садоводов по благоустройству своих участков. Но садоводов все время загоняли в необжитые районы, требующие труда, труда и еще раз труда.

Параллельно с этим существовали элитные садоводства и дачные поселки, где правила и нормы были другие. Строились государственные дачи и пансионаты для так называемой «номенклатуры». Все это было на виду, хоть и за высокими сплошными заборами, все это вызывало законный вопрос: «Почему им можно, а нам нельзя? Почему говорят одно, а делают другое?» Все это шло в копилку чувств и настроений с надписью: «Что-то в нашей стране не так».

Приведенные примеры одни из многих, на которые можно сослаться в качестве того, как действия руководства формировали недовольство граждан страны существующим порядком.

Одной из примет периода застоя была система очковтирательства и приписок в показателях выполнения плана. Подписывали акт о сдаче дома в эксплуатацию 30 декабря, дом считался введенным в эксплуатацию, а жильцы могли туда заселиться не ранее мая-июня следующего года. Все это время дом достраивался. Подписывали акт о приемке корабля в состав Военно-морского флота, он приходил в базу, а на нем все еще

работали до трехсот человек от завода. В море на службу корабль выходил иногда год спустя после приемки его от Минсудпрома. Специальным распоряжением правительства страны сроки отчетного года с 31 декабря переносились сперва на 15 января нового года, а потом стали доходить до начала марта. В газетах, на радио и телевидении победные рапорты — годовой план выполнен, а в жизни он все еще выполняется.

Период застоя — это время зарождения, развития и становления теневой экономики, которая уже тогда породила коррупцию и рэкет. Теневая экономика — это создание частных производств, не имеющих никакой государственной регистрации и работающих без налогов, только на своего владельца. В большинстве своем частные производства создавались на базе действующих государственных предприятий. Естественно, что вся эта незаконная деятельность тщательно маскировалась.

Период застоя — это время, когда идеологическое размежевание общества приобрело видимые формы. Появились так называемые диссиденты — открытые активные противники строя, преследуемые властями в судебном и административном порядке. Появились сочувствовавшие диссидентам, в основном интеллигенты, еще не делавшие действий, за которые их можно было преследовать властям, но готовые к их совершению. Сформировалась часть общества, которая была далека от диссидентов и им сопутствующих, но не принимала всерьез официальную идеологическую пропаганду. Существовал определенный круг людей, для которых вопросы идеологии были безразличны.

Значительную часть населения составляли приверженцы официальной идеологии, ее проводники и исполнители.

Наиболее зримо, наглядно и остро идеологическая борьба происходила в сфере творческой жизни общества.

Мой знакомый, преподаватель Ленинградского высшего военного инженерного училища в звании подполковника, был уличен в том, что читал книги Солженицына. Его немедленно отправили служить в один из отдаленных провинциальных гарнизонов.

В постсоветское время нет дня, нет часа, чтобы не появилось еще одно воспоминание, как артиста зажимали, писателя не издавали, музыканта не пускали, художника не выставляли и т. п. Сила идеологического пресса, по этим воспоминаниям, была величайшая, а идеологический официоз — всепроникающим. Я был далек от людей творческих профессий, поэтому у меня нет личных воспоминаний на эту тему.

Одновременно с мощным идеологическим официозом текла

действительно творческая талантливая результативная деятельность. В этот период были созданы великолепные фильмы — гордость нашей страны. Песни того времени и сейчас любимые песни нашего народа. Театры ставили удивительные, выдающиеся спектакли. Нашему балету аплодировал весь мир. Эти фильмы, спектакли и песни я вспоминаю с величайшим удовольствием.

Для могилы Хрущева скульптор Эрнст Неизвестный сделал памятник: половина лица — темная, половина — светлая. Если говорить о периодах оттепели и застоя, то вернее, короче и точнее не скажешь: одна часть жизни темная, другая — светлая. По моему восприятию, размер светлой части больше.

В период застоя говорили одно, думали другое, а делали третье. Это являлось великолепным поводом и базой для рождения анекдотов. Они были по-настоящему смешные, злые и часто имели определенную направленность — размывать идеологическую базу страны. К последним относятся анекдоты про Чапаева. Для моего поколения Чапаев — образец для подражания. Анекдоты превратили его для сегодняшнего поколения в придурка. Смысл совершенно ясен: если такие недоумки воевали за власть Советов, то что можно ожидать от такой власти.

Период застоя — это начало ностальгии по Сталину. Бессилие и нежелание власти наводить порядок, постоянно ухудшающиеся условия жизни вызвали тягу части народа к Сталину. Многие водители, а в Грузии — большинство, держали за стеклами своих автомобилей портреты Сталина. На рынках появились в продаже его изображения. Спрос на них был постоянный. В разговорах часто говорили про власти: «Сталина на них нет». Казалось бы, после всего того, что стало известно о культе личности, о лагерях, репрессиях и т. п., его имя будет упоминаться только с проклятиями. Получилось наоборот. Легенда о том, как начальники всех степеней боялись Сталина, как одно его слово решало проблему, была жива и обладала притягательной силой. Главная тема воспоминаний про Сталина — после войны ежегодно цены снижались, сейчас — повышаются. Главный упрек властям — при Сталине начальники были скромные, не особенно отличались по уровню жизни от рабочих, сейчас превратились в господ.

В период застоя вместо культа личности Сталина расцвел культ личности Брежнева. Только при Сталине был настоящий культ, а при Брежневе — фарс. Брежнев вдруг стал больше герой, чем Жуков. Смешно и жалко было смотреть передачи по телевидению, где он выступал или поздравлял кого-либо. Но власть держать он умел, внешнюю политику проводил твердо и

ни перед кем на Западе не прогибался.

После смерти Брежнева Генеральным секретарем ЦК КПСС стал бывший Председатель Комитета государственной безопасности (КГБ) Ю. В. Андропов. Правил он недолго, умер от болезни. С его приходом в стране началась «большая стирка». Как обычно, средства массовой информации доводили до населения только дозированный объем сведений. Но по циркулирующим разговорам было известно гораздо больше. Возбуждали уголовные дела и снимали с должности многих видных партийных советских и военных начальников. Мотивы: злоупотребление служебным положением, взяточничество, хищение социалистической собственности и т. п. Андропов всколыхнул болото, которое образовалось в период застоя.

На одной из конференций моим соседом оказался полковник, член партийной комиссии Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота. Конференция была скучная, сидели мы далеко и коротали время разговорами. Полковник рассказал мне, что с приходом Андропова стали привлекать к партийной ответственности, невзирая на должность и воинские звания. А зарвавшихся и зажравшихся крупных и даже очень крупных военных оказалось достаточно.

Однажды я поездом после командировки возвращался из Москвы в Ленинград. Мой сосед, торговый работник, был пьян, но не в стельку, а в такой степени, когда хочется только одного — излить душу. Кроме меня, в купе больше никого не было, поэтому излив души пошел на меня. Лейтмотив излива: «Брежнев сам жил и нам давал. Андропов сам жить не умеет и нам мешает».

До Андропова регулярно происходило повышение цен на водку, что, естественно, автоматически понижало уровень жизни населения. Ведь тогда стоимость многих видов работ исчислялась в бутылках. Покрасить крышу, вскопать огород, привезти песок и т. п. — все имело твердый тариф в поллитровках. При Андропове была выпущена водка, стоимость бутылки которой была меньше стоимости уже бывших в продаже. Эта новая водка тут же получила название «андроповка», а мужики стали похвально отзываться о новом генсеке.

Для меня личность Андропова — неразгаданная тайна. Что, как, когда он хотел сделать — осталось с ним. С ним были похоронены надежды многих на то, что он сумеет вывести страну из застоя.

После Андропова страной правил Черненко. От его недолгого правления в памяти осталось только одно: как можно было поручить старому и очень больному человеку руководить громадной страной в такое неспокойное время?

После Черненко к власти в 1985 году пришел Горбачев. Во время его правления и в результате этого правления в нашей стране произошло событие, которое, без всякого сомнения, является крупнейшим этапом мировой истории. Союз Советских Социалистических Республик был расчленен на отдельные государства, которые ликвидировали у себя социалистический строй и стали на путь возрождения капитализма.

Это крупнейшее событие мировой истории человечества, и роль в ней Горбачева, его причины, сущность и последствия всегда будут предметом пристального внимания и изучения широкого круга специалистов самых разных политических взглядов, пристрастий, интересов и национальностей.

В планы моих воспоминаний не входит исследование роли Горбачева в крушении социализма. У меня нет для этого желания, специального образования, опыта работы, а также источников, которые необходимы для серьезного анализа. Я приведу только свое видение Горбачева, не пытаясь убедить читателя в том, что оно единственно правильное.

Первая моя оценка его деятельности — положительная. Мой знакомый работал в Ленинградском аэропорту Пулково и имел отношение к встрече и проводам высоких гостей из Москвы. Он рассказывал, что когда Горбачев первый раз в должности генерального секретаря КПСС был в Ленинграде, то в Москву возвращался самолетом. В Пулково был накрыт традиционный стол, от которого Горбачев отказался. Провожающие были этим фактом огорошены, уехали, оставив все, как было приготовлено.

Обслуживающий персонал выполнил работу высшего руководства страны, съел и выпил все накрытое. Я еще подумал, наконец-то появился руководитель, которому не чужды понятия о скромности.

Дальнейшие действия Горбачева меня разочаровали, и у меня сложилось мнение, что ничего путного для страны он сделать не сможет. Одним из первых действий Горбачева было принятие специального постановления по машиностроению. Было объявлено, что решим проблемы в машиностроении — все остальное пойдет «на ура».

До Горбачева аналогичные постановления уже были. Намечался какой-то конкретный показатель, и объявлялось, что если его достигнуть, то вся страна будет жить хорошо. У Сталина эта задача выражалась в миллионах пудов пшеницы и миллионах тонн стали. У Хрущева — в кукурузе и химии. Всего этого по количеству страна достигала, но резких изменений не происходило.

У Горбачева с машиностроением все лопнуло, не успев

начаться. Потом Горбачев объявил, что он занят подготовкой доклада к 70-летию Великой Октябрьской революции и что в этом докладе он откроет миру совершенно новое, обнажив глубину этого события. У русских на этот счет есть поговорка: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь». Горбачев сказал «гоп», а перепрыгнуть не смог. Доклад получился рядовой и ничего миру не сказал.

Дальше Горбачев везде стал появляться со своей женой, а потом на всю страну объявил, что он вместе с Раисой Максимовной читает Достоевского. Меня это покоробило, потому что я хотел услышать, что новый генсек со страной будет делать, а не то, чем он со своей женой занимается.

На тему его жены мне вспомнился забавный случай, которому я был свидетель. В вагоне электрички один подвыпивший мужик громко кричал: «Где работает Раиса Максимовна, почему она за казенный счет везде с Горбачевым ездит?» Вагон сочувственно помалкивал, только один человек сделал мужику замечание, но тот продолжал орать. Тогда этот человек сказал: «Если ты не перестанешь спрашивать, где работает Раиса Максимовна, тогда я тебе скажу, где я работаю». Орущий мужик был человек в возрасте, он что-то вспомнил и мгновенно замолчал. К этому времени распространились слухи, что Раиса Максимовна активно вмешивается в деятельность органов власти и что в Москве Ельцин этому сопротивляется.

Начались демократические преобразования. Никакой четкой программы объявлено не было. Горбачев вбросил в страну словечко «перестройка», под которое можно было делать все, что угодно. Все происходило с виду спонтанно, но явно просматривалась четкая последовательность действий, в которых генеральный секретарь играл далеко не главную роль. Горбачев с Раисой Максимовной катались по заграницам. Глядя на то, как они реагируют на почести и внимание за рубежом, вспоминались слова из басни Крылова: «От радости в зобу дыханье сперло». На это рассчитывали те, кто из тени руководили событиями.

Горбачев много говорил. Говорил длинно, захлебываясь в словах. Его речь не была речью интеллигента. Даже ударения в словах умудрялся не так ставить. Стал применять иностранные слова, ранее у нас неупотребляемые. Великий человек никогда много не говорит и не применяет слова, неизвестные его народу. Напрашивалось сравнение Горбачева с Керенским.

Чем больше говорил Горбачев, тем хуже становилось в стране. Ничего умнее Горбачев не придумал, чем строить для себя в Форосе дорогостоящую резиденцию по проекту заграничных архитекторов и объявить войну алкоголю.

Это был блестящий ход врагов нашей страны и нашего строя — убедить Горбачева втянуться в непопулярные народу дела. Элитные постройки для номенклатуры *уже* вызывали негодование «широких народных масс», а тут сам Первый — хранитель идеалов равенства и справедливости — тратит миллионы народных денег на удовлетворение своего тщеславия. До Горбачева возьмут бутылку, выпьют, пар выпустят и снова работают. Это, конечно, очень плохо. Народ спивается, появляется призрак вырождения, но на улицы не выходят и терпят сложившееся положение. А тут вдруг и выпить запрещают. Водка только по талонам, вина совсем нет — виноградники вырубили, заводики плодово-ягодных вин закрыли и разорили. Пиво практически перестали выпускать. Я не помню, чтобы во время горбачевской антиалкогольной кампании хоть раз пил пиво.

В романе одного английского автора, где говорилось о социалистическом настрое рабочей среды в начале двадцатого века, все главные события разворачивались в пабах — пивных клубах. Там происходили рабочие собрания, там сочинялись листовки, там кипели страсти, которые не выплескивались на улицу. Автор замечает, что если бы в это время правительство приняло решение о закрытии пабов, то на следующий день народ вышел бы на улицы, и в стране вспыхнула бы социалистическая революция.

Вид громаднейших извивающихся очередей за водкой, которые стали называть «петлей Горбачева», наводил на мысль, что добром это не кончится. Чуть погодя вдруг пропали табак и спички. Опять громадные очереди. Потом из магазинов стало пропадать все, абсолютно все. Весь народ страны вышел на улицы пока только для того, чтобы стоять в очередях. Смотря на народ в очередях, я не раз вспоминал этого английского писателя, который говорил, что, пока народ сидит по пабам и не вышел на улицы, потрясений можно не ожидать. И еще я вспоминал одну из версий, почему произошла Октябрьская революция в России. Автор объяснял ее просто, народ вышел на улицу, стоял в очередях, хлеб не привезли, народ пошел не по домам, а прогонять то правительство, которое не обеспечило подвоз хлеба.

Чтобы представить себе, что из магазинов пропало все, приведу такой пример. В это время я был в командировке в городе Красноярск-26, который сейчас благодаря средствам массовой информации стал известен всей стране как один из главных центров нашей атомной промышленности. В те времена он был еще абсолютно закрытый город, и допуск меня туда оформляли по всем правилам режима. Вид города меня поразил — прекрасный город. Все чисто, все прибрано, все ухожено, все

сделано добротно и уютно. Цель моей командировки — оговорить условия утилизации реакторов с жидкометаллическим теплоносителем войсковых атомных электрических станций. Меня подвезли к площадке, где лежали штабеля железобетонных изделий, и сказали, что все это заготовлено для строительства завода по переработке и утилизации отработавшего ядерного топлива. Сперва строительство задерживалось финансированием, а сейчас еще и зеленые организовали блокаду этого района. Служебные дела завершились тем, что составили протокол о намерениях. Хозяева намеревались построить завод и принимать наши жидкометаллические реакторы для утилизации, а мы намеревались загрузить их работой. Оставшуюся пару часов до отхода рейсового автобуса я посвятил осмотру магазинов города. Все отлично выполненные и все абсолютно пустые. Все продавцы были на местах. Кое-где было кое-что, но только по талонам. И это в закрытом городе, где всегда было отличное снабжение и откуда все командированные возвращались с каким-либо дефицитом. Мне тоже хотелось привезти что-то на память об этом городе. В одном хозяйственном магазине мне удалось купить резиновый коврик, который и сейчас уже полустертый лежит перед дверью моей квартиры, ежедневно напоминая о Горбачеве, который довел страну до того, что в магазинах города, где сконцентрировалась научная, промышленная и оборонная мощь страны, больше ничего нельзя было купить.

Жили мы тем, что покупали по талонам, выдаваемым по месту жительства, и тем, что приобретали в «столе заказов» на работе. Централизованно от государства предприятиям выделялось какое-то количество продуктов, которое и распределялось среди работающих посредством этих «столов заказов». Название здесь никак не соответствовало сути. Покупали там не то, что заказывали, а то, что привозили. Распродавали все и мгновенно. Столы заказов имелись далеко не на каждом предприятии и отнюдь не во всех городах и поселках.

Демократия в нашей стране началась со свободы слова. Потоки разоблачений, ругани и клеветы в адрес коммунистов и советской власти заливали страну. Среди этой мутной лавины были и серьезные аначитические работы, вскрывающие пороки существующей экономической системы, функционирования партийных и советских органов. Многие из них носили позитивный характер, т. е. не только ругали, но и что-то предлагали. Были и разоблачения, по которым надо было бы привлекать к судебной ответственности. Но свобода слова была односторонней. Можно было только ругать прошлое и поддерживать настоящее. Стоило только Нине Андреевой в статье

«Не могу молчать» в газете «Правда» написать иное мнение на происходящее, как вся эта лавина демократов обрушилась на нее.

Понятия Родины, патриотизма, верности стране были извращены. Мое поколение и я были воспитаны на том, что служба в армии и на флоте — почетная обязанность каждого гражданина нашей страны. Я помню, каким презрением окружали тех, кто пытался уклониться от службы в армии. Если кому-то каким-то способом удавалось уклониться от призыва, то он скрывал это, как раньше скрывали заболевание венерической болезнью. А во времена начала демократии известный кинорежиссер Эльдар Рязанов с восторгом рассказывал телезрителям, как ему удалось увильнуть от службы в армии. Что было позорно — стало нормой.

За рубежом Горбачева объявили великим. Российские демократы им подпевали. Мне казалось, что Горбачев всерьез поверил, что он великий и таким останется в истории. Чтобы заслужить еще большую похвалу от Запада и остаться на веки веков великим преобразователем мира, Горбачев предал свою страну, своих товарищей по Варшавскому договору и вывел советские войска из Германской Демократической Республики и других дружественных стран. Причем сделал это мгновенно, без всякой подготовки, нанеся этим страшнейший удар экономике страны, ее внутреннему и международному положению. Я не говорю, что этого не надо было делать. Я считаю, что надо было сделать на определенных условиях. Например, мы распускаем Варшавский Договор, американцы — НАТО. Мы уходим из ГДР только тогда, когда в СССР будет средствами и силами ФРГ построено все необходимое для дислоцирования уходящих войск. Все это я здесь написал, помня вечные слова Шота Руставели: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой издалека». Не замахиваясь на лавры стратега, я эмоционально воспринимал все происходящее. Для меня Горбачев — предатель своего народа, страны и партии. Ослепленный стремлением к вечной славе и надеждой на народную любовь, Горбачев привел Советский Союз к катастрофе. Его действия я могу объяснить только этим или еще тем, что он был просто куплен врагами нашего государства. Все-таки последнее маловероятно, так как сейчас средств у него, видимо, маловато, потому что бывший президент великой державы подрабатывает тем, что рекламирует пиццу. Главным деструктивным действием была локализация партии, в результате чего ее устранили с арены развивающихся в стране событий. К этому времени КПСС все еще оставалась силой, которая могла многое сделать. Жесткая централизация и дисциплина гарантировали возможность результативного использования

партии в процессе демократизации страны. Мне отлично известно, что история не принимает термин «если бы». Но все-таки если бы Центральный Комитет партии организовал принятие на съезде КПСС необходимых решений и мобилизовал членов партии на их выполнение, то многое могло бы быть по-другому. Мне кажется, что партия сама должна была бы открыто заявить о допущенных перегибах и ошибках и наметить новый курс, четко сформулировать программу демократизации жизни страны.

Конечно, главное, что должна была сделать партия — это осмыслить и определить новый стратегический курс страны в экономике. Примеры, что можно было сделать, были. Тут и НЭП, который при Ленине сделал чудеса с экономикой страны, тут и Китай, который после «культурной революции» очень эффективно развивает свою экономику. Не обязательно так, но обязательно ясно, зримо и последовательно кардинально.

В КПСС к этому времени были миллионы членов партии. Пусть половина из них по каким-либо причинам не смогли бы стать проводниками нового курса, но оставшаяся половина организованных, дисциплинированных и убежденных членов партии — великая сила.

Я хорошо помню партийные конференции и собрания времен Горбачева. В первой половине этого периода они проходили в обычном режиме: «Гип-гип-ура Горбачеву и его действиям». Вторая половина — растерянность и недоумение.

В это время началось массовое движение за выход из партии. Коммунист писал заявление, партийная организация его рассматривала и принимала решение «исключить». Никаких мер по выяснению причин, почему хочет выйти, и тем более по действиям для удержания его в организации не принималось. Была директива — не мешать выходить. По телевидению показывали сюжеты такого типа: милицейский начальник в больших чинах на виду у многих собравшихся сжигает свой партийный билет, группа людей бросает свои партбилеты в горящий костер и т. п. Газеты, журналы сообщали об известных людях, добровольно покинувших партию.

Привыкшие к централизации коммунисты первичных организаций не знали, что делать и как себя вести.

Из общественно-политической жизни в результате отсутствия четкого руководства были исключены организованные ячейки общества. Через некоторое время стало ясно, что это было сделано совершенно сознательно и преднамеренно. Стоит вспомнить, кто руководил партией в это время. На первом месте — Горбачев. Он никогда не был коммунистом, убежденным в

правоте своего дела. Он просто удачно делал карьеру. Когда произошел развал Союза, он своим личным решением распустил КПСС. Членов и кандидатов в члены Политбюро за некоторым исключением никак нельзя причислить к идейным коммунистам. Стоит только назвать их фамилии: Ельцин, Яковлев, Алиев, Шеварднадзе. Все они из руководителей КПСС превратились в яростных антикоммунистов. Наивно было ждать, что эти люди будут что-то делать, чтобы сохранить Советский Союз и КПСС.

Четкая последовательность действий в развале страны просматривалась по линии комсомола и профсоюзов, которые вышли из-под контроля КПСС.

По многим признакам было видно, что «всенародное негодование» не являлось только стихийным процессом, оно финансировалось и организовывалось определенными силами. Простые примеры. На Кировском проспекте в Ленинграде у памятника «Стерегущему» молодой парень размахивал трехцветным флагом, второй сидел рядом. Через некоторое время они менялись занятиями. Я еще не знал, что это будущий флаг России. Подхожу и спрашиваю, чем они размахивают и зачем. Отвечают: чем размахивают, они не знают, им это «до лампочки», а вот зачем, совершенно ясно — им за это заплатили. Когда Литва заявила о выходе из состава СССР и там произошли какие-то события, в которых демократическая общественность обвинила СССР, я видел, как на цоколе здания какой-то молодой парнишка краской написал фразу: «Прости, Литва». Я подошел и спросил, о чем речь. Он ответил: «Понятия не имею, мне заплатили — я пишу». В метро я был невольным свидетелем, как один мужчина инструктировал другого, более молодого по возрасту, как надо работать с солдатами конкретной воинской части. В конце инструктажа молодой сказал, что кончаются деньги на транспорт и другие расходы. Старший ответил: «Добавим».

Журнал «Огонек» был форвардом антисоветской и антикоммунистической пропаганды времен демократизации нашей жизни. Его редактор тех времен, тогда еще коммунист, Коротич, в настоящее время проживает в Америке. Комментарии излишни.

Когда-нибудь станет известным не только размер денежной суммы, израсходованной на организацию развала СССР и разгона КПСС, но также перечень лиц, кому они были выданы. Деньги счет любят, и просто так бесследно не пропадают. Конечно, это сверхсекретные сведения, но нет ничего тайного, что бы не стало явным.

Страну охватил хаос. Можно написать тысячи страниц, приводя многочисленные примеры того, что приближалась

катастрофа. А можно привести только один. В Москве на Красной площади среди бела дня приземлился иностранный спортивный самолет, летчик которого спокойно провел его через все стратегические линии противовоздушной обороны столицы.

На этом фоне возник Ельцин. Будучи первым секретарем московской организации КПСС, он не сработался с Горбачевым, тот его снял с должности и направил на второстепенную работу. Я помню телевизионную передачу, где Ельцин просил партийную реабилитацию. Ему отказали. Тогда Ельцин вышел из КПСС и стал ярым врагом партии, в руководстве которой состоял все время перестройки. Сразу стало ясно, что никогда он не был убежденным коммунистом, что все его действия в партии были только маневрами карьериста, и главным содержанием его жизни является стремление к власти. Ельцин — человек действия. Не удалось достичь высшей власти, используя КПСС, он получил ее в борьбе против коммунизма.

Безусловно, что Ельцин обладает способностью личного воздействия на массы. Он был способен вызвать массовый психоз. Я помню толпы возбужденного народа, которые исступленно кричали: «Ельцин! Ельцин!»

Ельцин разоблачал всех, критиковал все, а обещал всем все. В противовес болтливому Горбачеву говорил кратко, емко и безапелляционно.

На Ельцина сделали ставку враги существующего строя и нашей страны. Он оправдал их надежды. Советский Союз был раздавлен подписанием Беловежского соглашения, которое юридически неправомерно. Ельцин стал главой нового государства под названием Россия (второе название — Российская Федерация), а я — гражданином этого государства.

Я никогда не только не восхищался, но даже не симпатизировал Ельцину. Естественно, никогда не голосовал за него, и за всех тех, кто стоял за ним или был близок к нему. Всегда видел в нем только одно — неуемное честолюбие и желание добиться высшей власти во что бы то ни стало. Я никогда не верил ни одному его обещанию или заверению. Ельцин для меня — только разрушитель, абсолютно не способный ни на какую созидательную деятельность.

В моем понимании истории России с древнего времени и до настоящего, среди ее правителей не было ни одного, равного Ельцину по размерам причиненного его правлением ущерба территориальной целостности страны и ее положению в мировом сообществе, а также экономике и уровню жизни большинства населения.

Системе базирования советского, а теперь российского

Военно-морского флота Ельцин нанес урон, равновеликий ядерному удару как по величине, так и по скорости.

Мгновенно была ликвидирована практически вся система базирования Черноморского флота, в том числе главная база флотов — Севастополь, Керченско-Феодосийская военно-морская база с ее уникальными полигонами по испытанию новой военной техники, военно-морская база Донузлав, аэродромы морской авиации, один из самых мощных в ВМФ радиоцентров и многое-многое другое.

Удар Ельцина по системе базирования Балтийского флота также был весьма результативным. Единая система была разорвана, образовались два района базирования — Калининградский и Ленинградский, а между ними — военно-морские базы других государств, которые вскоре станут членами НАТО.

Система базирования Балтийского флота потеряла Таллин, Ригу, Лиепаю, а с ними вместе судоремонтные заводы, учебные центры, склады различного назначения и многое-многое другое.

Ельцин наносил и точечные удары по другим элементам системы базирования Военно-морского флота страны. Так, одним ударом была ликвидирована главная база Каспийской флотилии в Баку, другим — один из главных центров дальней связи ВМФ в Средней Азии.

До самого роспуска КПСС я из партии не выходил и свой партийный билет храню до сих пор.

Бывший секретарь Ленинградского обкома КПСС Ю. Белов так размышляет о событиях 1990–1991 годов (Санкт-Петербургские ведомости от 18.08.01):

«В предвоенные, военные годы и годы послевоенного возрождения страны, когда пребывание в партийном руководстве означало громадную личную ответственность, КПСС в действительности была мобилизующей силой общества. Факт исторический, не признаваемый разве что патологическими антикоммунистами.

С хрущевского периода эта роль выполнялась партией благодаря самоотверженной деятельности представителей старой партийной элиты в центре и на местах. Но в этот же период начала формироваться новая генерация — генерация будущих Горбачевых и ельциных, для коих удовлетворение неуемного тщеславия, личной карьеры стало превыше всего. Они не помышляли о предательстве, но шли к нему, когда перед ними вставал вопрос — личная власть или интересы государства. В этот же период набирала силу психология безропотного исполнительства: что желает первый — закон.

Как показала история, в КПСС было две партии — партия ответственности за социальные интересы граждан и национально-государственные интересы страны и партия личной карьеры властолюбцев».

Прошу читателя обратить внимание на фразу о двух партиях. В этой фразе — сущность моего членства в партии. Я был в партии ответственности и этим горжусь. Вызывала недовольство народа и привела страну к катастрофе вторая партия — партия личной карьеры.

Реальная жизнь, естественно, трансформировала мои взгляды и убеждения, но эта трансформация не коснулась главного.

После роспуска КПСС я ни в каких политических партиях не состоял и не состою, ни в каких общественных движениях не участвовал и не участвую.

Свою гражданскую позицию я пытаюсь реализовать, участвуя в выборах всех степеней, хотя отлично понимаю, что это такое и чем они кончаются.

Датами главных событий, круто изменивших жизнь нашей социалистической страны, являются: 12 июня 1990 года — день принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации и так называемая августовская революция 1991 года. От этих дат начинается отсчет крушения социализма и разрушения Советского Союза.

До этого я все время упоминал о противостоянии и борьбе капитализма и социализма. Нет необходимости перечислять, кто финансировал эту борьбу. Но воевали не только два строя, а еще и две державы. Вот что пишет на эту тему А. Юрков в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 01.06.02: «Только наивные люди до сих пор считают, что основой холодной войны были идеологические, а не геополитические приоритеты. Не столько революционная «зараза» большевиков всегда была ненавистна Западу, сколько их способность сохранять целостность и независимость державы».

С предельной откровенностью роль Америки в разрушении Советского Союза и крушении социализма раскрыл Президент США Билл Клинтон на закрытом совещании объединенного комитета начальников штабов 25.10.95 (публикация «Санкт-Петербургских ведомостей» от 08.07.00): «...Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумен с Советским Союзом посредством атомной бомбы...

Правда, с одним существенным отличием — мы получили

сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать.

Расшатав идеологические основы СССР, мы смогли бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке...

В ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем:

1. Расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии.

2. Окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии.

3. Установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам».

Начиная с 1990 года и до сегодняшних дней российские демократы и западники всех мастей на все голоса говорят об одном и том же — Советский Союз рухнул только по воле народа.

Вот только некоторые факты и соображения, свидетельствующие о том, что это далеко не так. В газете «Советская Россия» от 06.01.01 в статье А. Огнева говорится: «Во время референдума 17 марта 1991 г. три четверти взрослого населения страны высказалось за сохранение СССР.

Одной из главных причин безнаказанного разрушения СССР явилось то, что управление им было сосредоточено в руках очень узкой когорты людей, и перевербовка этой когорты, ее перерождение стало причиной разрушения и самой КПСС, и нашего государства в целом. В 1999 году М. Горбачев, выступая за границей, откровенничал, что целью всей его жизни было уничтожение коммунизма. Именно для достижения этой цели он использовал свое положение в партии и стране. Циничный идеолог перестройки А. Яковлев в 1998 году в «Известиях» признал, что он стал работать в ЦК КПСС только для того, чтобы разрушить советский режим изнутри, используя для этого партийную дисциплину и слабые стороны его структуры.

Ощущение произошедшего у многих из бывшего СССР, и мое в частности, хорошо выражено в повести «Пасхальное яйцо» А. Кузнецова: «Все рушится на глазах. Страна развалилась. Прибалтика — ладно, в этом есть какая-то справедливость, но Украина, Кавказ?! Крым весь восемнадцатый век завоевывали Румянцев, Потемкин и Суворов, а он уже не Россия. Украина что ли Севастополь защищала? А Казахстан? Земли русского казачества — Оренбургская, Семипалатинская, Павлоградская, Кокчетавская, Петропавловская, Усть-Каменогорская области... Семь русских областей. Там сроду никаких казахов не было.

Какой Казахстан? Мы сами его создали, читать-писать научили только в тридцатых годах». Но Беловежскими соглашениями дело не закончилось. Никуда не передвигаясь, я стал жить не только в другой стране, но и в другом городе. Вместо Ленинграда мой город стал именоваться Санкт-Петербург. Это произошло по инициативе избранного главой города А. Собчака в результате референдума жителей города. Перевес в пользу нового имени был невелик. Я сомневаюсь в результатах подсчета голосов, лично я голосовал за сохранение имени Ленина. Дело сделано, почтовый адрес у меня новый. К памяти и делам Петра Первого я отношусь с глубоким уважением, но считал и считаю, что не надо было это делать.

При Собчаке же вовсю муссировались мнения, что коммунисты зря погубили столько людей, защищая Ленинград, что его надо было сдать немцам, этим избежать блокады и гибели сотен тысяч людей.

Блокадница, инженер по профессии, пенсионерка по положению Г. И. Турина написала по этому поводу в 1996 году в день снятия блокады Ленинграда такое стихотворение:

Твой нынче праздник, Ленинград!

Не Петербург, избави боже,
Ведь это не одно и то же,
Хоть кто-то, может, спорить рад.
Или доказывать цинично,
Красноречиво и «логично»
Предельных сил людских натужность
И тех огромных жертв — ненужность.
Но знаем мы, кто жил в БЛОКАДЕ,
Родных и близких хороня,
ЧТО защищали в Ленинграде,
Сражаясь, жизни не щадя.
Так будем же верны всегда
СКРЕПЛЕННОМУ БЛОКАДОЙ БРАТСТВУ!
Храните наше ЛЕНИНГРАДСТВО,
Товарищи — не господа!

Санкт-Петербург

Начало моей жизни в новой стране при новом правителе Ельцине, в новом городе, при новом градоначальнике Собчаке связано с мучительной болью за случившееся, тревогой и страхом, как будем жить дальше.

По своей прежней должности я имел четкое представление об устройстве государственной власти в СССР и о системе управления народным хозяйством. Я знал, как работает промышленность Советского Союза и какая разветвленная сеть самых различных предприятий, находящихся в разных концах страны, в том числе в регионах, ставших самостоятельными государствами, задействована в создании того или иного изделия, будь то корабль, самолет, трактор или стиральная машина.

Какое будет новое государственное устройство, какая будет система управления народным хозяйством, мне было совершенно не ясно и не понятно. То, что я узнавал из СМИ (так стали называться средства массовой информации: газеты, журналы, телевидение, радио и т. п.), вызывало недоумение потому, что предложения стали давать люди, совершенно не понимающие в тех делах, о которых они говорили. Причем предлагали безапелляционно и с апломбом. Возмущение потому, что говорили глупости и вредности. Страх потому, что все предложения при их реализации могли вести только к одному — разрушению всего и вся.

Было ясно — разрушается социализм. Разрушается сильное государство, и создается что-то аморфное. Прямо об этом руководство страны не говорило. Вместо этого было объявлено, что страна идет курсом реформ, который путем рынка приведет россиян к счастливой жизни и полному благополучию. Как это произойдет, никто и никогда четко не говорил. В стране было две жизни. Первая — у всех на виду, полная безудержной болтовни, неразберихи, смятения, страха, борьбы за выживание, неуемной радости меньшинства, горя и невзгод большинства.

Вторая — у пришедших к власти. Там все было ясно. Не объявленная народу программа действий работала четко. За десять лет реализации этой программы были полностью разрушены все элементы социалистического устройства страны и ликвидирована экономическая база социализма. Параллельно была разрушена экономика мощной индустриальной державы, а сама страна потеряла свое прежнее место в мировом сообществе, превратилась в сырьевой придаток Запада и послушного

исполнителя его указаний. Если в 1929 году произошел коренной перелом в сторону социализма и сильного союзного государства, то в 1991–2001 годах — полный разлом социализма и союзного государства.

В мои планы не входит анализ и описание процессов, произошедших в стране за десятилетие полного разлома. Во-первых, мне это не под силу, а во-вторых, уже опубликовано большое количество работ, где этот процесс исследован и проанализирован на основании достоверных документов и выявленных фактов. Я буду писать только о том, с чем мне самому приходилось сталкиваться по работе или по жизни, и о том, что сам видел и слышал. Естественно, что мое описание будет эмоциональным, а не аналитическим.

Свобода слова была провозглашена одним из главных достижений демократического движения в России. Формально она была. Каждый мог говорить то, что он думает, и никого в тюрьму за его мысли и слова не сажали. Но технические средства информации имели своих хозяев, которые жестко регулировали, какого говоруна допускать в свои студии и редакции и т. п.

Средства массовой информации (СМИ) постсоветской России сформировались в три группы: правые, левые и центристские. Как и всякая систематизация, приведенное выше определение весьма условно. Многие СМИ называли себя «независимыми». По содержанию своих информации «независимые СМИ» могли быть правого, левого и центристского направления.

Понимая всю неоднозначность термина «независимая газета», я считал «Санкт-Петербургские ведомости» («СПВ») одной из небольшого количества известных мне газет центристского направления, объективность и здравый смысл которых внушал уважение.

Содержание «СПВ» отличалось четкостью построения. Отчетлива была видна система — ежедневно, еженедельно, ежегодно по свежим событиям, впечатлениям создавать печатный текст истории постсоветской России. Мне представляется, что если взять подшивку СПВ за десять лет, просто вырезать из нее одноименные разделы, произвести необходимую корректуру и сгруппировать их в нужном порядке, дав к ним небольшой связующий текст, то может получиться экспресс-выпуск новейшей истории.

Большинство приводимых в моих воспоминаниях публикаций я взял из «СПВ».

В первые годы после развала Союза у меня было впечатление, что Россию охватила эпидемия временного слабоумия. Симптомы этого заболевания следующие:

а) беспрерывная круглосуточная всепроникающая бездоказательная шумиха, что при коммунистах и Советах абсолютно все было плохо;

б) ничем не аргументированные заверения в том, что хорошая жизнь начнется только после разрушения всего того, что было при коммунистах и Советах;

в) ничем не обоснованная уверенность в том, что как только все развалим и разрушим, то Запад нам поможет, будет кормить, одевать и денег давать;

г) убежденность, что все хорошее это только то, что есть на Западе, а в России все плохо, надо делать все по-западному.

Под термином «всё» понимается общественный строй, государственное устройство, образ жизни, обычаи, культура, искусство, экономика, армия, органы правопорядка и т. п. и т. д., в общем «всё, всё на свете».

Я назвал эту болезнь временным слабоумием потому, что умственно здоровые люди не должны были бы верить потоку нелепостей и глупостей, который изрыгался средствами массовой информации. Нормальные люди понимали, что эта эпидемия временного слабоумия была вызвана, а потом распространялась и поддерживалась умными, четкими, прагматичными и профессионально подготовленными людьми в своих корыстных интересах.

Слишком уж все методично и организованно проходило, что было особенно заметно по первому симптому эпидемии слабоумия, а именно: при Советах все было плохо. Сперва личности. Не пропустили никого. От Ленина и Сталина до Чапаева и Стаханова. Не было ни одной фамилии, которая, так или иначе, стала известной при советской власти, чтобы ее не облили грязью. Потом идеи. Их критиковать было труднее, потому что идеи коммунизма близки к идеям раннего христианства. Вместо критики идей шло их извращение. Получалось, что главная идея коммунизма разрушение, террор и насилие. Не была забыта ни одна сторона жизни советского общества и деятельности партии, которая была бы обойдена вниманием профессиональных руководителей по распространению и развитию эпидемии слабоумия. Дошли до того, что стали ругать Нобелевский комитет за то, что Шолохову была присуждена Нобелевская премия, и Дунаевского за то, что он при Сталине сочинял музыку для веселых песен. Надо было сочинять только траурную или другую мрачную музыку.

Армию, Военно-морской флот, космос, оборонную промышленность и Комитет государственной безопасности поносили особенно яростно и изощренно. Скатились до того, что

Тихонова — артиста, который играл Штирлица в известном телесериале «Семнадцать мгновений весны», — стали обвинять в обмане народа, говоря, что не было на самом деле никакого Штирлица. Так это и так ясно. Это же художественное кино, а не отчет о действиях советской разведки.

В Советском Союзе было то, что действительно являлось серьезным негативом: культ личности, репрессии, повсеместный дефицит продовольствия, одежды и т. п., бюрократизм системы, закрытость общества и т. п. Опираясь на этот негатив, представляющий только какую-то долю от всей жизни страны, и было развернуто оголтелое охаивание всего и вся.

На обещания, какая будет хорошая жизнь, демократы не скупились. Все у них было очень просто — рынок. Надо немедленно разрушить государственную систему руководства экономикой, передать все средства производства в частные руки, а дальше все пойдет само собой. Рынок все отрегулирует. Но самое главное, самое первое — сперва все разрушить. Процесс разрушения старой жизни и строительства новой назвали реформами. Никто и никогда не обнародовал ясную цель и четкую программу выполнения этих реформ. Был круглосуточный демократический долбеж: «рынок-реформы» или, наоборот, «реформы-рынок». Только слабоумный мог верить, что при отсутствии четкой программы, понятной народу, и присутствии призыва крушить все подряд может наступить «всё и всем хорошо».

Восхваление всего западного и подражание ему приняло гипертрофированные размеры. Появилось ощущение, что живешь не в своей стране, а в каком-то обезьяннике, где макаки копируют человеческое общежитие. Макака надела очки и думает, что она человек. А тут техникум коммунального хозяйства переименовали в колледж, домуправа в менеджера и ожидают, что в результате этих действий перестанет протекать бачок унитаза.

Эпидемия слабоумия достигла такого размаха, что создавалось впечатление: «Никому ничего доказать нельзя, как можно спорить с явным бредом». Телевидение и радио для инакомыслящих (по отношению к демократам) было недоступно, а газеты здравого направления имели ничтожно малый тираж и не могли соперничать с печатной информационной машиной, которой владели ниспровергатели, разрушители и крушители. Митинговые протесты накрепко локализовались средствами массовой информации, сообщения о них были в ерническом или искаженном виде.

В обстановке продолжающейся эпидемии временного

слабоумия началось создание нового общественного строя и новой экономики.

Первым делом выбирали многочисленных депутатов во все органы власти. Проходил тот, кто больше всех ругал прошлое и красивее всех обещал будущее.

Обещания носили вполне конкретный характер и адресную программу. Первое, что обещали — это свободу, любой суверенитет без всяких ограничений, второе — райскую жизнь и полное материальное благополучие. Для полного материального благополучия нужны были средства. Здесь для обещальщиков проблем не было. Все средства, которые в Союзе направлялись на оборонную промышленность, космос, вооруженные силы, строительство защитных сооружений от наводнений (дамбу) и т. п., предлагали перечислить на колготки, сковородки, колбасу, конфитюр и т. п. Обещальщики забывали сказать, что делать с людьми, занятыми в тех сферах, которые они предлагали немедленно упразднить, и как использовать громадные специфические материальные ресурсы этих направлений.

Как только выбрали — началась вторая серия все того же сериала. Вместо конструктивной работы — ссылки на проклятое прошлое, которое мешает получить положительные результаты. К ругани коммунистов добавились разборки между многочисленными политическими группировками. Началась война компроматов. Ну, и самое главное — депутаты стали результативно работать, чтобы создать нормальные условия для самих себя. Здесь были оклады, квартиры, машины, а самое главное — неприкосновенность. Депутат мог воровать, хулиганить, наезжать на своем автомобиле на кого угодно, а органы правопорядка не могли привлечь его к ответу до тех пор, пока сами же депутаты не дадут на это согласие.

Буквально через пару недель после первых выборов в СМИ появились сообщения о делах народных избранников. В это время в Россию стали поступать первые партии гуманитарной помощи Запада. Там были продукты, сроки реализации которых или уже вышли, или подходили к концу, и разная дешевка из одежды и домашней утвари. В вечерних новостях телевидение сообщило, что милиционер задержал мужика, который нес подозрительный мешок. Проверка показала, что мешок набит гуманитарным барахлом, которое только что поступило в город. Мужик возмутился, вытащил свой депутатский мандат, подтверждающий его неприкосновенность, милиционер извинился и отпустил народного избранника. Как только депутаты оформили свою неприкосновенность, начался второй важный этап их работы — поездки за границу для изучения опыта построения демократии и

рыночной экономики.

Следующим шагом народных избранников было создание института помощника депутата. Каждый депутат мог иметь какое-то количество помощников. Эти помощники зарплату не получали. Считалось, что они работают на общественных началах во имя торжества демократии и реализации рыночных идей. Помощников выбирал сам депутат. Эти помощники имели удостоверение, которое открывало им дороги во многие структуры власти. С этим удостоверением им зарплата стала не нужна. СМИ часто сообщали о делах этих помощников. Сообщения были однотипные, поймали бандита, а он помощник депутата, наконец-то изобличили мошенника, а он помощник депутата и т. п.

Параллельно с выборными органами всех уровней создавалась администрация страны.

В первую очередь была организована администрация президента страны. Этот орган исполнял те же функции, что и Центральный Комитет КПСС в СССР. Он фактически правил страной, так как все назначения Правительства страны и членов администрации регионов шли через него.

Все это закончилось тем, что общее количество людей, управляющих страной, как выборных, так и назначаемых, стало непомерно большим, особенно если учесть, что результаты работы повсеместно были плачевными. Все показатели, изобретенные человечеством для характеристики уровня государства и жизни его населения, из года в год падали и падали.

Перестройка социалистической экономики в капиталистическую шла одновременно по трем направлениям: приватизация, криминализация и образование с нуля новых частных предприятий. Криминализация экономики, по сообщениям СМИ, заключалась в том, что организованный криминал взял под контроль весь процесс приватизации и образования новых частных предприятий. Как в советские времена все предприятия, учреждения или колхозы были под контролем органов партии, теперь все они находились под контролем криминала. Появился специальный термин — «крыша», который обозначал взятие организации под криминальный контроль.

Я был свидетелем, как криминал оказывал действенное влияние не только на экономику, но и на политику. В первые годы ельцинского правления демократы старались уничтожить всякую материальную память об Октябрьской революции и Советской власти. Демонтировались памятники,

переименовывались города, улицы, газеты, закрывались музеи и т. п. Крейсер «Аврора» — символ революции. Он стоит на вечной стоянке у набережной Большой Невки. Это одно из самых посещаемых мест в городе. Около «Авроры» традиционно много ларьков и лотков, где продают сувениры. Группа демократов стала устраивать ежедневные пикеты у «Авроры» с плакатами, требующими убрать крейсер с этого места. Они приставали к посетителям, вынуждая их не подниматься на борт крейсера. Попытки милиции убрать пикетчиков не дали положительного результата. Торговый оборот ларьков с сувенирами резко упал, что затронуло интересы «крыши», которая контролировала эти ларьки. В один из дней на набережную пришли два «братка» — представители «крыши» и приказали демократам немедленно убраться. Пикетчики попытались проигнорировать «братков». «Братки», недолго думая, приступили к разъяснению своей позиции. Пикетчики побросали свои плакаты и разбежались. Больше никто и нигде не пытался требовать убрать «Аврору». Так криминал отстоял символ Октября от посягательств демократов.

Приватизация началась с ваучеризации.

Ни один самый знаменитый, самый выдающийся, самый удачливый мошенник во всей истории человечества не сумел даже близко подойти по размеру и наглости содеянного к тому, что произошло в постсоветской России с ваучерами. Вся собственность в стране при советской власти юридически принадлежала народу. Надо было ее отобрать. Желательно без особого шума и потрясений. Наглость по простоте, четкости и эффективности совершенного иногда может быть близка к гениальности. Народу объявили, что стоимость всего народного добра страны (заводы, самолеты, дома, рудники, золотые запасы и т. п.) составляет сумму, равную N рублей. В стране в то время по какому-то учету численность населения была равна S человек. Таким образом, каждый гражданин страны был собственником части общенародного добра в стоимостном выражении, равном результату деления N на S. Право владения этой части общенародной стоимости для каждого гражданина было зафиксировано в специальном документе, который назвали «ваучером» и выдали каждому гражданину страны независимо от его возраста, места жительства, стажа работы и т. п. Объявили, что стоимость одного ваучера равна стоимости двух легковых автомобилей «Волга». Это было очень эффектно. На такой автомобиль рядовому жителю нашей страны надо было чуть ли не всю жизнь работать. А тут и на бабушку и на грудного ребенка — сразу по два автомобиля. Дальше разъяснили, что эти ваучеры можно будет вкладывать в дело, т. е. обменивать их на акции, по

которым можно будет получать дивиденды и жить припеваючи. Совсем как в Кувейте. Тут же появилась целая куча разных обществ с громкими названиями (вроде «Гермес — алмазы, золото, нефть»), которые начали приобретать ваучеры у населения в обмен на свои акции.

Параллельно была организована скупка ваучеров за «живые» деньги специально образованными фирмами, а также всякого рода личностями, которые толкались в метро или на вокзалах.

Через некоторое время рыночная стоимость ваучера у перекупщиков на станциях метро была равна не стоимости двух автомобилей «Волга», а всего-навсего стоимости одной бутылки дешевой водки. Взрыва народного негодования не произошло, так как значительная часть населения уже вложила ваучеры в разного рода «гермесы» и находилась в ожидании дивидендов.

Я оказался в положении этих ожидающих. Бывший мой подчиненный организовал брокерскую фирму, которая стала работать с ваучерами в интересах одного банка. Он уговорил меня обменять ваучеры моей семьи на акции этого банка. Я никогда не верил ни в какое светлое ваучерное будущее, но продавать ваучеры перекупщикам у метро было противно, а оставлять их лежать дома — неприятно. А тут, как говорится, свой человек. Никаких хлопот, никуда ходить не надо. Отдашь ему одни бумажки, он без всяких заморочек принесет другие, а там — что Бог пошлет. В том же банке, акции которого мне обменяли на ваучеры, был открыт счет, на который и должны были поступать мои дивиденды. Через год я наведался в банк узнать, что же там получилось. Дивиденды были начислены. На них можно было купить одну бутылку минеральной воды.

Я махнул на ваучеры рукой и в целях сохранения своих коронаров перестал о них думать. Но не тут-то было.

Года через два на мой домашний адрес приходит приглашение прийти в налоговую инспекцию. Я был в недоумении — зачем? Работал все время только в одной организации, там налоги удерживаются автоматически, больше никаких побочных заработков не было. Премий и наследства не получал. Пришел, выстоял громадную очередь и узнал, что за эти два года я не уплатил налога с дивидендов на ваучеры. Эти дивиденды мне регулярно начисляли и переводили на мой счет в банке. Их размер не увеличился — по бутылке минеральной воды. Тогда в России процент взимаемого налога зависел от размера суммарного дохода налогоплательщика. Инспектор налоговой службы потребовала от меня принести справку с места основной работы о полученных за эти годы доходах. Принес, выстоял снова очередь, сел около инспектора. Она стала складывать мою

основную зарплату с дивидендами и вычислять, сколько же я недоплатил. Вычислила. Потом стала начислять сумму штрафа за несвоевременные платежи. Инспектор понимала, что делала дурацкую работу, но что-либо изменить не имела права. Из налоговой я пошел в Сбербанк, опять выстоял очередь и заплатил как налоги, так и штраф за их несвоевременную оплату. Общая сумма платежей была в размере стоимости двух-трех бутылок минеральной воды, суммарная потеря времени — два рабочих дня.

Принял решение — любыми путями и средствами избавиться от этих акций. Пошел в банк — его на старом месте нет. Нашел его следы после многодневных и разноплановых поисков. Сидит в каком-то тупике на арендуемой площади и без вывески. После продолжительных переговоров руководство банка согласилось принять в дар от меня эти акции. Началось составление документации по дарению. Процедура муторная и не короткая. Подарил и вздохнул облегченно.

Но не тут-то было. Через полгода мне опять на домашний адрес приходит письмо, где говорится о том, что банку нельзя дарить его собственные акции. Их можно подарить только физическому лицу. Снова пошел в банк, где мне посоветовали подарить свои акции одному из акционеров банка. Его я никогда в глаза не видел, подписал заготовленный заранее банком акт дарения и наконец-то избавился от этих проклятых ваучеров.

Примерно так было у десятков миллионов бывших советских граждан. Из общенародного пирога собственности нам даже крошек не досталось. Весь пирог поделили по другим правилам. Ваучеры у населения приобрели несколько десятков фондов, фирм, контор и т. п., за которыми стояли определенные физические лица, обменявшие потом эти ваучеры у государства на заводы, пароходы, газеты и т. п. Там обмен происходил по той стоимости, которая была объявлена при выпуске ваучеров. Все вышло очень гладко: ваучеры раздали всем, население захотело их немедленно продать, умные люди купили, вот они и стали богатыми. Какие могут быть претензии к руководству страны? Само собой вспоминается утверждение классика французского детектива XIX века Эмиля Габорио: «Для того, чтобы быстро разбогатеть, в сущности, имеется всего один способ: присвоить принадлежащее другому человеку, но ловко, чтобы не попасться».

Бедный английский морской пират Морган. Сколько раз рисковал своей жизнью в схватках за приобретение чужого добра. Сколько мучений принял, пока награбил столько, что мог передать своему королю такое количество ценностей, которого хватило на забвение его пиратского прошлого и возведение в

рыцарский сан. А дальше — основатель нынешнего семейства американских миллиардеров Морганов, которые не скрывают, что их династия началась именно с того самого Генри Моргана, знаменитого пирата и авантюриста. У них есть определенное основание гордиться своим предком. Грабить-то он грабил, но подданных другого государства в интересах своего государства. Ведь большую часть награбленного Генри передал королю на нужды государства.

А в постсоветской России не надо было никакого личного мужества, отваги, храбрости, не надо было рисковать жизнью, нападая на вооруженный корабль для его ограбления, надо только было быть в нужное время в нужном месте около нужных людей. Кто был всю свою прежнюю жизнь ничем — тот моментально стал всем. Отдельные физические лица не стали брать пример с Моргана и ограбили подданных своей страны в свою личную пользу. Все это было при президенте Ельцине, премьер-министре Гайдаре и вице-премьере Чубайсе. Последнего в стране называют идеологом ваучеризации и приватизации.

Приватизация происходила как на ваучерной основе, так и по схемам, когда собственником предприятия становился его трудовой коллектив. Реализация этих схем привела к тому, что в конце концов фактическими собственниками предприятий стали физиче-ские лица, которые тем или иным способом приобрели контрольный пакет акций предприятия.

До начала приватизации в стране появилось множество частных предприятий, которые создавались практически «с нуля». Эти предприятия занимались практически всем, что могло принести прибыль. Диапазон их деятельности был так велик, что не поддается систематизации. Численность работающих в них сотрудников была от одного до нескольких десятков человек. Многие из этих предприятий были посредническими, т. е. сами они ничего не производили. Они находили заказчика с деньгами, брали у него заказ и передавали его для исполнения организации, у которой были люди и оборудование для выполнения этого заказа/Или: они находили покупателя, которому что-то нужно. Далее они находили продавца, у которого этот товар был. Покупали у второго и перепродавали первому. В сфере взаимоотношения с органами власти такие фирмочки занимались оформлением виз, лицензий, разрешений на производство работ и т. п.

Параллельно с мелкими вновь образованными частными фирмами в стране действовали государственные посреднические организации еще официально не приватизированные, но работающие совершенно самостоятельно на так называемом

полном хозяйственном расчете. Над ними уже не было никаких административных начальников, устанавливающих им план и дающих им какие-либо указания, хотя формально они все еще числились за каким-либо ведомством. Фактически они уже были частными предприятиями. Одной из таких организаций была внешнеторговая фирма «Киришинефтехим-экспорт», которая в советское время занималась экспортом продукции Киришского нефтеперерабатывающего завода и успела к моменту развала Союза зарекомендовать себя надежным партнером как для завода, так и для зарубежных покупателей нефтепродуктов. В советское время фирма установила надежные связи в органах власти Ленинграда и Ленинградской области, Министерства топлива и энергетики, таможенном комитете и др. Советская власть ушла, демократическая пришла, а чиновники в перечисленных выше органах все те же. Все наработанные связи работают. Фирма в самые смутные времена продолжала устойчиво работать. В руководстве фирмы были люди с дальним прицелом, поэтому у них родилась мысль построить нефтепорт, чтобы не тратить лишних средств на перевалку в портах Прибалтики. Фирма присмотрела для этих целей бухту Батарейная в Ломоносовском районе Ленинградской области, где в то время располагался склад специального топлива ВМФ.

Директор «Киришинефтехимэкспорта» А. П. Смирнов пригласил меня на работу для руководства строительством нового нефтепорта. Я принял это приглашение. Оно давало мне хоть какое-то моральное успокоение. Потеряла Россия порты в Прибалтике, а тут новый планируется построить. Приятно было и то, что в свои 63 года я оказался востребованным, да еще в такое время, когда вдруг инженеры стали никому не нужны.

В начале воспоминаний я сообщил читателю, что и в советские времена, и в современной России я занимался одним и тем же: участвовал в создании и поддержании морского могущества нашего государства.

Термин «морское могущество» (идентичный «морской мощи») имеет несколько толкований, имеющих много общего. Главнокомандующий ВМФ Советского Союза Горшков понимал под этим совокупность средств освоения Мирового океана и способность страны использовать военно-экономические возможности океана в своих целях. По Горшкову, морская мощь зависит не только от реальной боевой мощи ВМФ. Ее следует рассматривать, прежде всего, как. способность государства все ресурсы и возможности, которыми располагает океан, поставить на службу человека и полностью использовать для развития экономики. Морская мощь — составная часть экономической

мощи.

Президент Американской исторической ассоциации в начале XX века адмирал А. Т. Мэхэн считал, что анализировать позицию и геополитический статус государства следует на основании шести критериев, входящих в понятие морского могущества:

1. Географическое положение государства, возможность морских коммуникаций с другими странами.

2. Количество морских портов.

3. Протяженность береговой линии.

4. Способность государства строить корабли и их обслуживать.

5. Способность населения страны к занятию торговлей, так как морское могущество основывается на мирной и широкой торговле.

6. Политический характер правления.

Задолго до Мэхэна наш российский император Петр Первый коротко и четко сформулировал, что сильным государство может быть только тогда, когда кроме армии оно имеет флот.

Пользуясь определениями Горшкова и Мэхэна, вспоминая Петра Первого, можно без всякого труда и не прибегая ни к каким другим источникам произвести анализ морского могущества нашего государства во время правления Ельцина. Результат один — оно находилось на самой нижней планке. Еще немного таких реформ и оно было бы близко к нулю.

В советский период я участвовал в создании и поддержании морского могущества государства, работая в интересах Военно-морского флота, в постсоветской России стал работать в интересах развития морской торговли путем строительства нового транспортно-технологического портового комплекса в бухте Батарейная. Нет нужды уточнять, что когда в результате действий Ельцина страна лишилась многих крупных портов, новый морской порт должен был играть ощутимую роль в экономике страны.

Работал я по новому порту вместе со своим сыном Сергеем, который в 1977 году закончил то же училище, где я учился в 1946–1952 годах. После моего ухода в отставку Сергей был переведен в 23 ГМПИ, где в должности главного инженера проекта работал по различным объектам, в том числе по нефтепорту в бухте Батарейной.

В 1993 году по выслуге лет я был уволен в запас и принят на работу в фирму «Киришинефтехимэкспорт» в качестве начальника отдела капитального строительства.

Первым делом надо было получить согласие Военно-морского флота и обговорить условия передачи фирме земельного участка

для строительства порта. Договор получился серьезный, интересы ВМФ были полностью учтены.

Второе — получить согласие населения поселка Ше-пелево на строительство нефтепорта в пределах их земель. Собрание продолжалось более четырех часов. Это было время, когда средства массовой информации вывалили на население страны все негативное, которое было, а может быть, и не было в стране из-за непродуманных решений по строительству. Население было напугано до предела и встретило нас враждебно. Настрой был один — не дадим строить порт. Постепенно люди успокоились и практически единогласно проголосовали «за».

После этого пошла работа по получению принципиальных согласий на размещение с многочисленными организациями и ведомствами, интересы которых так или иначе могли быть затронуты при строительстве порта.

В те времена органы власти имели две ветви: администрация и Советы народных депутатов. Последовательность получения принципиальных согласий была такая: сперва Советы, потом администрация. Совет народных депутатов Ленинградской области имел профильные комитеты. Перед заседанием Совета мне надо было получить заключение профильных комитетов, которые привлекали к своей работе общественные организации. Мне пришлось делать доклад сперва на заседании Совета народных депутатов Ломоносовского района, а потом Ленинградской области. Соответственно и два доклада руководителям администрации района и области.

На Финском заливе в это время планировалось строительство нескольких новых портов и реконструкция существующих. Была создана Правительственная комиссия для рассмотрения и принятия решения по новому портостроительству. По решению этой комиссии проектный институт «Ленморниипроект» разработал Генеральную схему размещения транспортно-технологических портовых комплексов в Финском заливе, в которую была включена и бухта Батарейная.

Только после утверждения Генеральной схемы на федеральном уровне администрация Ленинградской области выдана фирме «Киришинефтехимэкспорт» разрешение на производство проектно-изыскательских работ.

23 ГМПИ совместно с целым рядом других проектных организаций было разработано технико-экономическое обоснование (ТЭО) строительства первой очереди транспортно-технологического портового комплекса в бухте Батарейной.

Так как фирма планировала получить кредит на строительство в Европейском банке реконструкции и развития

(ЕБРР), то параллельно на основе ТЭО одна из западных инжиниринговых фирм по заказу «Киришинефтехимэкспорта» разработала предпроектную документацию в западных стандартах, достаточную для предъявления в банк. Эта документация прошла экспертизу западных специализированных фирм и получила положительное заключение.

После всех экспертиз, согласований и заключений ТЭО было утверждено на федеральном уровне.

Идея строительства нового нефтепорта в бухте Батарейной получила широкую поддержку как органов власти, так и общественности.

Как у всякого крупного дела, у Батарейной были и крупные враги. Первым из них был мэр Санкт-Петербурга Собчак. По его поручению руководящий сотрудник аппарата мэрии Кудрин, нынешний вице-премьер правительства России, на заседании Правительственной комиссии Российской Федерации по рассмотрению Генеральной схемы размещения транспортно-технологических портовых комплексов в Финском заливе предложил исключить из этой схемы бухту Батарейную. Его доводы не были убедительными, поэтому комиссия не приняла их во внимание.

Другим именитым врагом Батарейной был Яблоков, бывший в свое время советником Ельцина по экологии. Как Яблоков боролся с Батарейной, описывала журналист Татьяна Анненская в газете «Петровский курьер» от . 28.12.97: «На показе специального кинофильма речь шла главным образом о строительстве нефтеналивного порта в бухте Батарейной. Гремели траурные фанфары, пламенная речь академика Яблокова сменялась апокалиптическими кадрами — нефтяные разливы, пламя, гусенок в жирном мазутном пятне... Триллер! На деле выясняется, что природные заказники находятся на пушечный выстрел от строительства (достаточно свериться с картой). И массовых гнездовий птиц в указанных местах орнитологи, к сожалению, давно не наблюдали. Нет их, как нет и многого другого, о чем пекутся блюстители природы. А что есть? Страсть делать «заказные» сенсации и зашибать на них деньги».

При работе над ТЭО нефтепорта в бухте Батарейной фирма «Киришинефтехимэкспорт» не скупилась на средства для того, чтобы ознакомить российских проектировщиков, представителей органов власти, контрольных органов и населения с работой зарубежных современных нефтеналивных портов. Россияне убедились, что наливной порт может соседствовать с морским курортом, что вблизи его причалов ловят рыбу, а на его территории много птиц и разной другой живности.

По своему убеждению я глубоко «зеленый» человек, т. е. для меня природоохранные разделы проекта — одни из самых важных. За время работы над проектом мне довелось встречаться практически со всем спектром движения зеленых. Условно их можно разделить на три группы. Первой я дал название «умные зеленые». Они настроены против всякого вмешательства в природу, но для обоснования своих доводов всегда изучают документацию, только потом уже начинают выдвигать контртезисы проекту. Все выводы «умных зеленых» обоснованны и кроме пользы делу ничего не несут. Вторая группа — «суматошные зеленые». Эти начинают протестовать, толком не разобравшись, о чем речь. Объяснить им что-либо крайне трудно. Они заранее настроены на то, что их обманывают. Они бескорыстны, но вздорны и чрезвычайно активны. Сам процесс протеста для них важнее, чем попытки вникнуть в существо дела. Третья группа — «коммерческие зеленые». Это — холодные и расчетливые люди. Им наплевать на существо дела. Для них важна цель протеста — деньги, или политическая конъюнктура. Деньги они могут получать или от тех, кто продвигает проект, или от тех, кто не хочет, чтобы проект был реализован.

С первыми двумя группами зеленых мы работали, с третьей не вступали ни в какие контакты.

После утверждения ТЭО правительство Ленинградской области заключило с фирмой «Киришинефтехимэкспорт» договор на аренду земельного участка для строительства нефтепорта.

К этому времени Государственная внешнеторговая фирма «Киришинефтехимэкспорт» была приватизирована, и на ее базе образовано открытое акционерное общество «Ки-нэкс», у которого на руках оказалось ТЭО на строительство нефтепорта в бухте Батарейная и взятый на 50 лет в аренду участок для строительства этого комплекса.

Очередной заботой ОАО «Кинэкс» стала проблема, что делать дальше. Решили заняться образованием акционерного общества для строительства нефтепорта, в уставной капитал которого «Кинэкс» вошел бы своим ТЭО, договором на аренду земельного участка и какими-то денежными средствами. Была достигнута договоренность с крупными и надежными банками о кредитах, которые выставили главное требование — уставной капитал нового акционерного общества должен быть равен третьей части общей стоимости строительства. Никаких официальных объявлений о намерении образовать такое акционерное общество «Кинэкс» не делал, но слухами земля полнится, и начался процесс получения заявок от организаций, желающих участвовать в этом мероприятии. В уставной капитал нового акционерного общества

предлагали принять все, что угодно, только не деньги. Тут были и вагоны, и недостроенные танкеры, и неработающий завод сборного железобетона, и дворец культуры крупного завода и т. п. и т. д.

Для строительства нужны были деньги, поэтому руководство «Кинэкса» обратилось к руководству нефтяной компании «Сургутнефтегаз» с предложением быть учредителем нового акционерного общества. «Сургутнефтегаз» чрезвычайно тщательно, скрупулезно и дотошно изучил то, что было наработано в «Кинэксе», и пришел к выводу о целесообразности своего участия в этом проекте. Никаких новых акционерных обществ нефтяная компания не планировала создавать, ее руководство приняло решение взять на себя обязанности инвестора и заказчика при условии, что на эту тему будет подписано специальное постановление правительства Российской Федерации и что в этом документе кроме порта будет прописан нефтепродуктопровод Кириши — Батарейная.

В мае 1996 года такое постановление было подписано. Президент нефтяной компании «Сургутнефтегаз» В. Л. Богданов пригласил меня на работу в нефтяную компанию. В нефтяной компании был образован Санкт-Петербургский филиал по строительству и эксплуатации нефтепорта в бухте Батарейная и нефтепродуктопровода Кириши — Батарейная. Я был назначен руководителем этого филиала. Все сотрудники «Кинэкса», участники работ по Батарейной, были приняты на работу в филиал.

Началась моя работа в крупнейшей нефтяной компании не только России, но и мира. Нефтяная компания «Сургутнефтегаз» с численностью работающих в ней порядка 90 тыс. человек — вертикально-интегрированная организация по добыче, переработке и сбыту. Я сперва не до конца понимал, что такое «вертикально-интегрированная». Дней через десять после начала работы я уже знал, что это такое. Все было как в Военно-морском флоте. Там Главнокомандующий ВМФ, здесь — президент нефтяной компании. Как только разобрался, то стал работать в том же режиме, в котором до этого времени служил в Военно-морском флоте.

Первое посещение Сургута произвело на меня положительное впечатление. Город ухоженный. Школы и больницы работают. Учителя и врачи не бастуют. Все при деле. В городе и на производстве чувство уверенности в сегодняшнем и завтрашнем дне. Президент нефтяной компании В. Л. Богданов в Москву не уехал. Работает и живет рядом с теми, кто добывает нефть. Пользуется уважением сотрудников и горожан.

Нефтяная компания «Сургутнефтегаз» силами своего Санкт-Петербургского филиала и привлеченных проектных организаций проделала большую работу по подготовке нефтепорта и нефтепродуктопровода в бухте Батарейной к строительству, начато которого по целому ряду причин было задержано.

Окончание первоочередных проектных работ по нефтепорту и нефтепродуктопроводу в бухте Батарейная по времени совпало с уходом Ельцина в отставку и приходом к власти В. В. Путина.

Правление Ельцина разные люди оценивают по-разному. Мне ближе следующая оценка доктора исторических наук В. Калашникова («Санкт-Петербургские ведомости» от 29.01.00):

«Каковы же основные итоги президентства Ельцина? Если говорить о политическом аспекте, то в стране сегодня существует реальный набор демократических институтов, но реальная демократия гораздо меньше той, что была уже достигнута Горбачевым в 1989–1991 годах. Теперь можно громко ругать власть, но нельзя на нее влиять. Можно создать кучу политических партий, но победит на выборах та, которая получит главный финансовый и информационный ресурс.

Если говорить об идеологическом аспекте, то в результате информационно-психологического воздействия россияне все эти годы оставались нацией, неспособной осознать свои действительные национальные интересы и найти общие идеологические ориентиры. Среди значительной части населения утвердились деструктивные моральные «ценности»: культ вседозволенности, насилия, примата личного узкоэгоистического интереса над интересами общества и т. п.

Ответ на вопрос о том, какой социально-экономический строй создал Ельцин, дают и правые, и левые. Так, Гайдар и Явлинский уже не первый год говорят о том, что в стране создан криминально-бюрократический, номенклатурный капитализм, который ничего общего не имеет с их планами создания либеральной экономики. А коммунисты добавляют, что этот капитализм носит компрадорский и олигархический характер. В принципе, они все правы.

Но есть одно очень важное измерение итогов реформ, которое не охватывается вышеприведенными характеристиками.

В 1989 году объем ВВП на душу населения в России составлял, по самым минимальным оценкам, 30% от уровня США, а по усредненным оценкам международных экспертов — 42%.

Что же произошло за годы реформ, осуществленных Ельциным? В 1999 году душевой объем ВВП в России составил лишь 15% от уровня США. Иными словами, разрыв увеличился в два раза.

Не лучше обстоит дело и с другим ключевым показателем. Одной из главных причин перехода к рыночной экономике Ельцин и его команда «реформаторов» называли низкую производительность труда в рамках советской плановой экономики. Однако в результате реформ производительность труда в России резко упала и сейчас составляет всего лишь 19% от уровня США, хотя еще в 1991 году она равнялась 30% по самым заниженным оценкам.

Таким образом, экономические итоги правления Ельцина выглядят просто удручающе.

Характеристикой социальной ситуации служат демографические показатели. Наиболее обобщающим является, пожалуй, уровень смертности. В 1960 году число умерших на 1000 населения составило 7 человек (лучший показатель советского периода), а в прошлом году — почти 15 человек. На протяжении всего периода реформ численность населения сокращалась. В России сейчас детей — сирот в 2,5 раза больше, чем было в 1945 году, сразу после войны. Таких данных можно приводить много, и все они говорят о настоящей социально-демографической катастрофе, последствия которой будет испытывать еще не одно поколение.

Из сказанного очевидно, что Ельцин не создал позитивного задела для поступательного развития России в XXI веке. Напротив, одержимый химерой уничтожения «тоталитарного прошлого», он разрушил огромную часть того богатейшего потенциала, который был создан потом и кровью целого ряда предшествующих поколений как в советский, так и в досоветский периоды российской истории. В этом и состоит его главное наследство. В итоге сегодня России предстоит долгий и трудный путь к тому, чтобы выйти на уровень благосостояния 1980-х годов, чтобы оправиться от потерь, понесенных в трагическую декаду 1990-х».

Конечно, и при Ельцине в стране появилось что-то положительное, например, колбаса без очереди, кальсоны без талонов и возможность поехать в Турцию без разрешения компетентных органов.

Жаль только, что у большинства населения страны нет денег не только на поездку в Турцию, но и на новые кальсоны.

Период полного разлома (эпохи Ельцина) закончился. Началось правление Путина, который сперва был заместителем Собчака в Санкт-Петербурге, а потом главой правительства России у Ельцина в Москве. По официальным данным, падение экономики в стране при Путине было остановлено.

Может быть, после ельцинского полного разлома начнется

новый период в истории нашей страны.

Какой он будет, этот новый период, покажет время.

Я написал все то, что запланировал, и на этом заканчиваю свои воспоминания.

Послесловие

За свою службу и работу я написал великое множество докладов, справок, аналитических записок и других аналогичных документов. Правила написания таких документов были следующие: текст должен состоять из вступления, содержания и заключения. Во вступлении формировались цели и задачи документа, в содержании анализировалась обстановка и обосновывались способы решения задач, в заключении делались выводы. В заключении никогда нельзя было писать о том, о чем не было речи во вступлении и в содержании. Труднее всего было писать вступление и заключение. Эти разделы должны были быть максимально короткими и предельно четкими.

В моих воспоминаниях роль вступления выполняет раздел «Обращение к читателю», а «Послесловие» — роль заключения.

«Обращение к читателю» я переделывал много раз, основной текст писался легко, а вот «Послесловие» сразу никак не получалось.

По науке написания книг и документов в заключении надо было бы подвести какие-то итоги, сделать какие-то выводы, дать рекомендации на будущее.

Все мои попытки написать заключение по законам жанра не удались. Я не собираюсь в заключении сообщать читателю какие-либо выводы о своей жизни и о жизни страны, тем более давать рекомендации, что делать в России дальше.

Что было, то было. Что есть, то есть. Как жил, так и написал. Для себя я вывод сделал, а каждый читатель будет сам делать свой вывод.

Несмотря ни на что, я не потерял веру в свою страну и надежду на то, что наш народ добьется достойной для себя жизни.

В заключение хочу сообщить читателю только то, что организация системы базирования Военно-морского флота является и наукой и искусством одновременно.

Наукой потому, что при планировании и проектировании используются военные, инженерные, экономические, математические, технологические и другие методы расчетов, сравнений и т. п., а реализация проектов осуществляется по всем канонам строительной науки.

Искусством потому, что, не имея высокоразвитого военного интеллекта и способностей к предвидению развития военно-политических событий невозможно принять оптимальные решения на основе только инженерных расчетов.

Не открою ничего нового, если к этому заключению добавлю, что любому человеку для жизни так же необходимы как наука, так и искусство. Термин «наука» здесь применен в житейском смысле, т. е. знание своей специальности, чтобы заработать на питание, знание правил уличного движения, чтобы не попасть под трамвай, знание правил мытья рук перед едой, чтобы не маяться с животом и т. д. и т. п. Термин «искусство» здесь применен в смысле прирожденных способностей жить и добиваться успеха в любых условиях.

Каждый пишущий надеется, что его прочтут. Каждый пишущий знает, что если его прочтут, то реакция читателя будет самая различная: от одобрения до полного отрицания. Я — не исключение.

Август 2002 года